Пена дней

Борис Виан

Пена дней

Борис Виан

Борис Виан. Пена дней
I
II
III
IV
V
VI
VII
VIII
IX
X
XI
XII
XIII
XIV
XV
XVI
XVII
XVIII
XIX
XX
XXI

XXII
XXIII
XXIV
XXV
XXVI
XXVII
XXVIII
XXIX
XXX
XXXI
XXXII
XXXIII
XXXIV
XXXV
XXXVI
XXXVII
XXXVIII
XXXIX
XL
XLI
XLII
XLIII
XLIV
XLV
XLVI
XLVII

XLVIII
XLIX
L
LI
LII
LIII
LIV
LV
LVI
LVII
LVIII
LIX
LX
LXI
LXII
LXIII
LXIV
LV
LVI
LXVII
LXVIII
И. Стаф. Комментарий

Борис Виан
Пена дней

I

Колен заканчивал свой туалет. Выйдя из ванны, он завернулся в широкую махровую простыню, оставив обнаженными только ноги да торс. Он взял со стеклянной полочки пульверизатор и оросил летучим ароматным маслом свои светлые волосы. Янтарный гребень разделил его шелковистую шевелюру на тонкие оранжевые пряди, напоминающие борозды, которые вилкой прокладывает веселый пахарь на блюдце с абрикосовым конфитюром. Отложив гребень, Колен вооружился щипчиками для ногтей и косо подстриг края своих матовых век, чтобы придать взгляду таинственность. Ему часто приходилось это делать — веки быстро отрастали. Колен включил лампочку увеличительного зеркала и придвинулся к нему, чтобы проверить состояние своего эпидермиса. У крыльев носа притаилось несколько угрей. Сильно укрупненные, они поразились своему уродству и тут же юркнули обратно под кожу. Колен с облегчением погасил лампочку. Он размотал простыню, стягивающую ему бедра, и кончиком ее принялся удалять по-

следние капельки воды между пальцами ног. Его отражение в зеркале показалось ему на кого-то удивительно похоже — ну, конечно же, на того блондина, который играет роль Слима в Hollywood Canteen{1}. Круглая голова, маленькие уши, прямой нос, золотистая кожа. Он так часто улыбался младенческой улыбкой, что на подбородке у него не могла не появиться ямочка. Он был довольно высокий, стройный, длинноногий и вообще очень милый. Имя Колен ему, пожалуй, подходило{2}. С девчонками он говорил ласково, а с парнями — весело. Почти всегда у него было хорошее настроение, а в остальное время он спал.

Проткнув дно ванны, он выпустил из нее воду. Выложенный светло-желтой керамической плиткой пол в ванной комнате имел наклон, и

{1} Комментарии: 2.1

...блондина, который играет роль Слима в Hollywood Canteen — т. е. американского актера Роберта Хьюттона, образец американского обаяния. «Hollywood Canteen» («Голливудский солдатский клуб») — развлекательный фильм режиссера Делмера Девиса (1944).

{2} Комментарии: 2.2

Имя Колен ему... подходило. — «Колен» было традиционным именем пастушков во французских пасторалях XVIII века. Наделяя этим именем героя, Виан утверждает в романе тему пародийной идиллии, разыгрываемой главными персонажами (отсюда и подчеркнутая сентиментальность сюжета) и усиливаемой также именем героини — Хлоя [broken link: #chloe]. Кроме того, «Колен» является ласково-уменьшительным от «Николя» и во французском произношении представляет почти точную фонетическую анаграмму имени «Хлоя»: перекличка имен создает дополнительные связи между персонажами.

вода стекала в желоб, который находился как раз над столом жильца, занимавшего квартиру этажом ниже. Недавно тот, не предупредив Колена, переставил у себя мебель. Теперь вода лилась на буфет.

Колен сунул ноги в сандалии из кожи нетопыря и надел элегантный домашний костюм — вельветовые брюки бутылочного цвета и атласную фисташковую куртку. Махровую простыню он повесил на сушилку, а коврик для ног перекинул через борт ванны и посыпал крупной солью, чтобы извлечь из него воду. Коврик тут же оплевался — он весь покрылся гроздьями мыльных пузыриков.

Выйдя из ванной комнаты, Колен двинулся на кухню, чтобы лично присмотреть за последними приготовлениями. Как всегда по понедельникам, у него обедал Шик{3}, живший неподалеку. Правда, нынче была еще суббота, но Колену не терпелось увидеть Шика и угостить его теми блюдами, которые вдохновенно стряпал его новый повар Николя. Двадцатидвухлетний Шик был

{3} Комментарии: 2.3

Шик. — Наиболее «американизированный» из персонажей романа: в первоначальном замысле его имя звучало как «Жак Чиккаго», затем Виан сократил его до распространенного американского «Чик» (по-французски «Шик»).

ровесником Колена и тоже холостяком, да к тому же он разделял его литературные вкусы, но вот денег у него было куда меньше. Колен же обладал состоянием, достаточным для того, чтобы не работать на других и ни в чем себе не отказывать. А вот Шику каждую неделю приходилось бегать к дяде в министерство, чтобы стрельнуть у него деньжат, потому что профессия инженера не позволяла ему жить на уровне своих рабочих, а командовать людьми, которые и одеты лучше тебя, и едят лучше, весьма затруднительно. Изо всех сил стараясь ему помочь, Колен под любым предлогом звал его обедать. Однако болезненное самолюбие Шика заставляло Колена постоянно быть начеку — он опасался, как бы чересчур частые приглашения не выдали его намерений.

Застекленный с двух сторон коридор, ведущий на кухню, был очень светлый, и с каждой его стороны пылало по солнцу, потому что Колен любил свет. Куда ни глянешь, повсюду сияли начищенные до блеска латунные краны. Игра солнечных бликов на их сверкающей поверхности производила феерическое впечатление. Кухонные мыши часто плясали под звон разбивающихся о краны лучей и гонялись за крошечными солнечными зайчиками, которые без конца дробились и ме-

тались по полу, словно желтые ртутные шарики. Колен мимоходом погладил одну мышку: у нее были длинные черные усы, а серая шкурка на ее стройном тельце чудо как блестела. Повар кормил мышей превосходно, однако разъедаться не давал. Днем мыши вели себя тихо, как мыши, и играли только в коридоре.

Колен толкнул эмалированную дверь кухни. Повар Николя не спускал глаз с приборной доски. Он сидел за пультом управления, также покрытым светло-желтой эмалью, в которой были вмонтированы циферблаты различных кухонных аппаратов, стоявших вдоль стены. Стрелка электроплиты, запрограммированной на жаренье индейки, дрожала между «почти готово» и «готово». Птицу вот-вот надо было вынимать. Николя нажал на зеленый тумблер, приводивший в действие механический щуп, который легко вонзился в индейку, и в то же мгновение стрелка замерла на отметке «готово». Быстрым движением Николя вырубил энергопитание плиты и включил тарелкоподогреватель.

— Будет вкусно? — спросил Колен.

— Месье может не сомневаться, — заверил Николя. — Индейка откалибрована очень точно.

— А что вы приготовили на закуску?

— Ах, на сей раз я не стал ничего изобретать и занялся чистым плагиатом. У Гуффе{4}.

— Да у вас губа не дура! — заметил Колен. — Какой же пассаж его великого творения вы воспроизводите?

— Тот, что изложен на странице шестьсот тридцать восемь его «Поваренной книги». Сейчас, месье, я вам его прочту.

Колен присел на табурет, обитый пористым каучуком, покрытым сверху промасленным шелком в цвет кухонных стен, и Николя начал читать:

— «Запеките паштет как для закуски. Разделайте крупного угря и нарежьте его ломтями толщиной в три сантиметра. Сложите куски рыбы в кастрюлю, залейте белым вином, добавьте соли, перца, тонко нарезанного лука, две-три веточки петрушки, немного тмина, лаврового листа и зубок чесноку…» Правда, мне, увы, не удалось вырвать его так, как положено, потому что зубодерные щипцы у нас совсем разболтались.

— Я велю купить новые, — сказал Колен.

Николя продолжал:

{4} Комментарии: 2.4

Гуффе Жюль (1807–1877) — французский кулинар, автор поваренной книги, которую инженер Виан чрезвычайно ценил за точность рецептуры.

— «…Когда угорь сварится, выньте его из кастрюли и положите на противень. Процедите бульон сквозь шелковое сито, добавьте немного испанки и томите на медленном огне, пока соус не загустеет. Пропустите его сквозь волосяное сито, залейте им рыбу и кипятите минуты две, не больше. Затем разложите куски угря на паштете, украсьте жареными шампиньонами, в середину воткните букет из молок карпа и залейте все это оставшимся соусом».

— Хорошо, — одобрил Колен. — Надеюсь, Шик это оценит.

— Я не имею удовольствия быть знакомым с месье Шиком, — заметил Николя, — но если это блюдо ему не понравится, то в следующий раз я приготовлю что-нибудь другое, и таким образом мне постепенно удастся определить с большой степенью точности всю гамму его вкусовых пристрастий от до до до.

— Конечно, — сказал Колен. — Засим я вас покину, Николя. Пойду накрывать на стол.

Он прошел по коридору в обратном направлении, пересек прихожую и оказался в столовой, служащей и гостиной: ее бежевато-розовые стены и голубой ковер не утомляли глаз, даже когда они были широко раскрыты.

Эта комната, площадью, примерно, четыре метра на пять, выходила двумя продолговатыми окнами на бульвар Луи Армстронга{5}. Зеркальные стекла раздвигались, благодаря чему весенние ароматы, если, разумеется, таковые имелись снаружи, могли проникнуть и внутрь помещения. Угол у противоположной стены занимал дубовый стол. По двум его сторонам стояли скамьи, а по двум другим — дубовые стулья с подушками из синего сафьяна на сиденьях. Вот и вся меблировка, не считая длинной низкой полки, оборудованной под дискотеку, проигрывателя высшего класса и еще одной полки, симметричной первой, где хранились рогатки, тарелки, стаканы и прочие предметы, без которых цивилизованные люди не садятся за стол.

Колен выбрал голубую скатерть — под цвет ковра. Посредине стола вместо вазы он поставил колбу с двумя заспиртованными куриными эмбрионами, в точности воспроизводившими пластику призрака из балета «Видение розы» в

{5} Комментарии: 2.5

Армстронг Луи (1900–1971) — американский трубач-виртуоз и певец, руководитель джаз-оркестра. *«Бульвар Луи Армстронга»* начинает «музыкальную топографию» романа.

исполнении Нижинского{6}, а вокруг разложил веточки мимозы необыкновенной: знакомый ему садовник получил этот новый сорт от скрещения мима и розы, которая вместе с невинностью потеряла и букву «Р». Потом достал с полки белые фарфоровые тарелки с золотыми прожилками, по две каждому, и по прибору из нержавеющей стали с ажурными ручками, которые между двумя пластинками из плексигласа было вставлено чучело божьей коровки — на счастье. Два хрустальных бокала и две салфетки, сложенные наподобие тиар, завершали сервировку. На все эти приготовления ушло некоторое время. Едва они были закончены, как звонок сорвался с цепи и тем самым известил Колена о приходе Шика.

Колен расправил складочку на скатерти и пошел открывать дверь.

— Как поживаешь? — спросил Шик.

— А ты-то как? — вместо ответа спросил Колен. — Раздевайся и пойдем, посмотрим, что делает Николя.

— Новый повар?

— Да, — ответил Колен, — я выменял его у тети,

{6} Комментарии: 2.6

«Видение розы» в исполнении Нижинского. — В 1911 г. балет Вебера «Видение розы» в постановке и с участием известного русского танцовщика В. Ф. Нижинского (1890–1950) имел в Париже колоссальный успех.

отдал ей моего старого повара и килограмм бельгийского кофе{7} в придачу.

— Ты им доволен? — сбросил Шик.

— Похоже, дело он знает. Ученик Гуффе.

— Человека из чемодана?{8} — в ужасе воскликнул Шик, и его черные усики трагически поникли.

— Да нет, болван, Жюля Гуффе, знаменитого кулинара.

— В этом я не силен… Знаешь, кроме Жан-Соля Партра{9} я мало что читаю.

Он пошел за Коленом по выложенному плитками коридору, погладил мышей и попутно зарядил свою зажигалку капелькой солнца.

— Николя, — сказал Колен, входя на кухню, — познакомьтесь, пожалуйста: мой друг Шик.

{7} Комментарии: 2.7

…килограмм бельгийского кофе. — Из-за более низких таможенных цен колониальные товары стоили в Бельгии значительно дешевле, чем во Франции.

{8} Комментарии: 2.8

Человека из чемодана? — Речь идет о нашумевшем в 1889 г. убийстве судебного исполнителя Гуффе, труп которого убийцы положили в специально изготовленный чемодан и бросили в зарослях на берегу Роны. Это уголовное дело, блестяще раскрытое инспектором парижской полиции Гороном, вошло в историю криминалистики.

{9} Комментарии: 2.9

Жан-Соль Партр — весьма прозрачный намек на современного философа-экзистенциалиста Жан-Поля Сартра (1905–1980). Насмешка Виана относится к той «моде на экзистенциализм», которая возникла во Фран-

ции в 40-е гг. и благодаря которой имя Сартра стало легендой, а сам он превратился в своего рода живого идола. Объектом пародии выступает, таким образом, не личность философа, с которым Виан был в то время очень близок и который вызывал его искреннее восхищение, но «миф» о нем, созданный многочисленными почитателями. Показательно, что изначально в роли подобного персонажа-кумира предполагалось вывести одного из двух писателей, друзей Виана, — либо Раймона Кено (1903–1976), либо Мак-Орлана (1882–1970). Сам Сартр горячо одобрил «Пену дней» и в октябре 1946 г., до публикации романа, напечатал отрывки из него в своем журнале «Тан модерн».

— Добрый день, месье, — произнес Николя.

— Добрый день, Николя, — ответил Шик. — Скажите, у вас нет племянницы, которую зовут Ализа?

— Есть, месье, — подтвердил Николя. — И, смею заметить, весьма красивая девушка.

— Между вами большое фамильное сходство, — сказал Шик, — хотя по линии бюста некоторое различие имеется.

— Да, у меня с годами грудь стала шире, — уточнил Николя, — а у Ализы она развивалась, так сказать, перпендикулярно, если месье позволит мне называть вещи своими именами.

— Выходит, мы почти что в семейном кругу, — обрадовался Колен, — а вы мне не говорили, Николя, что у вас есть племянница.

— Моя сестра сбилась с пути, — признался Николя. — Она изучала философию. В семье, которая гордится своими традициями, о таких вещах предпочитают молчать.

— М-да, — сказал Колен, — пожалуй, вы правы. Во всяком случае, я вас понимаю. Покажите-ка нам лучше ваш паштет с угрем…

— Сейчас небезопасно открывать духовку, — предупредил Николя, — не то произойдет резкое обезвоживание блюда в результате того, что

внутрь проникнет воздух меньшей влажности, чем тот, который ее заполняет.

— Я предпочитаю увидеть это блюдо, когда его подадут на стол, — сказал Шик. — Пусть это будет сюрпризом.

— Горячо одобряю вас, месье, — сказал Никола. — Осмелюсь ли попросить месье разрешить мне вернуться к моим делам?

— Конечно, Николя, пожалуйста!

И повар вновь взялся за прерванную работу, которая состояла в том, что он опрокидывал на тарелки формочки с заливным из морского языка, украшенного ломтиками трюфеля, как и положено для рыбной закуски. Колен и Шик вышли из кухни.

— Не выпьешь ли аперитив? — спросил Колен. — Мой пианоктейль уже настроен, можешь его опробовать.

— Как, пианоктейль уже работает? — спросил Шик.

— Да, и притом отлично. Трудно было его наладить, но результат превзошел все мои ожидания. Я сыграл «Black and Tan Fantasy»{10} и получил

{10} Комментарии: 2.10

«Black and Tan Fantasy». — «Фантазия в черном и огненном цвете», композиция Дюка Эллингтона [broken link: #chloe] (1927), в которую он ввел фрагменты из «Похоронного марша» Шопена.

совершенно поразительную смесь.

— Какой принцип ты положил в основу механизма?{11} — спросил Шик.

— Каждой клавише соответствует либо какой-нибудь крепкий напиток, либо ликер, либо сироп. Правая педаль добавляет в смесь сбитое яйцо, а левая — кусочек льда. Для получения сельтерской воды надо извлекать тремоло в высоком регистре. Дозы всех ингредиентов определяются длительностью звука: одной шестьдесят четвертой соответствует шестнадцатая часть объема, взятого за единицу, четверти — единица объема, а целой ноте — четыре единицы. Когда играешь медленную мелодию, включается особая система регистров, чтобы доза коктейля не увеличивалась, иначе порция получилась бы слишком большой, а только повышалась его крепость. Кроме того, можно, в зависимости от продолжительности мелодии, изменить величину объема, взятого за единицу, уменьшив его, например, в сто раз, чтобы получить напиток, в котором, с

{11} Комментарии: 2.11

Какой принцип ты положил в основу механизма? — Идея пианокктейля, содержащая элементы научной фантастики, перекликается с описанием «пиано-веретена», придуманного французским поэтом Максом Жакобом (1876–1944): «пиано-веретено» подсоединяется к меблировке комнаты или непосредственно к нервным клеткам человека. Виан, однако, дает гораздо более точное «научное» описание своего «изобретения».

помощью особого модератора, учтены все законы гармонии.

— Все это очень сложно, — сказал Шик.

— Механизмом управляет электронное устройство через реле. Не стану вдаваться в детали, ты же сам хорошо разбираешься в этих вещах. Притом, заметь, это еще и пианино, на котором прекрасно можно играть.

— Невероятно! — воскликнул Шик.

— Осталась, правда, одна недоделка, — сказал Колен, — вот никак не налажу правую педаль, которая регулирует сбивание яиц. Пришлось поставить дополнительное сцепление, потому что, когда играешь что-нибудь слишком hot{12}, в коктейль попадают куски омлета, и их трудно глотать. Со временем я это, конечно, устраню, а пока придется быть повнимательней. Да, забыл сказать, что сливки — это «соль» в контроктаве.

— Сейчас сделаю себе коктейль на мотив «Loveless Love»{13}. Это должно быть нечто невообразимое, — сказал Шик.

{12} Комментарии: 2.12

«Hot» **(англ.)** — буквально: «горячий». *Jazz-hot* («горячий джаз») — стиль джаза, основанный на импровизации и четком ритме. Виан обыгрывает оба значения слова.

{13} Комментарии: 2.13

«Loveless Love». — «Любовь без любви», блюз Сиднея Бечета [broken link: #bechet] (1931).

— Пианоктейль стоит пока в чулане, который я оборудовал под мастерскую, — сказал Колен, — я не успел еще привинтить к нему деку. Пойдем. Для начала я его запрограммирую на два коктейля граммов по двести.

Шик сел за пианоктейль. Едва замер последний звук, как с сухим треском откинулась середина передней панели и показалась шеренга стаканов. Два из них были наполнены до краев аппетитной на вид жидкостью.

— Когда ты взял фальшивую ноту, я испугался, — сказал Колен, — но к счастью, она оказалась в той же тональности.

— Он учитывает и тональность? — спросил Шик.

— Не всегда, — сказал Колен, — это была чересчур сложная задача. Но некоторая зависимость все же есть. Ну, пей, и пошли к столу.

II

— Паштет с угрем просто изумителен, — сказал Шик. — Кто надоумил тебя заказать такое блюдо?

— Идея принадлежит Николя, — сказал Колен. — У нас тут есть, вернее, был угорь, который каждый день появлялся в умывальнике, выползал из крана.

— Забавно! — сказал Шик. — С чего бы это?

— Он дотягивался до зубной пасты и пожирал ее, нажимая зубами на тюбик. Николя пользуется исключительно американской ананасной пастой, и угрю, видимо, она пришлась по вкусу.

— А как он его поймал? — поинтересовался Шик.

— Вместо тюбика с пастой он положил настоящий ананас. Когда угорь лакомился пастой, он ее легко заглатывал и беспрепятственно уползал назад, а тут вышло иначе: чем энергичней он втягивал голову в края, тем глубже его зубы вонзались в ананас. Николя…

Колен осекся и замолчал.

— Что Николя? — спросил Шик.

— Не решаюсь сказать, боюсь отбить у тебя аппетит.

— Говори, я уже почти все съел.

— Тогда Николя вошел в ванную и бритвой отсек ему голову. Потом открыл кран, и угорь оказался в умывальнике.

— И все? — сказал Шик. — Положи мне еще паштета. Надеюсь, в водопроводной трубе живет и его многочисленное семейство.

— Николя положил на умывальник тюбик с малиновой пастой, так что посмотрим… Послушай, кто эта Ализа, о которой ты с ним говорил?..

— Я как раз о ней думал. Впервые я увидел ее на лекции Жан-Соля. Мы случайно оказались рядом — оба лежали ничком под кафедрой, там мы и познакомились.

— Какая она? — спросил Колен.

— Я не мастер описывать, — ответил Шик. — Она прелестна…

— А!..

Вошел Николя, неся блюдо с индейкой.

— Садитесь с нами, Николя, — сказал Колен. — Ведь в конце концов, как справедливо заметил Шик, вы почти член нашей семьи.

— Если месье не возражает, я сперва займусь мышами, — ответил Николя. — Я скоро приду.

Индейка порезана… Вот соус…

— Обрати на него внимание, — сказал Колен. — Это сметанный соус из манго и можжевельника, им заполняют мешочки, сшитые из тонко отбитого телячьего филе. Ты на них нажимаешь, и соус течет струйками.

— Нет слов! — воскликнул Шик.

— Не можешь ли ты мне сказать, хотя бы в самых общих чертах, как ты с ней познакомился?.. — продолжал свое Колен.

— Право, не знаю… Я ее спросил, любит ли она Жан-Соля Партра, она ответила, что собирает все, что он пишет… Тогда я ей сказал: «Я тоже…» И всякий раз, когда я ей что-нибудь говорил, она отвечала: «Я тоже…» и vice versa[1]. В конце концов, только для того, чтобы поставить экзистенциальный опыт, я сказал: «Я вас люблю», — а она в ответ воскликнула: «О!..»

— Опыт не удался, — заметил Колен.

— Да, — согласился Шик, — но она все же не ушла. Тогда я сказал: «Мне в эту сторону», — а она ответила: «А мне — нет», и добавила: «Мне в ту».

— Невероятно!

— Тогда я сказал: «И мне тоже в ту». И стал

---

[1] Примечания: 1.1
Наоборот *(лат.)*.

ходить за ней по пятам повсюду, куда бы она ни шла.

— И чем же это кончилось?

— Ну… Просто пришло время ложиться в постель…

Колен поперхнулся, и, чтобы прийти в себя, ему пришлось выпить пол-литра бургундского.

— Завтра мы с ней идем на каток. Завтра воскресенье… Пойдешь с нами? Мы решили идти утром, когда там не так много народа. Я, правда, немного стесняюсь, потому что катаюсь неважно, но зато мы сумеем поговорить о Партре.

— Хорошо, — пообещал Колен. — Я пойду с Николя… Может, у него есть еще племянницы…

III

Колен вышел из вагона метро и поднялся по лестнице. Однако он оказался не там, где рассчитывал, и, чтобы сориентироваться, обошел площадь. С помощью желтого шелкового платка он определил направление ветра, первый же порыв сдул с него цвет и унес на большое здание неправильной формы, которое сразу стало походить на каток «Молитор»{14}.

Миновав зимний бассейн, Колен вошел в каменную громаду с бокового входа. Створки стеклянных дверей с медными переплетами, хлопая, вели с ним двойную игру — и впускали, и отталкивали. Колен протянул абонемент, который подмигнул контролеру двумя уже пробитыми глазками. Контролер ответил понимающей улыбкой, что, однако, не помешало ему пробить третий глазок в оранжевой картонке, и она тут же ослепла. Колен без зазрения совести сунул ее обратно в свой бумаговый сафьяник, то есть сафьяновый бумажник, и свернул налево, в

{14} Комментарии: 2.14

«Молитор» — название спортивного сооружения в Париже, включающего каток и бассейн.

устланный прорезиненной дорожкой коридор, где находились кабины для переодевания. На первом этаже свободных мест не было. Поэтому он поднялся по бетонной лестнице на второй этаж. Навстречу ему скакали верзилы — ведь все они были на вертикальных стальных полозьях, — тщетно стараясь сохранить при этом естественность движений. Служитель в белом свитере открыл ему кабину и сунул в карман чаевые, но по всему было видно, что он лжец, что чая не пьет, что для него это не невинные чаевые, а винные, или даже коньячные. Он оставил клиента в этом застенке, небрежно начертав мелом его инициалы на специально для этого предназначенном черном прямоугольнике. Колен обратил внимание на то, что у служителя была голова не человека, а голубя{15}, и удивился, что он приставлен к катку, а не к бассейну.

С катка подымался овальный скрип полозьев, и музыка, звучавшая из установленных вокруг динамиков, придавала ему весьма сложную

{15} Комментарии: 2.15

...у служителя была голова не человека, а голубя... — Облик служителя напоминает изображение египетского бога Гора, имевшего, по представлениям, птичью голову (считался сыном Озириса и Исиды [broken link: #isis]). Удивление Колена вызвано, очевидно, тем, что подобная «египетская» фигура ассоциируется скорее с водой (Нилом), чем со льдом катка.

структуру. Однако шум, который производили конькобежцы, еще не достиг того уровня громкости, который бывает в часы наплыва — тогда его можно принять за топот полка, марширующего в слякоть по булыжной мостовой. Колен поискал глазами Ализу и Шика, но их на катке не было. Николя должен был прийти попозже: он еще возился на кухне, готовя обед.

Развязывая шнурки, Колен обнаружил, что на полуботинках уже нет подметок. Он достал из кармана пакетик пластыря, но его оказалось слишком мало. Тогда он положил полуботинки в лужицу под цементной скамейкой и полил их концентрированным удобрением, чтобы кожа снова отросла. Потом Колен надел шерстяные носки в широкую желто-лиловую полоску и ботинки с коньками. Их полозья спереди раздваивались, чтобы легче было поворачивать.

Он вышел из кабины и спустился на этаж ниже. Ноги его вихлялись, пока он брел по дорожкам из перфорированного каучука, которым были устланы бетонные полы коридоров. Но едва он отважился ступить на лед, как ему пришлось опрометью кинуться назад и подняться на две деревянные ступени, не то его сбила бы с ног мчавшаяся во весь опор конькобежка. Блиста-

тельно выполнив ласточку, она пожинала лавры, а уборщик тем временем сметал разлетавшиеся во все стороны лавровые листья. И тут Колен вдруг увидел Шика и Ализу, выходивших на лед с другой стороны катка. Он сделал им знак, но они этого не заметили. Тогда он кинулся к ним наперерез потоку катающихся, которые двигались по кругу. Конькобежцы, понося его на чем свет стоит, тормозили и в результате, подшибая друг друга, валились на лед. Эта «куча мала» росла с каждой секундой за счет врезавшихся в нее несчастных созданий, отчаянно размахивавших руками и ногами, передергивавших плечами и извивавшихся всем телом, прежде чем рухнуть на тех, кто был уже повержен. Лед от солнца подтаял, и под этой растущей на глазах горой тел плескалась вода. Очень скоро там уже собралось девять десятых катающихся, и каток таким образом оказался почти в полном распоряжении Шика с Ализой. Они подъехали к груде беспомощных копошившихся людей. Шик узнал Колена по его раздвоенным конькам и извлек его из самой гущи, вытащив за лодыжки. Они пожали друг другу руки, Шик представил ему Ализу, и Колен пристроился слева от нее, поскольку Шик уже находился одесную.

Посторонившись, они пропустили уборщиков, которые, не надеясь найти в этом живом месиве что-либо кроме не представляющих никакого интереса продуктов распада личности, вооружились скребками и двинулись к стоку нечистот, толкая перед собой всю кучу разом. При этом они пели гимн катка «Молитор», сочиненный еще в 1709 году Вайяном-Кутюрье{16}:

Господа,
Соблаговолите, пожалуйста,
Очистить каток,
Чтобы дать нам возможность
Произвести уборку.

Все это сопровождалось гудками клаксона, чтобы даже самые закаленные души содрогнулись от ужаса.

Те, кто еще катался, аплодисментами приветствовали такую инициативу, и мусорный люк,

---

{16} Комментарии: 2.16

…гимн катка «Молитор», сочиненный еще в 1709 г. Вайяном-Кутюрье. — Пример излюбленного Вианом анахронизма: Поль *Вайян-Кутюрье* (1892–1937) — французский писатель, журналист, член ФКП, был главным редактором газеты «Юманите». Как и в случае с Жан-Солем Партром [broken link: #partre], упоминание имени Вайяна-Кутюрье не содержит никаких аллюзий на конкретную историческую личность: Виан с его любовью к языковой игре и «говорящим» именам, видимо, оценил «внутреннюю форму» этой фамилии (по-французски «Вайян-Кутюрье» означает «храбрый портняжка»).

поглотив все останки, захлопнулся. Шик, Ализа и Колен вознесли краткую молитву и заскользили по льду.

Колен не спускал глаз с Ализы. По странной случайности на ней был белый свитер и желтая юбка. Ботинки ее тоже были бело-желтыми, и каталась она на «канадах». Дымчатый цвет ее шелковых чулок оттенялся белыми носками, которые она подвернула, чтобы прикрыть верхнюю часть низких ботинок, зашнурованных белыми шнурками, трижды обмотанными вокруг лодыжек. К этому надо добавить ярко-зеленую шелковую косынку и на редкость густую копну вьющихся белокурых волос, которые обрамляли ее лицо. Она смотрела на мир широко открытыми синими глазами, а занимаемая ею часть пространства во вселенной была ограничена гладкой золотистой кожей. Руки и икры у нее были круглыми, талия — тонкой, а бюст очерчен очень четко, словно на хорошей фотографии.

Колен отвел взгляд, чтобы обрести равновесие. Ему это удалось, и, опустив глаза, он спросил Шика, как тот себя чувствует после паштета с угрем.

— Не напоминай мне об этом, — сказал Шик. — Я всю ночь ловил рыбу в своей раковине, надеясь, что и мне удастся поймать угря. Но попадались

только форели.

— Николя и из них что-нибудь приготовит! — заверил его Колен. — У вас удивительно талантливый дядя, — сказал он, обращаясь уже к Ализе.

— Он — гордость семьи, — ответила Ализа. — Моя мать все не может утешиться, что вышла замуж за какого-то там доктора математических наук, в то время как ее брат так преуспел в жизни.

— Ваш отец — доктор математических наук?

— Да, он профессор Коллеж-де-Франс{17} и действительный член Академии наук или что-то в этом роде… — сказала Ализа. — Стыдно… в тридцать восемь лет. Мог бы и постараться. К счастью, есть дядя Николя.

— Разве он не собирался прийти сюда сегодня? — спросил Шик.

От светлых волос Ализы исходил изумительный аромат. Колен посторонился.

— Видимо, он опоздает. Утром у него возникла какая-то новая идея. Давайте пойдем ко мне обедать, ладно? Тогда мы узнаем, во что он ее воплотит…

— Отлично, — сказал Шик. — Но если ты рас-

{17} Комментарии: 2.17

Коллеж-де-Франс — весьма авторитетное высшее учебное заведение в Париже, основанное в 1530 г. Франциском I.

считываешь, что я приму твое приглашение, у тебя превратное представление об объективной реальности. Тебе необходимо найти себе пару, чтобы нас было четверо. Иначе я не пущу Ализу к тебе, сам должен понимать.

— Нет! — запротестовал Колен. — Вы только послушайте!..

Но ответа он так и не услышал, потому что один непомерно высокий субъект, который вот уже пять минут упражнялся в скоростном беге, согнувшись в три погибели и весь подавшись вперед, проскочил у него между ногами, и возникшая воздушная волна подбросила Колена на несколько метров вверх. Ему удалось ухватиться за балюстраду второго этажа, он подтянулся, но не вверх, а вниз, и, упав, очутился снова рядом с Шиком и Ализой.

— Все же надо было бы запретить кататься так быстро, — сказал Колен и перекрестился, потому что конькобежец, врезавшись в стену ресторана на противоположном конце катка, растекся по ней, словно медуза, которую швырнул жестокий ребенок.

Уборщики снова взялись за дело, и один из них водрузил на месте несчастного случая ледяной крест. Пока крест не растаял, дежурный ставил

пластинки духовной музыки. Потом все пошло своим чередом. Шик, Ализа и Колен продолжали кружить по льду.

IV

— Вот и Николя! — воскликнула Ализа.

— А вот и Исида{18}, — сказал Шик.

Николя еще только проходил через контроль, а Исида уже вышла на лед. Первый поднялся в раздевалку, в то время как вторая подкатила к Шику, Колену и Ализе.

— Здравствуйте, Исида, — сказал Колен. — Познакомьтесь с Ализой. Ализа, это Исида. А Шика вы знаете.

Тут все стали пожимать друг другу руки, и Шик воспользовался этим минутным замешательством, чтобы удрать с Ализой, а Колен и Исида, так и не прерывая рукопожатия, покатились вслед за ними.

— Я рада вас видеть, — сказала Исида.

Колен тоже был рад ее видеть. К восемнадцати годам Исиде удалось обзавестись каштановыми волосами, белым свитером, желтой юбкой, ядовито-зеленой косынкой, желто-белыми ботинками и темными очками. Она была прелестна, но Ко-

---

{18} Комментарии: 2.18

Исида — в египетской мифологии богиня-мать, покровительница семьи. В романе именно благодаря Исиде Колен встречается с Хлоей.

лен хорошо знал ее родителей.

— На той неделе мы устраиваем прием, — сказала Исида. — До случаю дня рождения Дюпона{19}.

— Дюпона? Кто это?

— Мой пудель. Я пригласила всех своих друзей. Вы придете? В четыре часа…

— С большим удовольствием, — ответил Колен.

— И приведите своих приятелей.

— Шика и Ализу?

— Да, они симпатичные… Значит, до воскресенья.

— Вы уже уходите? — спросил Колен.

— Ага, я никогда долго не катаюсь. Я и так здесь уже десять часов, пора и честь знать…

— Ведь сейчас только одиннадцать утра! — воскликнул Колен.

— А я была в баре… Привет!

{19} Комментарии: 2.19

Дюпон — «Сенатором Дюпоном» звали собаку, жившую в семье Вианов в юношеские годы писателя. Сенатор Дюпон, мудрый говорящий пес, действует в романе Виана «Красная трава» (1950). Некоторые из своих ранних публикаций Виан подписывал «Борис Дюпон».

V

Колен торопливо шел по наполненным светом улицам. Дул резкий сухой ветер, а под ногами хрустел затянувший лужи ледок толщиной с ноготок.

Прохожие прятали подбородки кто во что горазд: в воротники, в шарфы, в муфты, а один даже сунул свой подбородок в птичью клетку, да так, что дверца на пружинке упиралась ему в лоб.

«Завтра я пойду к Трюизмам», — думал Колен.

Это были родители Исиды.

«А сегодня вечером я ужинаю с Шиком…»

«Надо поскорее идти домой, чтобы подготовиться к завтрашнему дню…»

Он широко шагнул, стараясь не наступить на белую полосу зебры-перехода, — она показалась ему опасной. «Если я сумею сделать двадцать шагов, ни разу не наступив на белое, — подумал Колен, — то завтра у меня на носу не вскочит прыщ».

«Ах, все это глупости, идиотизм какой-то, — сказал он себе, в девятый раз наступая на белую полосу, — прыща у меня все равно не будет».

Он наклонился, чтобы сорвать голубовато-розовую орхидею, которую мороз выгнал из земли.

Она пахла, как волосы Ализы.

«Завтра я увижу Ализу…»

Эту мысль следовало гнать прочь. Ализа по праву принадлежала Шику.

«Завтра я там, наверное, найду себе какую-нибудь девушку».

Но мысли его снова возвращались к Ализе.

«Неужто они в самом деле говорят о Жан-Соле Партре, когда остаются одни?»

Может быть, думать о том, чем они занимаются, когда остаются одни, ему тоже не стоило.

«Сколько статей написал Жан-Соль Партр за последний год?»

Так или иначе он не успеет сосчитать их, прежде чем дойдет до своего дома.

«Интересно, чем Николя будет нас сегодня кормить?»

Если поразмыслить, то в сходстве Ализы и Николя нет ничего удивительного, поскольку они родственники. Но так он как бы невзначай снова вернулся к запрещенной теме.

«Да, все же интересно, чем Николя будет нас сегодня кормить?»

«Я решительно не знаю, чем Николя, который

похож на Ализу, будет нас сегодня кормить».

«Николя на одиннадцать лет старше Ализы. Выходит, ему двадцать девять лет. У него большой кулинарный талант. Он нам приготовит фрикандо из телятины».

Колен подходил к своему дому.

«Витрины цветочных магазинов никогда не закрывают железными шторами. Никому и в голову не приходит красть цветы».

Оно и понятно. Колен снова сорвал орхидею, на этот раз оранжево-серую, и ее нежные, отливающие перламутром лепестки поникли.

«Она цвета моей мышки с черными усами… Вот я и дома».

Колен поднялся по каменной лестнице, покрытой ковровой дорожкой. Он всунул в замок серебристо-зеркальной двери золотой ключ.

— Эй, мои верные слуги, ко мне! Я вернулся!

Он швырнул плащ на стул и направился к Николя.

VI

— Николя, вы готовите на ужин фрикандо?

— Вот те раз! Месье ведь меня не предупредил. У меня другие затеи.

— Какого дьявольского черта вы всегда и беспрестанно обращаетесь ко мне в третьем лице?

— Коли месье угодно выслушать мои объяснения, то извольте: я полагаю, что фамильярность допустима исключительно между людьми, которые вместе пасли свиней, а это, как вам известно, не наш случай.

— Вы высокомерны, Николя, — сказал Колен.

— Я горжусь своим высоким положением в обществе, месье, и вы, надеюсь, не поставите мне это в упрек.

— Безусловно, — сказал Колен, — но мне было бы приятней, если б вы держались со мной попроще.

— Я исполнен к месье искренней, хоть и затаенной привязанности.

— Польщен и счастлив, Николя, и, поверьте, отвечаю вам тем же. Итак, чем вы попотчуете нас сегодня вечером?

— Я намерен, снова следуя традициям Гуффе, создать на сей раз фаршированного колбасуся с Антильских островов под соусом из портвейного муската.

— А как его готовят? — заинтересовался Колен.

— Рецепт такой: «Возьмите живого колбасуся и сдерите с него семь шкур, невзирая на его крики. Все семь шкур аккуратно припрячьте. Затем возьмите лапки омара, нарежьте их, потушите струей из брандспойта в подогретом масле и нашпигуйте ими тушку колбасуся. Сложите все это на лед в жаровню и быстро поставьте на медленный огонь, предварительно обложив колбасуся матом и припущенным рисом, нарезанным ломтиками. Как только колбасусь зашипит, снимите жаровню с огня и утопите его в портвейне высшего качества. Тщательно перемешайте все платиновым шпателем. Смажьте форму жиром, чтобы не заржавела, и уберите в кухонный шкаф. Перед тем как подать блюдо на стол, сделайте соус из гидрата окиси лития, разведенного в стакане свежего молока. В виде гарнира подавайте нарезанный ломтиками рис и бегите прочь».

— Нет слов! — воскликнул Колен. — Гуффе воистину великий человек! Скажите, Николя, у меня завтра не вскочит на носу прыщ?

Николя внимательно изучил хобот Колена и пришел к отрицательному выводу.

— Да, пока не забыл, вы танцуете скосиглаз?

— Увы, я все еще танцую вывих или стилем озноб, который с полгода назад вошел в моду в Нейи{20}. В скосиглазе я не силен, знаю только несколько па.

— Как вы думаете, — спросил Колен, — можно за один урок овладеть его техникой?

— Полагаю, что да, — ответил Николя. — В общем-то это несложно. Важно только не упасть и в безвкусицу не впасть. Например, не танцевать скосиглаз на ритмы «буги-вуги».

— Тогда упадешь?

— Нет, в безвкусицу впадешь.

Николя положил на стол грибфрукт, который он чистил во время разговора, и ополоснул руки под краном.

— Вы очень заняты? — спросил Колен.

— Да нет, месье! Кухонная аппаратура уже запущена.

— В таком случае я был бы вам очень обязан, если б вы показали мне те па скосиглаза, которые вы знаете, — сказал Колен. — Пойдемте в гости-

---

{20} Комментарии: 2.20

Нейи — аристократическое предместье Парижа, примыкающее к Булонскому лесу.

ную, я поставлю пластинку.

— Я посоветовал бы месье выбрать что-нибудь в том темпе, который создает особую атмосферу, ну, что-нибудь типа «Хлои[{21}]» в аранжировке Дюка Эллингтона или «Концерт для Джонни Ходжеса[{22}]...» — сказал Николя. — То, что за океаном обозначают словами «moody» или «sultry tune»[{23}].

{21} Комментарии: 2.21

Хлоя. — Это имя носит героиня знаменитого пасторального романа греческого писателя Лонга (конец II — начало III в. н. э.) «Дафнис и Хлоя»: Виан продолжает линию пародийной идиллии, заявленную в имени «Колен» [broken link: #colin]. Кроме того, *«Хлоя»* — это название блюза в аранжировке Дюка Эллингтона (1940), главной «музыкальной темы» романа. Подзаголовок блюза — «Песня Болота», или «Девушка Болота», — очевидно, послужил одной из мотивировок появления в легких Хлои болотного растения — кувшинки. По-гречески это имя означает «молодой побег», что создает дополнительные связи между персонажем и растительным миром. *Эллингтон,* Эдуард (прозвище — **Дюк**, 1899–1974) — американский композитор, пианист, руководитель одного из лучших негритянских джаз-оркестров. Виан преклонялся перед его творчеством.

{22} Комментарии: 2.22

Ходжес Джонни (р. 1906) — саксофонист в оркестре Дюка Эллингтона, блестящий импровизатор.

{23} Комментарии: 2.23

«Moody», «sultry tune» (**англ.**> — «мрачная, знойная мелодия».

VII

— Принцип стиля скосиглаз, что, впрочем, месье, наверно, и сам знает, состоит в интерференции двух динамических систем, вибрация которых строго синхронизирована.

— Я и не предполагал, — удивился Колен, — что тут приложимы термины современной физики.

— В данном случае партнеры находятся на весьма близком расстоянии друг от друга и вибрируют всем телом в ритме музыки.

— В самом деле? — с некоторым беспокойством переспросил Колен.

— Таким образом возникает система статических волн, имеющих, как известно из акустики, равномерные колебания, что немало содействует возникновению особой атмосферы в танцевальном зале.

— Несомненно… — прошептал Колен.

— Наиболее искусным танцорам, — продолжал Николя, — удается создать и дополнительные очаги неких специфических волн, которые приводят в согласные покачивания отдельные части тела. Впрочем, не будем уточнять, какие именно,

я лучше продемонстрирую месье, как танцуют скосиглаз.

Колен по совету Николя достал «Хлою», положил пластинку на диск проигрывателя, потом осторожно опустил иглу на ее первую бороздку и стал глядеть, как вибрирует Николя.

VIII

— У месье уже почти получается, — сказал Николя. — Еще одно небольшое усилие — и порядок.

— Но почему, — спросил Колен, обливаясь потом, — это танцуют под такую медленную музыку? Ведь так гораздо труднее.

— Сейчас объясню, — ответил Николя. — По правилам, партнер и партнерша находятся на небольшом расстоянии друг от друга. Когда танцуешь под медленную музыку, то колыханье тела можно распределить таким образом, что неподвижной остается только зона вокруг пупка, а голова и ноги свободно вибрируют. В принципе к этому и надо стремиться. Однако, как не прискорбно, случается, что нескромные люди танцуют скосиглаз на негритянский манер, в быстром темпе.

— Ну и что? — спросил Колен.

— А то, что вибрировать при этом начинают не только голова и ноги, но и чресла партнеров, поскольку неподвижные точки перемещаются из зоны пупка к коленям и грудинным костям.

Колен залился краской.

— Все понятно, — сказал он.

— Если же танцевать в ритме «буги-вуги», то получается тем неприличнее, чем прилипчивей мотив.

Колен впал в задумчивость.

— Кто вас научил танцевать скосиглаз? — спросил он Николя.

— Моя племянница… А теоретические основы этого танца я почерпнул из разговоров с зятем. Он ведь действительный член Академии наук, как месье уже знает. Поэтому ему не стоило большого труда осмыслить этот стиль. Он говорил мне, что сам разрабатывал его практически девятнадцать лет назад.

— Вашей племяннице восемнадцать? — спросил Колен.

— И три месяца, — уточнил Николя. — Если я месье больше не нужен, то разрешите мне вернуться на кухню, чтобы наблюдать за аппаратурой.

— Идите, Николя, и спасибо, — сказал Колен и снял пластинку, которая уже остановилась.

IX

«Я надену бежевый костюм и голубую рубашку, и красный галстук с бежевым узором, и простроченные замшевые полуботинки, и красные носки в бежевую клетку».

«А до этого я тщательно умоюсь и побреюсь и внимательно огляжу себя в зеркале».

«Сейчас пойду на кухню и попрошу Николя…»

— Николя, может быть, мы сейчас немного потанцуем?

— Бог ты мой, если месье настаивает, то я, конечно, готов, но если нет, то я бы предпочел, честно говоря, заняться совершенно неотложными делами.

— Не будет ли нескромно с моей стороны полюбопытствовать, какими именно?

— Я возглавляю философский кружок домашней прислуги нашего квартала, где проводятся чтения на тему: «Сервилизм — это гуманизм{24}», и поэтому мне не пристало пропускать наши занятия.

{24} Комментарии: 2.24

…сервилизм — это гуманизм… — Пародируется название книги Ж.-П. Сартра «Экзистенциализм — это гуманизм» (1946).

— Могу ли я поинтересоваться, Николя, чему именно будет посвящено сегодняшнее занятие?

— Сегодня речь пойдет о завербованности{25}. Будут установлены соответствия между понятием завербованности у Жан-Соля Партра, вербовкой наемников в колониальные войска и наймом прислуги в частные дома.

— О, это очень заинтересовало бы Шика! — воскликнул Колен.

— К великому сожалению, занятия нашего кружка закрытые. Их посещает только прислуга. Следовательно, месье Шик не может на них присутствовать, поскольку он ею не является.

— А почему, Николя, вы все время употребляете «прислуга» в единственном числе?

— Месье и сам понимает, что употреблять прислуг во множественном числе было бы распущенностью.

— Вы правы, Николя. Как вы думаете, я встречу сегодня родственную душу?.. Мне хотелось бы встретить родственную душу вроде вашей племянницы.

— Месье не следует думать о моей племяннице, ибо, как явствует из последних событий, месье

{25} Комментарии: 2.25

...речь пойдет о завербованности... — точнее, об «ангажированности» — одном из центральных понятий философии Ж.-П. Сартра.

Шик первым застолбил ее.

— Но, Николя, — сказал Колен, — мне так хочется влюбиться…

Из носика чайника вырвалось облачко легкого пара, и Николя пошел открывать входную дверь. Консьерж принес два письма.

— Почта? — спросил Колен.

— Извините, мсье, но это мне, — сказал Николя. — Месье ожидает известий?

— Я хотел бы, чтобы мне написала какая-нибудь девушка. Я бы ее очень любил.

— Однако уже полдень, — заметил Николя — Не пожелает ли месье позавтракать? Могу предложить рубленые бычьи хвосты, чашку пунша с ароматическими травами и гренки с анчоусным маслом.

— Как вы думаете, Николя, почему Шик отказывается прийти ко мне ужинать с вашей племянницей, если я не приглашу другой девушки?

— Пусть месье меня извинит, но я поступил бы точно так же. Месье ведь вполне хорош собой.

— Николя, — сказал Колен, — если я сегодня же вечером не влюблюсь, и притом по-настоящему, я… я начну коллекционировать сочинения гер-

цогини де Будуар{26}, чтобы подшутить над моим другом Шиком.

{26} Комментарии: 2.26

…сочинения герцогини де Будуар… — Пародируется имя Симоны де Бовуар (1908), французской писательницы, сподвижницы Жан-Поля Сартра.

X

— Я хотел бы влюбиться, — сказал Колен, — ты хотел бы влюбиться. Он хотел бы idem (влюбиться). Мы, вы, хотим, хотели бы. Они также хотели бы влюбиться…

Он завязывал галстук перед зеркалом в ванной комнате.

— Осталось только надеть пиджак, и пальто, и кашне и натянуть перчатку сперва на правую руку, потом на левую. Шляпы я не надену, чтобы не испортить прическу. Ты что тут делаешь?

Это он обратился к серой мышке с черными усами, которая забралась явно не туда, куда надо, в стакан для зубной щетки, и с самым независимым видом оперлась лапками о его край.

— Предположим, — сказал он мышке, присев на край ванны (четырехугольника из желтого фаянса), чтобы быть к ней поближе, — что я повстречаю у Трюизмов моего старого друга Шоз…

Мышка кивнула.

— Предположим, — а почему бы и нет? — что он придет туда с кузиной. На ней будет белый свитер, желтая юбка и звать ее будут Ал… нет,

Онезимой[27]...

Мышка скрестила лапки, явно выразив удивление.

— Да, — согласился Колен, — это некрасивое имя. Но вот ты — мышь, и у тебя усы. Что ж тут поделаешь?

Он встал.

— Уже три часа. Я из-за тебя опаздываю. А вот Шик и... Шик придет туда наверняка очень рано.

Он облизал палец и поднял его над головой, но тут же опустил: палец обдало жаром, как в духовке.

— В воздухе носится любовь, — произнес Колен. — Ух, какой накал!.. Я встал, ты встаешь, он встает, мы, вы, они встаем, встаете, встают... Тебе не надоело сидеть в стакане? Помочь?

Но мышка доказала, что не нуждается в помощи. Она самостоятельно выбралась на волю и отгрызла кусочек мыла, похожий на леденец.

— Какая же ты лакомка! — сказал Колен. — Только смотри не испачкай все мылом.

Он прошел к себе в комнату и надел пиджак.

«Николя, видимо, ушел... Вот кто, наверное,

{27} Комментарии: 2.27

Онезима. — Это странное имя заимствовано Вианом у французского писателя Альфреда Жарри («Онезима, или Терзания Приу, алхимическая пьеса», 1889), чье творчество он высоко ценил.

знаком с удивительными девушками. Говорят, отейльские девочки, а они, как известно, мастерицы на все руки, охотно поступают в прислуги к философам».

Он притворил за собой дверь.

«В левом рукаве подпоролась подкладка… И как назло, у меня больше нет изоляционной ленты… Что ж, приколочу гвоздиком…»

Входная дверь захлопнулась за ним со звуком, напоминающим шлепок по голой заднице… Он вздрогнул.

«Надо думать о другом… Хотя бы о том, что я могу сломать себе шею, сбегая с лестницы…»

Ворс светло-лиловой ковровой дорожки был вытерт только на каждой третьей ступеньке — Колен в самом деле всегда перепрыгивал через две ступени. Вдруг он зацепил ногой медный прут, прижимавший дорожку, и, чтобы удержать равновесие, схватился за перила.

«И поделом мне, нечего думать о всяких глупостях. Я глуп, ты глуп, он глуп!..»

У него заболела спина. Только внизу он понял, в чем дело, и вытащил из-за ворота злополучный медный прут.

Дверь подъезда захлопнулась за ним, издав звук поцелуя в голое плечо.

«Интересно, что я увижу на этой улице?»

Прежде всего он увидел двух землекопов, которые играли в «классики». Брюхо того, что был потолще, сотрясалось не в такт его прыжкам. Биткой им служило распятье, но без креста, одна лишь фигурка, выкрашенная в красный цвет.

Колен прошел мимо. Слева и справа возвышались красивые здания из саманного кирпича. В одном из окон появилась женская головка, над ней, словно нож гильотины, нависла открытая фрамуга. Колен послал красотке воздушный поцелуй, а она вытряхнула ему на голову серебристо-черный шерстяной коврик, которого терпеть не мог ее муж.

Магазины оживляли до жути унылые фасады больших домов. Вниманье Колена привлекла витрина: «Все для факиров». Он отметил, что за эту неделю резко подскочили цены на спальные гвозди и стеклянный салат.

Потом ему повстречалась собака и еще два человека. Холод приковывал людей к домам. А те, кому удавалось вырваться из его оков, оставляли на стенах примерзшие клочья одежды и умирали от ангины.

На перекрестке полицейский сунул голову под пелерину и стал похож на большой черный зон-

тик. А официанты из ближайшего кафе водили вокруг него хоровод, чтобы согреться.

Влюбленные целовались в подворотне.

— Я не хочу их видеть… Я не… Видеть их не хочу… Они меня мучают…

Колен пересек улицу. Влюбленные целовались в подворотне.

Он закрыл глаза и побежал…

Но он их тут же вновь открыл, потому что под веками у него роились прелестницы, и он неизбежно сбился бы с пути. И сразу увидел перед собой одну из них. Она шла в ту же сторону, что и он. Колен глядел на ее белые ноги (она была в мягких сапожках из белой овчины), на ее поношенную шубку из дубленой бандитской кожи и на шапочку, из-под которой выбивались рыжие пряди. В шубе она была широкоплечей, а полы разлетались в стороны, они так и плясали вокруг нее.

«Сейчас я ее обгоню. Я хочу увидеть ее лицо».

Он ее обогнал и заплакал. Ей было не меньше пятидесяти девяти лет. Он присел на край тротуара и разрыдался пуще прежнего. Ему стало легче, а слезы замерзали, с чуть слышным потрескиванием падали и разбивались о гладкий гранит тротуара.

Минут через пять он обнаружил, что находится как раз перед домом Исиды Трюизм. Две девушки, обогнав его, вошли в парадное.

Сердце Колена раздулось до невероятных размеров, потом взмыло вверх, оторвало его от земли, и он влетел вслед за ними.

XI

Уже в вестибюле до него донесся смутный гул приема, который давали родители Исиды. Лестница делала три спиральных витка, и звуки в этом колодце усиливались, как в цилиндрическом резонаторе виброфона. Колен поднимался вслед за девицами, чуть ли не цепляя носом их высокие каблуки. Укрепленные нейлоновые пятки. Туфельки из тонкой кожи. Точеные щиколотки. Потом чуть съежившиеся швы на чулках, будто длинные-предлинные гусеницы, и мерцающие ямочки в подколенных впадинах. Он задержался и отстал от них еще на две ступеньки. Затем снова начал подниматься. Теперь он видел верхнюю часть чулок у той, что слева, двойной слой шелковой сеточки, вздернутой зажимами подвязок, и в полумраке юбки матовую белизну бедер. Юбка другой девицы, вся в бантовых складках, не давала ему возможности насладиться тем же зрелищем, но зато ее обтянутые бобровой шубой бедра двигались куда энергичнее, чем у первой, и между ними то и дело западала интригующая бороздка. Скромность заставила Колена опустить

глаза, он уже не отрывал взгляда от ее ног и вдруг увидел, что они остановились на третьем этаже.

Колен вошел в переднюю Трюизмов вслед за девицами, которым горничная отворила дверь.

— Здравствуйте, Колен, — сказала Исида. — Как вы поживаете?

Он привлек ее к себе и поцеловал в висок. Ее волосы чудесно пахли.

— Да ведь сегодня не мой день рождения, — запротестовала Исида, — а Дюпона!

— Где же Дюпон? Я должен его поздравить.

— Это просто ужасно! — воскликнула Исида. — Сегодня утром его отвели к парикмахеру, хотелось, чтобы он был очень красивый. Его постригли, помыли и все прочее, но часа в два сюда примчались трое его друзей с отвратительными старыми костями в зубах и увели его. Представляю, в каком виде он вернется!..

— В конце концов это его день рождения, — заметил Колен.

Сквозь проем распахнутой настежь двойной двери он увидел девушек и молодых людей. Человек двенадцать танцевали, но большая часть гостей, разбившись на однополые пары, стояли, заложив руки за спину, и обменивались, без сомнения, весьма сомнительными замечаниями.

— Пойдемте, — сказала Исида. — Я покажу, где оставить пальто.

Он последовал за ней, столкнувшись в коридоре с двумя девицами, которые под щелканье сумок и пудрениц шли из комнаты Исиды, превращенной в гардеробную для дам. Там с потолка свисали огромные железные крючья, взятые напрокат в мясной лавке. Чтобы завершить убранство комнаты, Исида одолжила еще у мясника две хорошо освежеванные бараньи головы, которые приветливо скалили зубы с крайних крюков.

Из кабинета отца Исиды, где устроили мужской гардероб, попросту вынесли всю мебель. Гости швыряли одежду прямо на пол, вот и все. Колен поступил точно так же, но задержался у зеркала.

— Пошли, пошли скорей! — торопила Исида. — Я познакомлю вас с очаровательными девочками.

Он взял ее за кисти рук и притянул к себе.

— На вас прелестное платье, — сказал он ей.

Это было простое шерстяное платье фисташкового цвета с позолоченными керамическими пуговицами и низкой кокеткой на спине, выкованной в виде решетки из тонких железных прутьев.

— Вам нравится? — спросила Исида.

— Прелестно! — воскликнул Колен. — А если я просуну руку сквозь прутья, меня никто не укусит?

— Не слишком на это надейтесь, — сказала Исида.

Она высвободилась из объятий Колена и, схватив его за локоть, потащила к эпицентру потоотделения. По пути они налетели на двух вновьприбывших гостей остроконечного пола, заскользили по паркету, сворачивая в коридор, и, прибежав через столовую, присоединились наконец ко всем остальным.

— Кстати, — сказал Колен, — Ализа и Шик уже пришли?

— Да, — ответила Исида. — А теперь разрешите вам представить…

Представляемые девушки в среднем представляли известный интерес. Но среди них была одна, одетая в шерстяное платье фисташкового цвета с большими позолоченными керамическими пуговицами и необычной кокеткой на спине.

— Вот кому меня надо представить, — сказал Колен и придвинулся к Исиде.

Чтобы он успокоился, Исиде пришлось его потрясти.

— Ну, будьте умницей, хорошо?

Но он уже выглядывал себе другую и тянул за руку Исиду.

— Это Колен, — сказала Исида. — Колен, познакомьтесь с Хлоей.

Колен проглотил слюну. Он ощутил во рту горьковатую сладость как от подгоревшего пончика.

— Здравствуйте! — сказала Хлоя.

— Здра… Вы в аранжировке Дюка Эллингтона? — спросил Колен… И убежал, потому что был убежден, что сморозил дикую глупость.

Шик поймал его за полу пиджака.

— Куда это ты несешься? Уже уходишь? Лучше погляди-ка!

И он вытащил из кармана книжечку, переплетенную в красный сафьян.

— Это рукопись «Очерка теории поллюций»{28} Партра.

— Ты ее все-таки нашел? — спросил Колен.

Тут он вспомнил, что решил смыться, и опрометью кинулся к выходу.

Но Ализа преградила ему путь.

— Как, вы уходите, ни разу не потанцевав со мной? — спросила она.

— Извините, — сказал Колен, — но я повел

{28} Комментарии: 2.28

«Очерк теории поллюций». — Пародируется название книги Сартра «Очерк теории эмоций» (1939).

себя, как последний идиот, и мне неловко здесь оставаться.

— И все же, когда на вас так смотрят, нельзя отказываться.

— Ализа, — простонал Колен, обняв ее и потершись щекой о ее волосы.

— Что, старик?

— Черт возьми!.. Черт!.. Видите вон ту девушку?

— Хлою?..

— Вы ее знаете? — воскликнул Колен. — Я сказал ей глупость, вот поэтому и хотел удрать.

Он утаил, что в грудной клетке у него громыхало так, словно играл немецкий военный оркестр, в котором барабан заглушал все инструменты.

— Правда, она красивая? — спросила Ализа.

У Хлои были алые губы, темно-каштановые волосы, счастливый вид, и платье было здесь ни при чем.

— Я никогда не решусь! — сказал Колен.

И он тут же бросил Ализу и пригласил танцевать Хлою. Она посмотрела на него. Засмеялась и положила правую руку ему на плечо. Он чувствовал прохладное прикосновение ее пальцев на своей шее. Он уменьшал расстояние между их телами, несколько напружинив правый бицепс,

что было результатом приказа, посланного головным мозгом по двум точно выбранным нервам.

Хлоя снова на него посмотрела. У нее были синие глаза. Она тряхнула головой, чтобы откинуть назад свои вьющиеся блестящие волосы, и с решительным видом прижалась виском к щеке Колена.

Кругом воцарилась гробовая тишина, и он почувствовал, что отныне весь остальной мир не стоит для него и выеденного яйца.

Но тут, как и следовало ожидать, пластинка остановилась. Только тогда Колен вернулся к действительности и заметил, что сквозь просвет в потолке на них смотрели жильцы верхней квартиры, что плинтус был прикрыт радужной завесой водяных брызг, что из пробитых в стенах отверстий вырывались пестрые клубы газа и что его подруга Исида стоит рядом и протягивает ему китайский поднос, правда, без китайских церемоний, но зато с птифурами.

— Спасибо, Исида, — сказала Хлоя, тряхнув локонами.

— Спасибо, Исида, — сказал Колен и взял крохотный наполеон в сером походном сюртуке.

— Вы зря отказались, они очень вкусные, — сказал он Хлое, но тут же закашлялся, потому что

себе на беду подавился иголкой ежа, спрятанной в пирожном.

Хлоя засмеялась, обнаружив прекрасные зубы.

— Что случилось?

Не в силах справиться с кашлем, он был вынужден отпустить ее руки и отойти в сторонку, но в конце концов кашель прошел. Хлоя вернулась с двумя бокалами.

— Выпейте, — сказала она, — вам будет лучше.

— Спасибо, — сказал Колен. — Это что, шампанское?

— Смесь.

Он выпил залпом и поперхнулся. Хлоя умирала со смеху. К ним подошли Шик и Ализа.

— Что это с ним? — спросила Ализа.

— Он не умеет пить! — сказала Хлоя.

Ализа тихонько стукнула его по спине, и раздался гулкий звук, словно ударили в гонг с острова Бали{29}. Все тут же перестали танцевать, решив, что пора садиться за стол.

— Вот и хорошо, — сказал Шик. — Никто не будет нам мешать. Сейчас найдем хорошую пластинку…

Он подмигнул Колену.

{29} Комментарии: 2.29

Бали — остров в Индонезии, недалеко от острова Ява.

— Давайте танцевать скосиглаз, — предложила Ализа.

Шик рылся в кипе пластинок, лежащей возле проигрывателя.

— Потанцуй со мной, Шик, — сказала Ализа.

— Вот под эту пластинку, — сказал Шик.

Оказалось, это буги-вуги.

Хлоя ждала, чтобы Колен ее тоже пригласил.

— Надеюсь, вы не станете танцевать скосиглаз под эту музыку? — в ужасе воскликнул Колен.

— Почему? — спросил Шик.

— Не смотрите на них, пожалуйста, — сказал он Хлое.

Он слегка нагнул голову и губами коснулся ее шеи чуть ниже уха. Она вздрогнула, но не отстранилась.

Колен тоже не отнял своих губ.

А тем временем Ализа и Шик великолепно демонстрировали, как танцуют скосиглаз в негритянском стиле.

Пластинка очень быстро кончилась. Ализа высвободилась из объятий Шика и стала искать другую. Шик плюхнулся на диван, возле которого стояли Колен и Хлоя. Вдруг он схватил их за щиколотки, и от неожиданности они повалились на диван рядом с ним.

— Ну, птенчики, порядок?

Колен сел, а Хлоя удобно примостилась возле него.

— Милая девочка, верно? — сказал Шик.

Хлоя улыбнулась. Колен ничего не сказал, но обнял Хлою за шею и стал небрежно играть верхней пуговицей ее платья, которое застегивалось спереди.

Подошла Ализа.

— Подвинься, Шик, я хочу сесть между тобой и Коленом.

Она хорошо выбрала пластинку. Это была «Хлоя» в аранжировке Дюка Эллингтона. Колен покусывал волосы Хлои у уха. Он пробормотал:

— Это в точности вы.

Но прежде чем Хлоя успела ему ответить, все остальные гости вернулись танцевать, сообразив наконец, что еще не время садиться за стол.

— О, как жаль… — сказала Хлоя.

XII

— Тебе удастся с ней снова встретиться? — спросил Шик.

Они сидели за столом и наслаждались последней творческой удачей Николя, который из обыкновенной тыквы сотворил настоящую тыкву под ореховым соусом.

— Не знаю, — ответил Колен. — Просто не знаю, что мне делать. Понимаешь, это очень хорошо воспитанная девушка. В тот раз у Исиды она выпила много шампанского…

— Ей это было к лицу, — сказал Шик. — Она очень красивая. И не гляди на меня так!.. Подумай только, я нашел сегодня издание «Проблема выбора при тошноте»{30} не на ажурной, а на плотной туалетной бумаге!

— Откуда у тебя такие деньги? — спросил Колен.

Шик помрачнел.

— Да, это стоит безумно дорого, но я не могу без этого обойтись, — сказал он. — Партр мне просто

{30} Комментарии: 2.30

«Проблема выбора при тошноте». — Книга Ж.-П. Сартра «Тошнота» (1938) — основной источник пародийных названий в романе.

необходим. Я коллекционер. Я должен иметь все, что он написал.

— Да он только и делает, что пишет, — сказал Колен. — Пять статей в неделю, не меньше.

— Я знаю, — сказал Шик.

Колен подложил ему еще немного тыквы.

— Скажи-ка лучше, как бы мне снова увидеться с Хлоей?

Шик посмотрел на него и улыбнулся.

— Верно, я тебе только голову морочу своими историями с Жан-Солем Партром, — сказал он. — Мне хотелось бы тебе помочь… Что я должен сделать?..

— Знаешь, это какой-то бред, — сказал Колен. — Я в отчаянии и в то же время немыслимо счастлив. Здорово, когда так дико чего-то хочется… Мне хочется, — продолжил он, помолчав, — лежать на выгоревшей траве, ну, знаешь, когда солнце припекает, и земля совсем пересохла, а трава желтая, как солома, и ломкая, ломкая, и в ней полным-полно всяких букашек, и они мечутся по сухому мху. Лежать ничком и смотреть на все это. И чтобы поблизости была каменная изгородь, и корявые деревья с листочками. Тогда сразу все отлегает.

— И еще Хлоя? — спросил Шик.

— И Хлоя, конечно, — сказал Колен. — Хлоя в идее.

Они снова помолчали. Этой паузой воспользовался графин, чтобы издать хрустальный звук, который эхом прокатился по стенам.

— Налить тебе еще немного сотерна? — спросил Колен.

— Да, — сказал Шик. — Спасибо.

Николя принес десерт — нарезанный ломтями ананас в апельсиновом креме.

— Спасибо, Николя, — сказал Колен. — Что, по-вашему, мне надо сделать, чтобы вновь встретиться с девушкой, в которую я влюблен?

— Вообще-то говоря, месье, такой случай, конечно, можно себе представить… Но я должен признаться месье, что со мной этого никогда еще не было.

— Естественно, — сказал Шик. — У вас фигура как у Джонни Вейсмюллера{31}. Не каждый может этим похвастаться.

— Благодарю вас, месье, за столь лестный отзыв, он тронул мое сердце, — признался Николя. — А месье я могу посоветовать, — продолжал

{31} Комментарии: 2.31

Вейсмюллер Джонни (р. 1904) — известный американский пловец, впоследствии актер. Начиная с 1932 г. исполнял в популярной серии кинофильмов роль Тарзана.

он, обращаясь к Колену, — попытаться собрать посредством того лица, у которого месье виделся с особой, встреча с коей для месье столь желательна, хоть какие-то сведения о привычках и знакомствах этой особы.

— Несмотря на всю сложность ваших оборотов, Николя, — сказал Колен, — вы в самом деле дали мне разумный совет. Но когда человек влюблен, он, как известно, глупеет. Потому я не сказал Шику, что уже давно хотел бы это сделать.

Николя тем временем отправился на кухню.

— Этот парень неоценим, — сказал Колен.

— Да, — согласился Шик, — он прекрасно готовит.

Они выпили еще сотерна. Николя вернулся с огромным тортом на подносе.

— Дополнительный десерт, — объявил он.

Колен взял нож, но, поглядев на белую глазированную поверхность торта, резать не решился.

— Он слишком красив, — сказал Колен. — Давай немного подождем.

— Ожидание, — сказал Шик, — это прелюдия в минорной тональности.

— Почему ты так говоришь? — спросил Колен.

Он взял бокал Шика и налил в него вина, густого и легкого, как сжатый эфир.

— Не знаю, — сказал Шик. — Мне вдруг пришло это в голову.

— Попробуй! — сказал Колен.

Они подняли бокалы и выпили все до дна.

— Невероятно!.. — сказал Шик, и в глазах его заполыхали красные огоньки.

Колен схватился рукой за грудь.

— Вот это да! — сказал он. — Ни на что другое не похоже.

— Это совершенно неважно, — сказал Шик. — Ты тоже ни на кого не похож.

— Уверен, что, если его много выпить, Хлоя тут же придет.

— Это еще не факт! — сказал Шик.

— Ты меня не подначивай! — сказал Колен, протягивая свой бокал.

Шик наполнил оба.

— Погоди! — сказал Колен.

Он погасил плафон и маленькую лампу, освещавшую стол. Только в углу мерцал зеленоватый свет лампадки под шотландской иконой, глядя на которую Колен обычно медитировал.

— О! — прошептал Шик.

Вино в хрустальных бокалах фосфоресцировало и переливалось всеми цветами, и сверканье это, казалось, исходило от мириад радужных искр.

— Пей! — сказал Колен.

Они выпили. Отсвет вина остался у них на губах. Колен снова повернул выключатель. Он нетвердо стоял на ногах.

— Один раз не в счет, — сказал он. — По-моему, мы можем допить бутылку.

— Не разрезать ли торт? — спросил Шик.

Колен схватил серебряный нож и принялся чертить спираль на белой глазированной поверхности. Внезапно он остановился и с изумлением посмотрел на то, что получается.

— Я сейчас попробую сделать одну штуку, — сказал он.

Одной рукой он взял из стоящего на столе букета острый лист остролиста, другой — торт и, быстро вращая его на кончике пальца, осторожно опустил лист колючкой в прочерченную им борозду.

— Послушай!.. — сказал он.

И Шик явственно услышал «Хлою» в аранжировке Дюка Эллингтона.

Шик посмотрел на Колена. Тот был бледен как полотно.

Шик взял у него из рук нож и решительным движением всадил в торт. Он разрезал его пополам и увидел, что внутри лежит новая статья

Партра для Шика, а для Колена — записка, в которой Хлоя назначала ему свидание.

XIII

Колен стоял на углу площади и ждал Хлою. Площадь была круглая, и были на ней голуби, церковь, сквер, скамейки, а на проезжей части — машины и автобусы. Солнце тоже ждало Хлою, но оно могло тем временем забавляться — бросать, например, тени, проращивать дикую фасоль, играть со ставнями и пристыдить фонарь, все еще горящий из-за беспечности дежурного электрика.

Колен теребил край перчатки и сочинял первую фразу, которую скажет Хлое. По мере того как час свиданья приближался, фраза эта все быстрее менялась. Он не знал, что Хлое предложить. Может, пойти в кондитерскую пить чай? Но там царит такая тоска, и эти прожорливые сорокалетки, которые поглощают по семь пирожных подряд, отставив мизинчики. Нет, это не для него! Обжорство он прощал только мужчинам, для которых оно еще имеет какой-то смысл и не умаляет присущего им достоинства. Кино тоже исключается, она никогда не согласится. И в депутатодром ее не поведешь — ей там не понравится. И телячьи

бега не годятся — она испугается. И в больницу Сен-Луи нельзя — туда не пускают. И Лувр он отверг, ведь там за ассирийскими херувимами притаились сатиры. И уж, конечно, о вокзале Сен-Лазар не может быть и речи: там нет ни единого поезда, одни только тележки для багажа.

— Здравствуйте!..

Хлоя подошла не с той стороны, с которой он ее ждал. Он стал поспешно снимать перчатки, но запутался от растерянности, угодил себе кулаком по носу, произнес «Уф!..» и пожал ей руку. Она рассмеялась.

— Что это у вас такой смущенный вид?

На ней была шуба из пушистого меха цвета ее волос, такая же шапочка и короткие сапожки с меховой оторочкой.

Она коснулась локтя Колена.

— Возьмите меня под руку. Что-то вы сегодня не расторопны…

— Верно, в тот раз у меня лучше получалось, — признался Колен. Она снова засмеялась, поглядела на него и засмеялась еще громче.

— Вы смеетесь надо мной, — жалобно сказал Колен. — Это немилосердно.

— Вы рады меня видеть? — спросила Хлоя.

— Да!.. — сказал Колен.

Они пошли по первому попавшемуся тротуару. Маленькое розовое облако спустилось с неба и повисло над ними.

— Могу спуститься пониже, — предложило оно.

— Валяй! — сказал Колен.

И облако окутало их. Внутри него было тепло и пахло корицей с сахаром.

— Нас теперь не видно! — сказал Колен. — Но мы их видим!..

— Облако все же довольно прозрачное, — сказала Хлоя. — Не обольщайтесь!

— Неважно, так все же чувствуешь себя лучше, — сказал Колен. — Что будем делать?

— Всего лишь гулять… Вам не будет скучно?

— Тогда говорите мне какие-нибудь слова…

— Я не знаю настолько хороших слов, — сказала Хлоя. — Но можно поглядеть витрины. Вот хоть эту!.. Как интересно!

В витрине красивая женщина лежала на пружинном матрасе. Она была обнажена по пояс, и электрический прибор белыми шелковистыми щетками массировал ей грудь снизу вверх. Надпись гласила: «Берегите вашу обувь, пользуйтесь только гуталином «Антипод преподобного

Шарля»{32}.

— Хорошая мысль, — сказала Хлоя.

— Причем тут это! — сказал Колен. — А массаж куда приятней, когда его делают рукой.

Хлоя покраснела.

— Не говорите таких вещей. Я не люблю ребят, которые говорят всякие гадости девушкам.

— Я в отчаянии… Я не хотел…

У Колена и в самом деле был такой отчаянный вид, что она улыбнулась и даже слегка потрясла его за руку, чтобы показать, что не сердится.

В другой витрине толстяк в фартуке мясника резал младенцев. Это была наглядная пропаганда общественной благотворительности.

— Вот на что уходят деньги, — сказал Колен. — Убирать все это каждый вечер стоит, наверно, очень дорого.

— Но ведь младенцы ненастоящие! — с тревогой сказала Хлоя.

— Как знать? В общественных благотворительных заведениях младенцев навалом… — сказал Колен.

{32} Комментарии: 2.32

«Антипод преподобного Шарля». — Виан иронизирует над популярностью Шарля де Голля (1890–1970), который после освобождения Франции от фашистов, в ноябре 1945 г., был избран главой Временного правительства.

— Мне это не нравится, — сказала Хлоя. — Прежде таких ужасных витрин не было. Я не считаю, что это шаг вперед.

— Не важно, — сказал Колен. — Это ведь действует только на тех, кто и без того верит в подобные глупости.

— А это что такое? — спросила Хлоя.

В витрине было выставлено гладкое, круглое, как шар, брюхо на колесах с резиновыми шинами. А под ним надпись: «И на вашем не будет складок, если вы его погладите Электрическим Утюгом».

— Да ведь я его знаю!.. — воскликнул Колен. — Это брюхо Сержа, моего бывшего повара! Как оно здесь очутилось?

— Какая разница, — сказала Хлоя. — Стоит ли горячиться из-за этого живота? К тому же он такой огромный…

— Но Серж так хорошо готовил!..

— Пошли отсюда, — сказала Хлоя. — Я не хочу больше смотреть витрины. Мне это не нравится.

— Что же мы будем делать? — спросил Колен. — Может, выпьем где-нибудь чаю?

— О!.. Сейчас не время… и вообще, я это не очень люблю.

Колен вздохнул с таким облегчением, что под-

тяжки его затрещали.

— Это что за звук?

— Я наступил на сухую ветку, — покраснев, объяснил Колен.

— Не пойти ли нам погулять в Булонский лес? — предложила Хлоя.

Колен с восторгом посмотрел на нее.

— Отличная мысль! Там сейчас никого нет.

Хлоя покраснела.

— Я не из-за этого. К тому же, — добавила она мстительно, — мы будем ходить только по главным аллеям, чтобы не промочить ноги.

Она взяла его под руку, и он слегка прижал к себе ее локоть.

— Пойдем по подземному переходу, — сказал он.

Вдоль всего перехода с обеих сторон тянулись огромные вольеры, где Городские Уборщики держали запасных голубей для Скверов и Памятников. Там находились также питомники для воробьев и питомнички для воробушков. Люди избегали пользоваться этим переходом, потому что все эти птицы махали крыльями, и от этого возникал невероятный сквозняк, вздымавший белые и сизые перышки.

— Они что, вообще никогда не перестают тре-

пыхаться? — спросила Хлоя, надвигая на лоб меховую шапочку, чтобы ее не унес ветер.

— Они все время меняются, — сказал Колен.

Он никак не мог справиться с развевающимися полами своего пальто.

— Давайте пройдем поскорее мимо клеток с голубями. Воробьи не подымают такого ветра, — сказала Хлоя, прижимаясь к Колену.

Они прибавили шагу и вышли из опасной зоны. Облачко не последовало за ними под землю. Оно избрало кратчайший путь и уже ждало их у выхода.

XIV

Темно-зеленая скамейка оказалась сыроватой, но по этой аллее почти никто не ходил, и им было тут неплохо.

— Вам не холодно? — спросил Колен.

— Нет, из-за облачка, — ответила Хлоя. — Но… все же я могу к вам придвинуться.

— О!.. — вырвалось у Колена, и он покраснел.

Ощущение было удивительное. Он обнял Хлою за талию. Шапочка была у нее надета набок, и у самых его губ оказалась копна блестящих волос.

— Мне хорошо с вами, — сказал он.

Хлоя ничего не сказала в ответ. Она только учащенно задышала и незаметно еще плотнее прижалась к нему.

Колен говорил ей теперь почти в самое ухо.

— Вам не скучно? — спросил он.

Она покачала головой, и Колену удалось, воспользовавшись ее движением, еще к ней приблизиться.

— Я… — шепнул он ей уже прямо в ухо, но в этот момент она как бы случайно повернула голову, и Колен поцеловал ее в губы. Это длилось

недолго. Зато в следующий раз получилось уже куда лучше. И тогда он уткнулся лицом в волосы Хлои, и так они сидели, не говоря ни слова.

XV

— Как мило, что вы пришли, Ализа, — сказал Колен. — Но вы будете единственной девушкой…

— Не важно, — сказала Ализа. — Шик не против.

Шик это подтвердил. Но, по правде говоря, голос Ализы был не очень веселым.

— Хлои нет в Париже, — сказал Колен. — Она укатила на три недели на юг со своими предками.

— Так ты, наверно, очень несчастен.

— Что ты! Я еще никогда не был так счастлив! — сказал Колен. — Я как раз хотел вам объявить о нашей помолвке…

— Поздравляю, — сказал Шик.

Он старался не глядеть на Ализу.

— Что с вами происходит? — спросил Колен. — Похоже, где-то заело.

— Все в порядке, — сказала Ализа. — Просто Шик глупый.

— Да нет, — запротестовал Шик. — Не слушай ее, Колен. Ничего не происходит.

— Вы говорите одно и то же, но не согласны

друг с другом, — сказал Колен, — значит, кто-то из вас врет, а может, и оба. Давайте ужинать.

Они прошли в столовую.

— Садитесь, Ализа, — сказал Колен. — Вот сюда, рядом со мной. Вы мне расскажете, в чем дело.

— Шик совсем глупый, — сказала Ализа. — Он говорит, что не должен больше жить со мной, потому что у него нет денег, чтобы меня обеспечить. Ему, видите ли, стыдно, что он на мне не женится.

— Я негодяй, — сказал Шик.

— Право, не знаю, что вам сказать…

Колен сам был так счастлив, что все это его невероятно огорчило.

— Дело ведь не только в деньгах, — сказал Шик, — а еще и в том, что родители Ализы не согласятся на наш брак и будут правы. В одной из книг Партра как раз описана подобная история.

— Это великолепная книга, — сказала Ализа. — Вы ее не читали, Колен?

— Вот вы какие, — сказал Колен. — Не сомневаюсь, что вы по-прежнему тратите все свои деньги на Партра.

Шик и Ализа потупили глаза.

— Это моя вина, — сказал Шик. — Ализа больше ничего не тратит на Партра. С тех пор как она жи-

вет со мной, она почти перестала им заниматься.

В голосе Шика звучал упрек.

— Я люблю тебя больше, чем Партра.

Она готова была расплакаться.

— Ты прелесть, — сказал Шик, — я тебя не стою. Но коллекционировать Партра — это мой порок. А инженеру, к сожалению, это не по карману.

— Я в отчаянии, — сказал Колен. — Я так хочу, чтобы у вас все было хорошо… Разверните-ка ваши салфетки.

Под салфеткой Шика лежал томик «Блевотины», переплетенный в кожу вонючки, а под салфеткой Ализы — массивное золотое кольцо во вкусе Бенвенуто Тошнини{33}.

— О! — воскликнула Ализа.

Она обвила руки вокруг шеи Колена и поцеловала его.

— Ты мировой парень, — сказал Шик, — не знаю, как тебя отблагодарить. Впрочем, ты сам понимаешь, что я не могу отблагодарить тебя так, как хотел бы…

Колен несколько приободрился. И Ализа была в этот вечер на редкость хороша.

— Какие у вас духи? — спросил Колен. — Хлоя

{33} Комментарии: 2.33

Бенвенуто Тошнини. — Обыгрывается имя великого итальянского скульптора и ювелира Бенвенуто Челлини (1500–1571).

душится орхидеевой квинтэссенцией.

— Я не употребляю духов, — сказала Ализа.

— Это ее естественный запах, — добавил Шик.

— Просто чудо! — воскликнул Колен. — Вы пахнете лесом, где течет ручей и бегают крольчата.

— Расскажите нам о Хлое, — попросила Ализа, которая явно была польщена.

Николя принес закуски.

— Здравствуй, Николя, — сказала Ализа. — Как ты поживаешь?

— Хорошо, — сказал Николя и поставил поднос на стол.

— Ты меня не поцелуешь? — спросила Ализа.

— Не стесняйтесь, Николя, — сказал Колен. — Вы доставили бы мне большое удовольствие, если б согласились с нами поужинать…

— Да, да!.. — сказала Ализа. — Поужинай с нами.

— Месье повергает меня в смущение, — сказал Николя. — Не могу же я сесть за стол в таком виде…

— Послушайте, Николя, — сказал Колен. — Вы можете, если хотите, переодеться, но я вам просто приказываю поужинать с нами.

— Благодарю вас, месье, — сказал Николя. — Пойду переоденусь.

Он расставил закуски и вышел.

— Ну, так вернемся к Хлое, — сказала Ализа.

— Ешьте, пожалуйста, — сказал Колен. — Не знаю, что это такое, но, должно быть, вкусно.

— Не томи нас!.. — сказал Шик.

— Я женюсь на Хлое через месяц, — сказал Колен, — но мне хотелось бы, чтобы это было завтра!..

— Да, вам везет.

Колену стало стыдно своего богатства.

— Послушай, Шик, — сказал он, — возьми у меня деньги.

Ализа с нежностью посмотрела на Колена. Он был настолько открытым, что видно было, как голубые и сиреневые мысли пульсируют в венах его рук.

— Это вряд ли нам поможет, — сказал Шик.

— Тогда ты смог бы жениться на Ализе, — сказал Колен.

— Ее родители против, — ответил Шик, — а я не хочу, чтобы она с ними ссорилась. Она еще маленькая…

— Вовсе я не маленькая… — сказала Ализа, выпрямляясь на мягком сиденье, чтобы они обратили внимание на ее соблазнительную грудь.

— Он совсем не это имеет в виду! — перебил ее

Колен. — Послушай, Шик, у меня есть сто тысяч инфлянков, я дам тебе четверть этой суммы, и вы сможете спокойно жить. Будешь продолжать работать, и тогда вы вполне сведете концы с концами.

— Я никогда не смогу отблагодарить тебя должным образом, — сказал Шик.

— Не надо меня благодарить, — сказал Колен. — Просто меня в жизни интересует счастье не всех людей, а каждого в отдельности.

Раздался звонок в дверь.

— Пойду открою, — сказала Ализа. — Я ведь здесь самая маленькая, вы сами меня в этом упрекаете…

Она встала, и ножки ее засеменили по мягкому ковру.

Это был Николя, который вышел из квартиры черным ходом и теперь возвращался через парадный в пальто из плотного драпа в зелено-бежевую елочку и в американской фетровой шляпе. Перчатки его были из свиной кожи, а ботинки — из настоящего крокодила, но во всем своем великолепии он предстал лишь сняв пальто: на нем оказался пиджак из коричневого вельвета в перламутровый рубчик и синие в радужный отлив брюки с обшлагом в пять пальцев, включая

большой.

— О! — воскликнула Ализа. — До чего же ты шикарен!

— Как дела, племянница? Все такая же красивая?.. — И он провел рукам по ее груди и бедрам.

— Пошли ужинать, — сказала Ализа.

— Привет, друзья, — сказал Николя, входя в комнату.

— Наконец-то вы решили разговаривать нормально! — сказал Колен.

— Конечно! Я могу по-всякому. Но послушайте, — продолжал он, — не перейти ли нам всем на «ты»?

— Охотно, — подхватил Колен. — Опусти-ка свою задницу на стул!

Николя сел напротив Шика.

— Положи себе закуски, — сказал Шик.

— Ребята, вы согласны быть моими шаферами на свадьбе?

— Заметано, — сказал Николя. — Только, чур, чтобы с нами в паре не оказалось мордовороток! Знаем, как это бывает…

— Я попрошу Ализу и Исиду быть подружками невесты, — сказал Колен, — а братьев

Демарэ{34} — свадебными педералами.

— Договорились! — сказал Шик.

— Ализа, сбегай-ка на кухню и притащи сюда блюдо из духовки, — распорядился Николя. — Пора его вынимать.

Она в точности выполнила указания Николя и принесла судок из массивного серебра. Шик приподнял крышку, и они увидели, что там лежали две скульптурные фигурки из гусиного паштета, изображающие Колена в визитке и Хлою в подвенечном платье. Над их головами была начертана дата бракосочетания, а в уголке стояла подпись: «Николя».

{34} Комментарии: 2.34

Братья Демарэ. — Фирме братьев Демарэ принадлежали в 40-е гг. французские бензоколонки и склады горючего, поэтому их имя было известно всем без исключения: отсюда пародийный эффект его переосмысления.

XVI

Колен бежал по улице.

«Свадьба будет замечательная… Завтра, завтра утром… Придут все мои друзья…»

Улица вела к Хлое.

«Хлоя, ваши губы нежны. Ваша кожа золотистая, как персик. Ваши глаза видят все, как надо, а ваше тело бросает меня в жар…»

Разноцветные стеклянные шарики катились по тротуару, за ними бежали дети.

«Пройдут месяцы, долгие, долгие месяцы, а я все буду целовать вас с ненасытной жадностью. Пройдет столько месяцев, сколько дней в году, сколько часов в году, сколько минут в году, а все не исчерпаются поцелуи, которыми я хочу покрыть ваши руки, ваши волосы, ваши глаза, вашу шею…»

Ему повстречались три маленькие девочки. Они водили хоровод и выводили песенку, вписывая поющий треугольник в танцующий круг.

«Хлоя, я хотел бы, чтобы ваши груди прижались к моей груди, чтобы мои ладони касались вашего трепещущего тела, чтобы ваши руки обхватили

мою шею, а ваша благоухающая головка уткнулись мне в плечо, я хотел бы вдыхать ваш запах, ощущать вашу кожу…»

Небо было голубым, ясным, мороз еще держался, но уже не лютовал, как прежде. На четко очерченных черных деревьях тускнели концы веток — там набухали зеленые почки.

«Когда вас нет рядом, я вижу вас в том платье с серебряными пуговицами, но когда же это вы в нем были? Не в первую ли встречу? Нет, в день нашего свидания оно облегало ваше тело под тяжелым и мягким пальто».

Он толкнул дверь и вошел в лавку.

— Мне нужны цветы для Хлои, — сказал он.

— Когда их доставить? — спросила цветочница.

Она была молодая, хрупкая, с красивыми руками. И очень любила цветы.

— Завтра утром. Ко мне домой также надо отправить побольше цветов, чтобы вся наша комната была ими завалена, — лилиями, белыми розами и гладиолусами и еще другими белыми цветами. Но главное, не забудьте большой букет красных роз…

XVII

Братья Демарэ, близнецы, одевались, чтобы отправиться на свадьбу. Их очень часто приглашали в качестве свадебных педералов, потому что они выглядели на редкость представительно. Старшего звали Кориолан{35}. У него были черные вьющиеся волосы, белая нежная кожа, невинный взгляд, прямой нос и голубые глаза, опушенные желтыми ресницами.

Младший по имени Пегас выглядел точно так же, с той лишь разницей, что ресницы его были зелеными, и этого обычно оказывалось достаточным, чтобы отличить их друг от друга. Они выбрали карьеру педиков по необходимости и по склонности, но так как они хорошо зарабатывали, выступая в качестве свадебных педералов, им уже почти не приходилось работать, и, увы, это пагубное безделье толкало их время от времени в объятия порока. Вот накануне, например, Кориолан побаловался с одной девицей, и теперь Пегас, стоя перед трельяжем и натирая себе чресла

{35} Комментарии: 2.35

Кориолан — имя легендарного римского полководца, отличавшегося твердостью и мужеством, героя одноименной трагедии Шекспира.

спермацетовым кремом «В мужских объятиях», весьма сурово его отчитывал.

— Нет, ты скажи мне, в котором часу ты вчера пришел домой? — допытывался Пегас.

— Не помню, — отмахнулся Кориолан. — Оставь меня в покое, занимайся своим делом.

Кориолан выщипывал себе брови с помощью медицинского пинцета.

— Ты ведешь себя непристойно! — сказал Пегас. — Девочка! Если бы только твоя тетя это видела!..

— Подумаешь!.. А ты что, никогда этим не занимался? Нет? — грозно наступал на него Кориолан.

— Скажи, когда? — с некоторой тревогой в голосе спросил Пегас.

Он прекратил себя массировать и сделал несколько приседаний перед зеркалом.

— Ладно, не будем уточнять, — сказал Кориолан. — А то сквозь землю провалишься от стыда. Застегни-ка мне лучше ширинку.

У них были брюки особого покроя, с ширинками сзади, которые трудно застегнуть самому.

— А, вот видишь! — ухмыльнулся Пегас. — Тебе нечего сказать!..

— Ну ладно, хватит! — повторил Кориолан. —

Чья свадьба сегодня?

— Колен женится на Хлое, — сказал брат с гримасой отвращения.

— Чего это ты? — удивился Кориолан. — Парень, что надо.

— Да, он-то парень, что надо, — подхватил Пегас, не скрывая своего вожделения. — Но она!.. У нее такие круглые груди, что просто невозможно вообразить ее мальчишкой!..

Кориолан покраснел.

— А мне она кажется красивой, — пробормотал он. — И мне хочется дотронуться до ее груди… А тебе нет?..

Брат посмотрел на него с недоумением.

— Ну и сволочь же ты! — крикнул он в сердцах. — Нет второго такого развратника!.. Кончится тем, что ты женишься на женщине!..

XVIII

Надстоятель вышел из тризницы в сопровождении Пьяномаря и Священка. У всех троих в руках были картонки с украшениями для храма.

— Когда придет грузовик с краскомазами, — сказал он, обернувшись к Священку, — распорядитесь, Жозеф{36}, чтобы заехал прямо в алтарь.

Странное дело, но почти всех Священков на свете зовут почему-то Жозефами.

— Будем красить в желтый? — спросил Жозеф.

— В лиловую полоску, — уточнил Пьяномарь по имени Эмманюэль Жюдо{37}, симпатичный верзила в парчовом облачении с золотой цепью, сиянием своим напоминавшем северное.

— Да, — подтвердил Надстоятель, — ведь на благословение прибудет сам Архиписк. Пошли,

---

{36} Комментарии: 2.36

Жозеф — в русской транскрипции Иосиф: пародийная отсылка сразу к двум библейским персонажам — Иосифу Прекрасному и св. Иосифу-плотнику, супругу девы Марии. Имя персонажа у Виана всегда тесно связано с его функцией в романе.

{37} Комментарии: 2.37

Эмманюэль Жюдо — т. е. по-русски Иммануил Иудей. Иммануил — в Библии имя мессии, на древнееврейском означает «С нами бог»: еще одна пародийная отсылка к библейским текстам. Комический эффект усиливается от того, что по-французски «жюдо» значит «дзюдо».

нам надо обрядить хоры.

— А сколько будет музыкантов? — спросил Священок.

— Семь на десять да три, — ответил Пьяномарь.

— И четырнадцать певунчиков, — с гордостью добавил Надстоятель.

Священок аж свистнул: «Фью!»

— А венчаются только двое! — сказал он и причмокнул с восхищением.

— Да, — сказал Надстоятель. — Вот что значит быть богатым.

— Народу будет много? — спросил Пьяномарь.

— Очень много, — сказал Священок. — Я возьму красную алебарду и красную трость с набалдашником.

— Нет, — сказал Надстоятель. — На этот случай нужна желтая алебарда и лиловая трость, это будет изысканней.

Они остановились под хорами. Надстоятель отыскал в одном из столпов, подпирающих свод, едва заметную дверцу и отворил ее. Они гуськом стали подниматься по узкой винтовой лестнице. Сверху сочился слабый свет.

— Тяжело! — сказал Надстоятель.

Священок, подымавшийся последним, поддак-

нул ему. Пьяномарю, который шел между ними, деться было некуда, ему пришлось согласиться.

— Еще два с половиной витка, — сказал Надстоятель.

Наконец они вышли на хоры, расположенные против алтаря на высоте ста метров над церковным полом, который трудно было разглядеть сквозь туман: облака беспрепятственно вплывали в храм и огромными хлопьями проносились по среднему нефу.

— Погода будет отличная, — сказал Пьяномарь, принюхиваясь к облакам. — Пахнет тимьяном.

— Немного отдает и лакрицей, — добавил Священок.

— Надеюсь, церемония удастся на славу, — сказал Надстоятель.

Поставив картонки на пол, они принялись украшать стулья музыкантов.

Священок разворачивал праздничные покрышки, сдувая с них пыль, и передавал Пьяномарю и Надстоятелю.

Вздымавшиеся над их головами каменные столпы соединялись где-то там, в едва различимой вышине. Матовый бело-кремовый известняк, обласканный нежным сиянием дня, отражал ровный и мягкий свет. А под самой кровлей густела

бирюзовая синева.

— Надо надраить микрофоны, — сказал Надстоятель Священку.

— Вот сейчас разверну последнюю покрышку и займусь этим, — ответил Священок.

Он вынул из сумки красную суконку и принялся энергично тереть подставку ближайшего микрофона. Всего их было четыре штуки, расположенных в ряд перед стульями музыкантов. Микрофоны эти были подключены к особому механизму для того, чтобы каждая мелодия включала соответствующий колокольный звон. Внутри же храма звучала только музыка.

— Скорей, Жозеф, — сказал Пьяномарь, — мы с Эмманюэлем уже все закончили.

— Подождите меня, — попросил Священок. — Чуточку терпения! Мне осталось работы на пять минут, не больше.

Пьяномарь и Надстоятель прикрыли картонки крышками и аккуратно составили их в угол хоров, чтобы по окончании церемонии снова все убрать.

— Готово! — воскликнул Священок.

Они пристегнули лямки парашютов и грациозно прыгнули в пустоту. Зашелестел шелк, распустились три пестрых цветка, и безо всяких

осложнений ноги всех троих одновременно коснулись отполированных плит каменного пола.

XIX

— По-твоему, я красивая?

Хлоя смотрела на свое отражение в воде аквариума, дно которого было посыпано серебряным песком. В нем резвилась красная рыбка, то и дело выплывая на поверхность. На плече Хлои сидела серая мышка с черными усами, потирала лапками мордочку и любовалась разноцветными бликами на воде.

Хлоя уже натянула чулки цвета своей золотистой кожи, легкие, как дымок ладана, и надела белые лайковые туфли на высоком каблуке. Больше на ней ничего не было, если не считать тяжелого браслета из синего золота, от которого ее узкое запястье казалось еще более хрупким.

— Ты находишь, что мне уже пора одеваться?

Мышка сбежала с ее округлого плеча, примостилась на груди и взглянула на Хлою снизу вверх, как бы утвердительно отвечая на ее вопрос.

— Тогда мне придется спустить тебя на пол. Знаешь, сегодня вечером ты вернешься к Колену, так что попрощайся со всеми здешними мышами…

Хлоя посадила мышку на ковер, посмотрела в

окно, приподняв занавеску, и подошла к своей кровати, на которой были разложены ее белое подвенечное платье, а также платья Ализы и Исиды, оба цвета воды.

— Вы готовы?

В ванной комнате Ализа причесывала Исиду. На них тоже были только чулки и туфли.

— Что-то мы все не торопимся, — с нарочитой строгостью произнесла Хлоя. — Уж не забыли ли вы, подруги, что у меня сегодня свадьба?

— Еще целый час впереди, — ответила Ализа.

— Успеем, — сказала Исида. — Ты ведь уже причесана.

Хлоя засмеялась, тряхнув локонами. В ванной комнате, затуманенной паром, было жарко, и порозовевшая спина Ализы выглядела так привлекательно, что Хлоя нежно провела по ней ладонями. Исида сидела перед зеркалом, покорно доверив свою голову умелым рукам подруги.

— Ой, щекотно! — крикнула Ализа, засмеявшись.

Хлоя нарочно касалась тех мест, где щекотно, пробегая пальцами по ее бокам до бедер. Теплая кожа Ализы чуть вздрагивала от ее прикосновений.

— Из-за тебя Ализа испортит мою прическу, —

сказала Исида, которая, чтобы не терять времени, делала себе маникюр.

— До чего же вы обе красивые! — воскликнула Хлоя. — Жаль, что вы не можете в таком виде пойти на свадьбу. Как бы мне хотелось, чтобы на вас ничего не было, кроме чулок и туфель!

— Иди, младенец, одеваться, — сказала Ализа. — А то опоздаем.

— Поцелуй меня, — сказала Хлоя. — Я так счастлива!

Ализа вытолкнула ее из ванной. Хлоя присела на кровать и, хотя она была одна в комнате, смеялась, глядя на кружева своего платья. Прежде всего она надела целлофановый лифчик и трусики из белого сатина, в которых ее изящные формы приобрели уже совсем фирменный вид.

XX

— Ну что, порядок? — спросил Колен.

— Нет еще, — ответил Шик.

Вот уже в четырнадцатый раз он пытался завязать галстук Колену, но у него ничего не получалось.

— Может, наденешь перчатки? — предложил Колен.

— Зачем? — удивился Шик. — Думаешь, получится лучше?

— Не знаю, просто пришла такая мысль, — ответил Колен. — Но я не настаиваю…

— Как хорошо, что мы занялись этим делом загодя, — сказал Шик.

— Конечно, но мы все равно опоздаем, если не справимся.

— Справимся, справимся.

Шик снова быстро проделал весь ряд строго определенных движений и с силой потянул за концы галстука. Галстук с треском разорвался посередке, и обе его половины беспомощно повисли в руках Шика.

— Уже третий по счету, — заметил Колен с от-

сутствующим видом.

— Я знаю, — сказал Шик. — Ничего страшного.

Он сел на стул и, задумавшись, потер себе подбородок.

— Ума не приложу, в чем дело, — сказал он.

— Я тоже, — сказал Колен. — Но это противоестественно.

— Да, — сказал Шик, — безусловно. Попробую завязывать, не глядя.

Шик взял четвертый галстук и небрежно накинул его Колену на шею, с подчеркнутым интересом следя в это время глазами за залетевшим в комнату шмелем. Подсунув длинный конец под короткий, он сделал петлю, потом отвернул этот конец направо, протащил снизу, но как раз в этот момент его взгляд, к несчастью, ненароком упал на полузавязанный узел, который тут же затянулся, да так туго, что крепко-накрепко прихватил его указательный палец. Шик застонал от боли.

— Вот сука! Будь он неладен!

— Он сделал тебе больно? — сочувственно спросил Колен.

Шик усердно сосал палец.

— Ноготь посинеет, — вздохнул он.

— Бедняга! — сказал Колен.

Шик пробормотал что-то и взглянул на Ко-

лена.

— Стоп! — прошептал он. — Шикарно получилось!.. Замри!..

И, не сводя глаз с злополучного узла, Шик отступил на несколько шагов, схватил со столика флакон с фиксатором для пастельных мелков, медленно поднес к губам трубочку пульверизатора и на цыпочках подошел к Колену, который с невозмутимым видом напевал, демонстративно уставившись в потолок. Струя распыленного лака ударила галстук точно в середину узла, он встрепенулся и замер навеки, пригвожденный к месту застывающей смолой.

XXI

Колен вышел из дому вместе с Шиком. К Хлое они отправились пешком. Николя должен был присоединиться к ним прямо в церкви — он еще не вынул из духовки приготовленное по рецепту Гуффе блюдо, которое, как он ожидал, произведет сенсацию.

На их пути находился книжный магазин, перед которым Шик так и застыл. В центре витрины сверкал, словно драгоценность, экземпляр «Затхлости» Партра в лиловом сафьяновом переплете, украшенном гербом герцогини де Будуар.

— О! — воскликнул Шик. — Ты только погляди!..

— Что? — спросил Колен, подходя к витрине. — А, это?..

— Да… — прошептал Шик.

У него от вожделения слюнки потекли. Вскоре под ногами Шика образовался маленький ручеек и заструился к краю тротуара, обтекая неровности асфальта.

— Ну и что? — спросил Колен. — У тебя же он есть.

— Не в таком переплете… — ответил Шик.

— Да ну его к черту! Пошли, мы спешим, — сказал Колен.

— Он стоит не меньше инфлянка, а то и двух, — сказал Шик.

— Наверно, — согласился Колен, двинувшись дальше.

Шик стал рыться в карманах.

— Колен, — позвал он. — Одолжи мне немного денег.

Колен снова остановился. Он печально покачал головой:

— Тех двадцати пяти тысяч инфлянков, которые я тебе обещал, боюсь, хватит ненадолго.

Шик покраснел и опустил голову, но руку протянул. Схватив деньги, он опрометью кинулся в лавку. Колен, помрачнев, ждал его. Но, увидев сияющего от счастья Шика, он снова покачал головой, правда, на этот раз, с сочувствием, и едва заметно улыбнулся.

— Ты просто спятил, мой бедный Шик! Сколько ты за нее отдал?

— Какое это имеет значение! — ответил Шик. — Идем, идем скорее!

Они прибавили шагу. Шик летел как на крыльях.

Возле дома Хлои толпились зеваки и с любопытством разглядывали красивый белый лимузин, который только что подкатил к подъезду. За рулем сидел шофер в свадебной ливрее, а салон был обит белым мехом, там циркулировал теплый воздух и играла музыка.

Небо по-прежнему оставалось голубым, облака — легкими и пушистыми. На дворе было еще холодно, впрочем, без особых излишеств. Зима подходила к концу.

Пол лифта вздулся у них под ногами и, конвульсивно содрогаясь, доставил Колена и Шика на нужный этаж. Двери раздвинулись. Они вышли и позвонили. Хлоя ждала их.

Кроме прозрачного лифчика, трусиков и чулок, на ней было всего лишь два слоя белой кисеи и длинная тюлевая фата, ниспадающая с плеч, так что голова ее была не покрыта.

Возле Хлои стояли Ализа и Исида, одетые точно так же, только в платьях цвета воды. Их пышные волосы блестели на солнце и падали на плечи благоухающими тяжелыми волнами. Прямо глаза разбегались. Но не у Колена. Однако он не решился обнять Хлою, чтобы не нарушить гармонии ее туалета. Зато он отыгрался на Ализе и Исиде, а они, видя, как он счастлив, платьев

не берегли.

Комната была заставлена белыми цветами, присланными Коленом, а на подушке раскрытой постели лежал лепесток красной розы. Запах цветов и аромат девушек сливались воедино, и Шику показалось, что он пчела в улье. У Ализы в волосах была сиреневая орхидея, у Исиды — пунцовая роза, а у Хлои — большая белая камелия. В руках Хлоя держала букет лилий, а на ее запястье, рядом с тяжелым браслетом из синего золота, поблескивали сплетенные, никогда не вянущие, будто лакированные, листья плюща. Кольцо, которое ей надели на палец при помолвке, было украшено круглыми и продолговатыми бриллиантиками, расположенными таким образом, что они составляли имя «Колен», написанное азбукой Морзе. Из огромной корзины цветов в углу высовывалась макушка кинохроникера, который отчаянно крутил ручку своей камеры.

Колен с Хлоей несколько секунд позировали ему, потом их сменили Шик, Ализа и Исида. А затем все двинулись к дверям и вошли вслед за Хлоей в лифт, трос коего сразу так растянулся, что даже не пришлось нажимать на кнопку. Надо было только всем выскочить на первом этаже, не то замешкавшийся снова взвился бы в опустевшей

кабине наверх.

Шофер распахнул дверцу машины. Три девушки и Колен сели сзади, Шик — спереди, и лимузин тронулся. Люди на улице оборачивались им вслед и восторженно махали руками — им казалось, что едет президент, — а потом шли дальше, и почему-то мысли их вертелись вокруг блестящих, золоченых предметов.

До церкви было не очень далеко. Описав элегантную сердцоиду, машина остановилась у портала.

На паперти, между двумя богато орнаментированными пилястрами, Надстоятель, Пьяномарь и Священок встречали прибывших. Портал был задрапирован белыми шелковыми полотнищами, свисавшими до пола, и на этом фоне четырнадцать певунчиков танцевали балет. Они были в белых блузах, коротких красных штанишках и белых башмачках. Девочки были одеты точно так же, с той лишь разницей, что вместо штанишек на них были красные плиссированные юбочки, а в волосах у каждой торчало по красному перу. Надстоятель бил в барабан, Пьяномарь играл на флейте, а Священок задавал ритм маракасами{38}.

{38} Комментарии: 2.38

Маракасы — южноамериканский ударный инструмент, часто используемый в джазе.

Припев они подхватывали все вместе. Потом Священок попытался отбить чечетку и, находясь в контрах со своим басом, смычком заставил его исполнить сверхмодный хорал на подобающую случаю музыку.

Семьюжды-десять и три музыканта уже сидели наверху и играли, а колокола звенели, не умолкая. Вдруг оркестр зазвучал вразнобой, потому что дирижер, увлекшись, подошел к самому краю хоров и свалился вниз. Правда, его заместитель тут же встал за пульт, и в тот миг, когда дирижер шмякнулся на каменные плиты, музыканты рванули аккорд, чтобы заглушить шум падения, но церковь тем не менее сотряслась до основания.

Колен и Хлоя восхищенно глядели на представление, которое давали Надстоятель, Пьяномарь и Священок, а два Священочка — подручные Священка — стояли позади всех у дверей, ожидая момента, когда надо будет подать алебарду.

Надстоятель, жонглируя палочками, отстучал на барабане брек, Пьяномарь извлек из своей флейты такое пронзительное мяуканье, что половина святош, сгрудившихся на ступеньках, чтобы поглазеть на невесту, тут же впали в экстаз, а Священок порвал последним аккордом все струны своего контрабаса. Тогда четырнадцать

певунчиков гуськом спустились со ступенек паперти к машине и выстроились двумя рядами: мальчики справа, девочки слева.

Первой вышла Хлоя. Она вся сияла и была просто неотразима в своем белом платье. За ней появились Ализа и Исида. Тут как раз подошел Николя и присоединился к группе. Колен взял под руку Хлою, Николя — Исиду, Шик — Ализу, и все три пары стали подниматься по церковным ступеням; вслед за ними пошли братья Демарэ, Кориолан справа, Пегас слева, и певунчики, прихорашиваясь на ходу, тоже шагали парами. Тем временем Надстоятель, Пьяномарь и Священок отложили музыкальные инструменты и, взявшись за руки, закружились в хороводе.

Колен и его друзья подошли к порталу уже в ином порядке, а именно: Колен оказался в паре с Ализой, Николя — с Хлоей, а Шик — с Исидой. Вслед за ними по-прежнему шагали братья Демарэ, но на сей раз Пегас был справа, а Кориолан — слева. Надстоятель и его кунаки перестали кружиться, возглавили торжественную процессию и, запев старый григорианский хорал, вдруг со всех ног ринулись в глубину храма, в то время как юные Священочки раскалывали о головы входящих тонкие хрустальные флакончики со

святой водой и украшали волосы каждого кусочками дымящегося ладана, который у мужчин вспыхивал желтым пламенем, а у женщин — лиловым.

Вагонетки стояли прямо у входа{39}. Колен с Ализой сели в первую и тотчас же покатились по рельсам. Вагонетка промчалась по темному, пропахшему религией коридору с невообразимым грохотом, и музыка тоже гремела во всю мощь. Вагонетка вышибла дверцу, преграждавшую путь, и повернула точно на девяносто градусов. И вот тут-то Колену и Ализе привиделся в зеленоватом свете лик святого, который так ужасно гримасничал, что Ализа в испуге прижалась к Колену. Паутина, лохмотьями свисавшая с потолка, щекотала им лица, и в памяти всплывали обрывки молитв. Вторым видением был образ Пресвятой Девы, а когда перед ними предстал сам Сын Божий с весьма кислой миной и подбитым глазом, Колен вспомнил наконец всю молитву и смог повторить ее Ализе.

{39} Комментарии: 2.39

Вагонетки стояли прямо у входа. — Описание поездки на вагонетках навеяно популярным аттракционом «пещера ужасов». Вводя в пародийный свадебный обряд джаз-оркестр и аттракцион, Виан, с детства отрицавший церковь, как бы создает свой идеал священного действа: в мире романа церковь может существовать лишь как место веселья и развлечения, лишенное всякого сакрального ореола.

Оглушительно задребезжав, вагонетка въехала под своды бокового нефа и остановилась. Колен выпрыгнул и, показав Ализе, где ей сесть, остался ждать Хлою, которая прикатила следом.

Народу в нефе было полным-полно. Пришли все их знакомые, они слушали музыку и наслаждались пышностью церемонии.

Пьяномарь и Священок, оба в парадном облачении, появились первыми, подпрыгивая на радостях, а за ними вышел Надстоятель, ведя под руку Архиписка. Все встали, а Архиписка усадили в большое кресло. Скрип стульев на каменных плитах церковного пола был исполнен божественной гармонии.

Внезапно музыка смолкла. Надстоятель опустился на колени перед алтарем и трижды ударил лбом оземь. Пьяномарь направился к Колену и Хлое, а Священок тем временем расставил певунчиков по обе стороны алтаря. В храме воцарилась мертвая тишина, люди даже дыхание затаили.

Пучки лучей от множества люстр дробились в золоте церковной утвари и разлетались в разные стороны, расчерчивая свод и стены храма широкими желтыми и лиловыми полосами, что делало неф похожим на брюшко гигантской осы, разумеется, если представить себе его изнутри.

Где-то высоко-высоко невнятно зазвучал хор. Плывущие над головами облака терпко пахли кориандром и горными травами. В церкви было жарко, и все собравшиеся погрузились в атмосферу благодушия и расслабленности.

Колен и Хлоя стояли коленопреклоненные на обитых белым бархатом скамеечках перед алтарем и, взявшись за руки, ждали начала венчания. Тем временем Надстоятель торопливо листал страницы толстого фолианта, потому что забыл все ритуальные слова. Но он то и дело оборачивался, чтобы поглядеть на Хлою, так ему понравилось ее платье. Наконец он захлопнул книгу, выпрямился и махнул рукой регенту. Раздались звуки увертюры.

Надстоятель набрал в грудь воздуха и под аккомпанемент одиннадцати засурдиненных труб затянул первые фразы молитвы. Архиписк мирно дремал в кресле, опершись о посох. Он знал, что его разбудят, когда подойдет его черед.

И увертюра, и песнопения были выдержаны в манере традиционных блюзов. Колен попросил, чтобы во время обручения был исполнен старый, всем известный мотив «Хлои» в аранжировке Дюка Эллингтона.

Перед Коленом на стене висело распятие. Ии-

сус, пригвожденный к большому черному кресту, казалось, был счастлив, что его пригласили сюда, и с интересом наблюдал за происходящим. Колен держал Хлою за руку и со смутной улыбкой глядел на Христа. Он чувствовал себя немного утомленным. Венчание обошлось ему очень дорого — пять тысяч инфлянков, — и он радовался, что церемония удалась на славу.

Алтарь был убран цветами. Колену нравилась музыка, которую теперь исполняли. Он увидел стоявшего перед ним Надстоятеля и узнал молитву. Тогда он медленно прикрыл веки, слегка наклонился вперед и произнес: «Да».

Хлоя тоже сказала: «Да», и тогда Надстоятель энергично пожал ей руку. Оркестр грянул с новой силой, и Архиписк встал, чтобы произнести напутствие новобрачным. А Священок, протиснувшись между двумя рядами гостей, больно ударил Шика палкой по пальцам за то, что он не слушал, а листал книгу.

XXII

Архиписк ушел. Молодые стояли в тризнице, и все подходили к ним, чтобы пожать им руки и обругать на счастье. Кое-кто давал им советы насчет брачной ночи, а уличный торговец, заглянувший сюда на огонек, предложил им набор порнографических открыток для пополнения образования. Колен и Хлоя вдруг очень устали. Музыка в церкви все еще играла, гости танцевали, ели божественное мороженое, запивая святой газированной водой с сиропом, к ней подавали маленькие бутербродики с треской, которые все трескали с большим аппетитом. Надстоятель переоделся в будничную сутану с дыркой на заду, но он как раз собирался купить себе новую, так как рассчитывал прикарманить изрядный куш из тех пяти тысяч инфлянков, которые заплатили за свадьбу. Кроме того, он, как водится, обсчитал оркестр и наотрез отказался заплатить дирижеру, поскольку тот расшибся еще до увертюры. Пьяномарь и Священок помогали певунчикам разоблачиться, чтобы поскорее убрать их костюмы, притом Священок занимался исключительно

девочками. Священочки, которых пригласили на халтуру, уже смылись. Грузовик с краскомазами уже стоял перед церковью. Они собирались отскоблить желтую и фиолетовую краски, чтобы снова разложить их по маленьким баночкам.

Рядом с Коленом и Хлоей стояли Ализа с Шиком и Исида с Николя и тоже принимали поздравления. Особенно тут усердствовали братья Демарэ. Когда Пегас замечал, что его братец слишком уж плотно прижимается к Исиде, он изо всех сил щипал его за бедро и обзывал извращенцем.

Теперь в тризнице оставалось всего лишь человек двенадцать самых близких друзей Колена и Хлои, которых пригласили на дневной прием. Наконец, все двинулись к выходу, окинув прощальным взглядом цветы, украшавшие алтарь. Когда они вышли на паперть, холодный ветер обжег им лица. Хлоя закашлялась и быстро сбежала по ступенькам к теплой машине. Там она забилась в уголок в ожидании Колена.

Остальные наблюдали с паперти, как увозят музыкантов в тюремной машине, поскольку все они сидели за долги. Музыкантов набилось в кузов как сельдей в бочке, и они в отместку подняли ужасный шум — изо всех сил задудели в свои трубы, особенно усердствовали скрипачи.

XXIII

Спальня Колена была несомненно квадратной, с высоким потолком, а окно тянулось пятидесятисантиметровой стеклянной лентой вдоль всей стены в ста двадцати сантиметрах от пола, устланного мохнатым светло-оранжевым ковром. Стены были обиты натуральной кожей.

Кровать стояла не на полу, а на своего рода антресолях{40}, построенных на половине высоты комнаты. Наверх вела лесенка из уморенного дуба, отделанная латунью. Ниша под антресолями служила будуаром. Там стояли книги и мягкие кресла, а также висела фотография Далай-ламы.

Колен еще спал. Хлоя только проснулась и глядела на него. Волосы ее растрепались, и от этого она казалась еще более юной. На кровати не было ничего, кроме простыни, той, на которой они лежали, все остальные постельные принадлежности почему-то оказались разбросанными по комнате, хорошо прогретой огнедышащими

{40} Комментарии: 2.40

Кровать стояла… на антресолях… — Шесть лет спустя, в 1952 г., инженер Виан реализовал этот проект и построил в своей квартире на бульваре Клиши именно такую кровать-библиотеку.

брандсбойтами. Хлоя сидела, уперев подбородок в колени, и терла глаза, потом она потянулась и опрокинулась навзничь, примяв подушку.

Колен лежал ничком и пускал слюни, словно старый младенец. Хлоя рассмеялась, встала на колени и, взяв его за плечи, сильно тряхнула. Колен проснулся и принялся целовать ее раньше, чем открыл глаза. Хлоя с охотой поддавалась ему, подводя его к избранным местам. Ее кожа, янтарная и душистая, была похожа на марципан.

Серая мышка с черными усами взобралась к ним по лесенке и сообщила, что пришел Николя и ждет их. Они вспомнили о предстоящем путешествии и разом вскочили на ноги. Мышка воспользовалась этим и основательно поработала над коробкой шоколадных конфет, стоящей у изголовья кровати.

Они быстро умылись, надели дорожные костюмы и поспешили на кухню. Николя пригласил их позавтракать в своих владениях. Мышка пошла было за ними, но остановилась в коридоре. Она хотела поглядеть, почему солнца сегодня не сияли так ярко, как обычно, и при случае наорать на них за это.

— Ну, как вам спалось? — спросил Николя.

Под глазами у него темнели синяки, а цвет лица

был землистый.

— Превосходно, — сказала Хлоя и плюхнулась на стул, потому что ноги ее не держали.

— А ты? — спросил Колен. Он поскользнулся и сел на пол, не попытавшись даже подняться.

— Я проводил Исиду домой, — ответил Николя, — и она, как водится, предложила мне выпить.

— А ее родителей не было дома? — спросила Хлоя.

— Нет, — подтвердил Николя. — Были только две кузины, и они упросили меня остаться.

— Сколько им лет? — коварно спросил Колен.

— Точно не знаю, — сказал Николя. — Но на ощупь я дал бы одной не меньше шестнадцати и не больше восемнадцати другой.

— Ты провел с ними ночь? — спросил Колен.

— Угу… Они слегка выпили, так что… мне пришлось убаюкивать всю троицу. У Исиды широченная кровать… Там было как раз еще одно место. Я не хотел тревожить вас и остался там спать…

— Спать? — переспросила Хлоя. — Кровать эта, видно, очень неудобная, потому что вид у тебя, я бы сказала…

Николя смущенно покашлял и чрезмерно де-

ловито стал возиться со своими электрическими приборами.

— Попробуйте-ка это, — сказал он, меняя тему разговора. И подал начиненные финиками и сливами глазированные абрикосы в ароматном сиропе.

— А машину ты сможешь вести? — спросил Колен.

— Попробуем, — ответил Николя.

— Как вкусно! — воскликнула Хлоя. — Поешь с нами.

— Я предпочел бы что-нибудь бодрящее.

И на глазах Колена и Хлои он составил для себя чудовищную смесь из кварты белого вина, ложки уксуса, пяти яичных желтков, двух устриц и ста граммов рубленого мяса, залитого сливками и посыпанного щепоткой гипосульфида натрия. Все это исчезло в его глотке со свистом пущенного на полную мощность циклотрона.

— Как пошло? — спросил Колен и рассмеялся, увидев гримасу Николя.

— Порядок! — через силу ответил Николя.

И в самом деле, синяки под глазами у него разом исчезли, словно их стерли смоченной в бензине ваткой, а лицо заметно посвежело. Он фыркнул, как конь, стиснул кулаки и зарычал.

Хлоя с некоторой тревогой взглянула на него.

— У тебя схватило живот, Николя? — спросила она.

— Наоборот! — рявкнул он. — Все как рукой сняло! Сейчас подам вам еще одно блюдо — и в путь.

XXIV

Большой белый лимузин осторожно продвигался вперед, объезжая рытвины. Колен и Хлоя сидели сзади и глядели в окно, но им было как-то не по себе от проносящегося мимо пейзажа. Небо висело совсем низко, красные птицы едва не задевали телеграфные провода, поднимаясь и опускаясь вместе с ними от столба к столбу, а их пронзительные крики отражались в свинцовой воде луж.

— Почему ты велел свернуть на эту дорогу? — спросила Хлоя у Колена.

— Так короче, — ответил он. — Да по-другому и нельзя. Старое шоссе вконец износилось. Все так и норовили по нему промчаться, потому что над ним всегда ясное небо. И вот теперь остался только этот путь. Не волнуйся, Николя хорошо ведет машину.

— Ненавижу этот тусклый снег, эту мглу… — сказала Хлоя.

Ее сердце колотилось, словно стиснутое жесткой скорлупой. Колен положил ей руку на плечи и бережно, как котенка, обхватил пальцами ее

тонкую шею.

— Да-да… — прошептала Хлоя и, поеживаясь от щекотки, чуть втянула голову в плечи. — Не убирай руку, мне страшно одной…

— Хочешь, я подниму цветные стекла? — предложил Колен.

— Ага… Пусть будет попестрей…

Колен нажал на зеленые, синие, желтые и красные кнопки, и разноцветные фильтры заменили автомобильные стекла. Теперь Колен и Хлоя оказались словно внутри радуги, и цветные тени плясали по белому меху сиденья всякий раз, как машина проскакивала мимо телеграфных столбов. Хлоя почувствовала себя лучше.

Равнина по обе стороны дороги была покрыта жиденьким ползучим блекло-зеленоватым мхом, да кое-где мелькали растрепанные деревья с корявыми стволами. Воздух был недвижим, даже малый ветерок не рябил жидкую грязь, которая чёрными фонтанами разлеталась из-под колес. Николя изо всех сил старался не потерять дороги, он с трудом удерживал машину посредине вконец разбитого скользкого шоссе.

— Не волнуйтесь, — сказал он, обернувшись к Хлое. — Осталось совсем чуть-чуть. Скоро дорога изменится.

Хлоя посмотрела в правое окно и вздрогнула. Привалившись к телеграфному столбу, чешуйчатая тварь провожала их пристальным взглядом.

— Гляди, Колен… Кто это?..

— Не знаю… По-моему… оно не злое…

— Это рабочий из бригады, обслуживающей телеграфную линию, — сказал Николя через плечо. — Все они носят вот такие противогрязевые комбинезоны.

— Это… жутко уродливо… — прошептала Хлоя.

Колен поцеловал ее.

— Не бойся, Хлоя, ведь он всего-навсего человек…

Грунт под колесами как будто уплотнился. Рыжеватый свет забрезжил над горизонтом.

— А вот и солнце, — сказал Колен. — Погляди…

Николя покачал головой.

— Нет, это медные копи. Мы мимо них проедем.

Мышь, сидевшая рядом с Николя, навострила ушки.

— Да, — сказал Николя. — Скоро будет тепло.

Дорога повернула несколько раз. Жидкая грязь дымилась. Машина пробивалась сквозь завесу белых испарений с сильным запахом меди. Наконец грязь совсем затвердела и обнаружилось

шоссе, пыльное и растрескавшееся. Вдалеке перед ними, как над огромной раскаленной плитой, дрожал воздух.

— Мне здесь не нравится, — сказала Хлоя. — Может, объедем другой дорогой?

— Другой дороги нет, — сказал Колен. — Не хочешь ли ты почитать Гуффе? Я взял его с собой.

Кроме этой книги они ничего не взяли из вещей, так как рассчитывали покупать все необходимое в пути.

— Давай опустим цветные стекла? — предложил Колен.

— Давай. Теперь стало светлее.

Внезапно дорога еще раз повернула, и они оказались посреди медных рудников, которые раскинулись ярусами по обе стороны шоссе. Бескрайняя пересохшая равнина, покрытая зеленоватой медной рудой, уходила за горизонт. Сотни рабочих в герметических комбинезонах возились вокруг огнедышащих горнов. Другие складывали угольные брикеты, которые непрерывно подвозили электровагонетки, в аккуратные пирамиды. Медь от жары плавилась и текла красными ручьями, окаймленными бордюром из твердого, как камень, застывшего ноздреватого шлака. Ручьи эти впадали в большие резервуары,

откуда медь выкачивали насосами и гнали по овальным трубам.

— Какая ужасная работа! — сказала Хлоя.

— Зато платят хорошо, — сказал Николя.

Несколько рабочих остановились, чтобы поглядеть на проезжающую машину. Их взгляды не выражали ничего, кроме презрения и, пожалуй, насмешки. Это были широкоплечие, сильные люди, и вид у них был невозмутимый.

— Они нас ненавидят, — сказала Хлоя. — Поедем поскорей!

— Они на работе, — сказал Колен.

— Ну и что? — сказала Хлоя.

Николя прибавил газу. Автомобиль мчался по растрескавшемуся шоссе под урчанье машин и бульканье плавящейся меди.

— Мы скоро выскочим на старую дорогу, — сказал Николя.

XXV

— Почему они так высокомерны? — спросила Хлоя. — Ведь работать не очень-то приятно…

— Принято считать иначе, — сказал Колен. — Работают по привычке, и как раз для того, чтобы не думать.

— Во всяком случае, выполнять работу, которую могут делать машины, полный идиотизм.

— Должен же кто-то делать машины, — сказал Колен.

— О, конечно, — воскликнула Хлоя. — Чтобы получить яйцо, нужна курица, но когда есть курица, можно получить не одно яйцо, а целую кучу. Следовательно, лучше начать с курицы.

— Надо бы узнать, что мешает выпускать машины. Вероятно, просто не хватает на это времени. Люди тратят все время на то, чтобы жить, а на работу у них не остается времени.

— А может быть, совсем наоборот? — спросила Хлоя.

— Нет, — ответил Колен. — Если бы у них было время сделать машины, они могли бы потом ничего не делать. Я хочу сказать, что они работа-

ют, чтобы жить, вместо того чтобы работать над созданием машин, которые дали бы им возможность жить, не работая.

— Это чересчур сложно, — заметила Хлоя.

— Нет, это очень просто. Конечно, такие перемены могут произойти только постепенно. Но когда подумаешь, сколько времени уходит, чтобы сделать то, что так быстро изнашивается…

— По-твоему, рабочие не предпочли бы сидеть дома, и целовать своих жен, и ходить в бассейн, и на танцы?

— Нет, — сказал Колен, — потому что они об этом не думают.

— Даже если они считают, что работать хорошо, разве они в этом виноваты?

— Нет, не виноваты, ведь им все твердят: «Труд священен, работать хорошо, это благородно, труд превыше всего, и только трудящиеся имеют право на все». Но при этом общество организовано так, что они работают все время и просто не успевают воспользоваться своими правами.

— Выходит, они глупые?

— Да, глупые, — сказал Колен, — поэтому и согласны с теми, кто им внушает, что нет ничего выше труда. Таким образом, они ни о чем не думают и не стараются освободиться от бремени

такой работы…

— Давай поговорим о чем-нибудь другом, — предложила Хлоя. — Я от этого устала. Скажи мне лучше, нравятся ли тебе мои волосы…

— Я тебе уже говорил…

Он посадил ее к себе на колени. И снова почувствовал себя совершенно счастливым.

— Я тебе уже говорил, что люблю тебя и в целом и в частностях.

— Тогда переходи к частностям, — сказала Хлоя и с гибкостью змейки нежно к нему прильнула.

XXVI

— Простите, месье, но не угодно ли месье здесь остановиться? — спросил Николя.

Машина затормозила у придорожной гостиницы. Шоссе было уже хорошим, с гладким покрытием, испещренным солнечными бликами, которые так эффектно выглядят на рекламных фотографиях, а по обе его стороны раскинулся прекрасный ландшафт: деревья правильной цилиндрической формы, свежая травка, освещенная солнцем, коровы, пасущиеся на луговинах, источенные червячком ветхие ограды, живые изгороди из цветущей жимолости, яблони, усыпанные яблоками, желтые листья, собранные в аккуратные кучки, кое-где снежные овраги, для разнообразия — пальмы, мимоза, а в саду гостиницы — северные сосны и еще вихрастый огненно-рыжий мальчишка, который гонит по дороге двух овец и одну пьяную собаку. По одну сторону шоссе дул сильный ветер, по другую же ветра не было вовсе — каждый выбирал то, что ему нравится. Тень отбрасывали не все деревья, а лишь некоторые, и только в одной из канав

квакали лягушки.

— Да, давайте здесь остановимся, — ответил Колен. — Все равно до юга нам сегодня уже не добраться.

Николя распахнул дверцу и вылез из машины. На нем был красивый шоферский костюм из свиной кожи и элегантная кожаная каскетка. Он отошел на два шага и оглядел автомобиль. Колен и Хлоя тоже вышли.

— Наш экипаж, увы, не блещет чистотой, — сказал Николя. — Ведь мы ехали по такой грязи.

— Не важно, — сказала Хлоя. — В гостинице мы попросим, чтобы его помыли…

— Пойди узнай, есть ли у них свободные номера, — сказал Колен. — И не грозит ли нам здесь смерть от голода.

— Слушаюсь, месье, — ответил Николя и приложил два пальца к козырьку каскетки, словно нарочно стараясь вывести Колена из себя.

Он толкнул калитку из вощеного дуба и нервно вздрогнул, когда ладонь его прикоснулась к обтянутой бархатом ручке. Гравий захрустел у него под ногами, затем он поднялся по ступенькам каменной лестницы и исчез в вестибюле.

Жалюзи на окнах были опущены и изнутри не доносилось ни звука. Солнце подпекало упав-

шие в траву яблоки, и из них прямо на глазах проклевывались новорожденные зелененькие яблоньки, которые тут же зацветали и начинали плодоносить крохотными наливными яблочками. Яблоньки третьего поколения выглядели уже зелено-розовым мхом, и с них то и дело сыпались на землю яблочки-бусинки.

Несколько стрекозлят зажужжали на солнышке, предаваясь невнятным забавам, одна из которых заключалась в быстром волчковании на месте. На ветреной стороне шоссе какие-то злаки волнами склоняли колосья и гудели под сурдинку, а первые палые листья с тихим легким шелестом прилежно учились летать. Стайка жуков, трепеща крыльями, пыталась лететь против ветра с глухим бульканьем, подобным плеску плицев колесного парохода, который поднимается вверх по реке к Большим озерам.

Колен и Хлоя стояли рядом, молча греясь на солнышке, и сердца у обоих стучали в ритме буги-вуги.

Стеклянная дверь тихо скрипнула. Появился Николя. Он был весь расхристанный, а каскетка криво сидела на голове.

— Они что, вытолкали тебя взашей? — спросил Колен.

— Никак нет, месье, — ответил Николя. — Они готовы принять месье и мадам и заняться машиной.

— Что с тобой случилось? — воскликнула Хлоя.

— А, — махнул рукой Николя, — хозяина не оказалось на месте… Пришлось обратиться к его дочери.

— Ты хоть застегнись, — сказал Колен, — у тебя неприличный вид.

— Покорнейше прошу, месье, меня извинить, но я подумал, что ради двух хороших номеров стоит принести такую небольшую жертву.

— Переоденься, пожалуйста, раз ты без этого не можешь нормально разговаривать, — попросил Колен. — Ты играешь в дурака на моих нервах…

Хлоя остановилась у маленького сугроба. Снежинки были пушистые, свежие. Они ослепляли белизной и не таяли.

— Погляди, какая прелесть, — сказала она Колену.

Под снегами цвели примулы, васильки и маки.

— Ага, — ответил Колен, — только зря ты трогаешь снег, простудишься.

— Да что ты! Нет! — сказала Хлоя и вдруг зашлась кашлем, похожим на треск рвущегося шелка.

— Милая моя Хлоя, — Колен обнял ее и притянул к себе, — не кашляй так ужасно, мне больно.

Она выпустила снежинки из рук, и они медленно, словно пух, упали на землю и снова засверкали на солнце.

— Мне не нравится этот снег, — пробормотал Николя, но тут же спохватился. — Я прошу месье извинить меня за то, что я позволил себе высказаться.

Колен снял полуботинок с ноги и швырнул его Николя в лицо, но тот как раз в эту секунду нагнулся, чтобы оттереть пятнышко на своих брюках. Услышав за собой звон разбитого стекла, Николя выпрямился.

— О месье, — проговорил он с упреком. — Это ведь окно вашей комнаты.

— Ну и черт с ним! Воздуху будет больше… И тебе наука, чтобы ты не вел себя, как идиот.

Опираясь о плечо Хлои, Колен поскакал на одной ноге к дверям гостиницы. Разбитое стекло тут же начало отрастать. По краям рамы уже появилась тоненькая прозрачная пленка опалового цвета, отливающая цветами радуги.

XXVII

— Ну, как ты спал? — спросил Колен.

— Недурно. А ты? — ответил Николя, не надевший в то утро шоферской одежды.

Хлоя зевнула и придвинула к себе кувшин с каперсовым сиропом.

— Из окна так дуло, что я не могла уснуть.

— Разве оно не затянулось стеклом? — спросил Николя.

— Не совсем. Родничок пока не зарос, и сквозь него садил ветер. Утром у меня заложило грудь, она набилась снегом…

— Это просто ужасно, — сказал Николя. — Ну, я их обматерю самым строгим образом. Так мы сейчас едем дальше?

— Нет, после обеда, — ответил Колен.

— Надо будет снова надеть шоферский костюм.

— О Николя! — пригрозил ему Колен. — Если будешь продолжать в таком духе, я тебя…

— Хорошо, — перебил его Николя, — но только не сейчас.

Он залпом выпил кружку сиропа и доел бутерброд.

— Загляну-ка я на кухню, — сообщил он, поднимаясь из-за стола и с помощью карманной дрели поправляя узел на галстуке.

Он вышел из комнаты, и звуки его шагов постепенно затихали, видимо, в направлении кухни.

— А мы что будем делать, милая моя Хлоя?

— Целоваться.

— Это уж точно! А потом?

— Потом? Этого я не могу произнести вслух.

— Ясно. Ну, а еще потом?

— Потом уже пора будет обедать. Обними меня. Мне холодно. Этот снег…

Солнце лилось в комнату золотистыми волнами.

— Здесь не холодно, — сказал Колен.

— Да, — согласилась Хлоя, прижимаясь к нему. — Но мне холодно… А еще потом я напишу письмо Ализе.

XXVIII

Улица была из конца в конец запружена народом. Все яростно толкались, пытаясь прорваться в зал, где Жан-Соль должен был прочитать свою лекцию.

Люди прибегали к самым изощренным уловкам, чтобы обмануть бдительных экспертов-искусствоведов, поставленных для проверки подлинности пригласительных билетов, поскольку в продажу были пущены десятки тысяч подделок.

Кое-кто приезжал на катафалках, но полицейские протыкали гробы длинными стальными пиками, навеки пригвождая ловчил к дубовым доскам, и тогда те и вправду давали дуба, что, к слову сказать, представляло известные удобства, так как новопреставленные оказывались уже упакованными для похорон. Данная операция приносила ущерб только истинным покойникам, потому что от нее страдали их саваны. Многие почитатели Жан-Соля сигали на парашютах со специальных самолетов (в аэропорту Бурже{41}

{41} Комментарии: 2.41
Бурже — после Орли второй по значению аэропорт Франции.

шла форменная драка, чтобы попасть на такой самолет) и становились мишенями для пожарников, которые струей из брандспойта загоняли смельчаков прямо на сцену, где и топили их, как котят. Находились и такие, что пытались проникнуть в здание по трубам для нечистот. Но стоило им ухватиться пальцами за края канализационных колодцев, чтобы выбраться наружу, как их били подкованными каблуками по суставам, а дальнейшее было уже делом крыс. Но ничто не могло умерить пыл одержимых поклонников лектора. Однако надо признаться: вовсе не те, что тонули, а другие упорствовали в своих отчаянных попытках проникнуть в зал, и тысячеголосый рокот толпы не угасал, а напротив, поднимался к зениту, распространяясь по поднебесью раскатистым пещерным гулом.

Только «чистые», ко всему причастные, «посвященные» являлись обладателями подлинных приглашений, отличить которые от фальшивых не составляло, кстати, труда, и потому эти избранные души беспрепятственно двигались по узенькому коридору, отгороженному вдоль стен домов. Их охраняли стоящие через каждые пятьдесят сантиметров тайные агенты, замаскированные под огнетушители. Однако

счастливцев оказывалось все же чрезвычайно много, и в зал, уже набитый до отказа, то и дело врывались вновьприбывшие.

Шик появился здесь еще накануне. За баснословные деньги швейцар согласился, чтобы Шик заменил его. Но это оказалось возможным только после того, как Шик ломом перебил ему левую ногу. Когда речь шла о Партре, Шик не скупился на инфлянки. Ализа и Исида вместе с ним ждали появления лектора. Они тоже провели тут ночь, боясь пропустить такое событие. В темно-зеленой униформе швейцара Шик был просто неотразим. С тех пор как Колен подарил ему двадцать пять тысяч инфлянков, он все больше пренебрегал своей работой.

В зале собралась особая публика{42}. Очкарики с блуждающими взглядами, всклокоченными волосами, замусоленными окурками в зубах и громкой отрыжкой, женщины с жидкими, словно траченными молью косичками, плотно уложенными вокруг головы, и кожаных «канадках» с вытертыми белесыми пятнами на груди, надетых прямо на голое тело.

{42} Комментарии: 2.42

В зале собралась особая публика. — Виан дает шаржированные словесные портреты Ж.-П. Сартра и С. де Бовуар, в очередной раз высмеивая «экзистенциалистскую» моду.

В большом зале на первом этаже, потолок которого был наполовину застеклен, а наполовину расписан красками, разведенными на тяжелой воде (от этих многофигурных фресок зарождалось сомнение: представляет ли хоть какой-то интерес жизнь, если женские формы так безнадежно тяжелы и уродливы), так вот, в зале набивалось все больше и больше народу, причем тем, кто появился позже, ничего не оставалось, как, стоя где-то сзади на одной ноге, другой отбиваться от наседающих на них ближайших соседей. В специальной ложе в окружении свиты восседала герцогиня де Будуар, привлекая к себе внимание истерзанной толпы и оскорбляя роскошью хорошего тона группу неудачливых философов, кое-как примостившихся на складных стульях.

Начало лекции приближалось, и присутствующих все больше лихорадило. В глубине зала поднялся галдеж, несколько студентов пытались посеять смуту в умах, скандируя искаженный текст «Нагорной проповеди» баронессы Орци{43}.

Но Жан-Соль был уже на подступах к залу. Шик услышал, что на улице затрубил слон, и высу-

---

{43} Комментарии: 2.43

«Нагорная проповедь» баронессы Орци. — Баронесса Орци, английская писательница венгерского происхождения (1865–1947), автор сентиментальных исторических романов.

нулся в окно. Вдали, в глубине бронированного паланкина вырисовывался силуэт Жана-Соля, а слоновья спина под ним, бугристая и морщинистая в луче красного прожектора, казалась чем-то инопланетным. В четырех углах паланкина стояли отборные стрелки, держа наизготовку топорики. Слон прокладывал себе дорогу в толпе, шагая прямо по людям, и глухой топот его четырех колонн неумолимо приближался. Перед подъездом слон опустился на колени, и отборные стрелки сошли первыми. Изящно спрыгнув вслед за ними, Партр оказался в их кольце. Ловко орудуя топориками, стрелки повели Партра в зал. Полицейские заперли все двери, а Шик, подталкивая перед собой Ализу и Исиду, поспешил по потайному коридору за кулисы.

В глубине сцены висел бархатный занавес, в котором Шик загодя проделал дырочки, чтобы все хорошо видеть. Трое молодых людей уселись на подушки и стали ждать. На расстоянии метра от них, не более, Партр готовился начать свою лекцию. Его гибкое и аскетическое тело излучало особые флюиды, и публика, покоренная неотразимым обаянием любого его жеста, в томлении замирала, ожидая вожделенного сигнала к старту.

Было много обмороков, связанных с внутриматочным перевозбуждением, которое охватывало главным образом женскую часть зала, и Ализа, Исида и Шик явственно слышали хриплое дыхание двух дюжин слушательниц и слушателей, которые пробрались под сцену и там, в кромешной тьме, на ощупь раздевались, чтобы занимать меньше места.

— Ты помнишь? — шепнула Ализа, с нежностью взглянув на Шика.

— Еще бы, там мы нашли друг друга…

Он наклонился к Ализе и ласково поцеловал ее.

— Вы тоже были там, под сценой? — спросила Исида.

— Да, — ответила Ализа, — и это было очень приятно.

— Не сомневаюсь! — сказала Исида. — Что это, Шик?

Шик как раз снимал крышку со стоящего рядом с ним большого черного прибора.

— Фонограф, — ответил он. — Я приобрел его ради этой лекции.

— Колоссально! — воскликнула Исида. — Значит, сейчас можно и не слушать…

— Конечно… А дома хоть всю ночь напролет

слушай. Но мы не будем этого делать, чтобы не заиграть пластинки. Прежде я должен сделать копии. Пожалуй, я даже закажу у фирмы «Крик владельца»{44} серию этих пластинок. Для продажи.

— Этот ящик влетел вам небось в копеечку, — сказала Исида.

— Какое это имеет значение! — ответил Шик.

Ализа вздохнула. Вздох ее был таким легким, что услышала его только она одна... Да и то едва ли.

— Все! Он начинает!.. — воскликнул Шик. — Я положил свой микрофон рядом с микрофонами радиостудии. Они его не заметят.

Жан-Соль начал говорить. Сперва ничего, кроме щелканья затворов, не было слышно. Фотографы, кинорепортеры просто удержу не знали. Потом один из них был сбит с ног отдачей своей камеры, и тут поднялось невесть что. Озверелые коллеги набросились на несчастного и принялись осыпать его порошком магния. Ослепительно вспыхнув, он ко всеобщему ликованию исчез навсегда, а полицейские отправили в тюрьму всех остальных репортеров.

{44} Комментарии: 2.44

«Крик владельца». — Пародируется название фирмы по выпуску звукозаписывающей аппаратуры «Голос хозяина».

— Прекрасно! — Шик ликовал. — Теперь я один буду обладать этой записью!

Публика, которая поначалу вела себя более или менее спокойно, начала волноваться и все громче проявляла свое восхищение Партром, отзываясь восторженными воплями и аплодисментами буквально на каждое его слово. И это несколько затрудняло понимание того, что он говорил.

— А вы и не пытайтесь во все это вникнуть, — сказал Шик. — Мы потом послушаем на свободе запись.

— Тем более что здесь все равно ничего не слышно, — подхватила Исида. — Он тих как мышка. Кстати, у вас нет известий от Хлои?

— Я получила от нее письмо, — ответила Ализа.

— Они уже приехали?

— Да, им все-таки удалось уехать. Но они собираются вернуться раньше, чем думали, потому что Хлоя чувствует себя не очень хорошо, — сказала Ализа.

— А Николя? — спросила Исида.

— С ним все в порядке. Хлоя пишет, что он вел себя просто ужасно с дочерьми всех хозяев гостиниц, где они останавливались.

— Николя — отличный парень, — сказала Иси-

да. — Не понимаю, почему он работает поваром.

— Это действительно странно, — сказал Шик.

— А что такого? Это куда лучше, чем коллекционировать Партра, — сказала Ализа и ущипнула Шика за ухо.

— Надеюсь, у Хлои ничего серьезного? — спросила Исида.

— Она не пишет, чем больна, но жалуется, что у нее ноет грудь, — ответила Ализа.

— Хлоя такая красивая! Невозможно себе представить, что она захворала.

— Ой, — прошептал Шик. — Смотрите, смотрите!..

Часть застекленного потолка приоткрылась, и по периметру образовавшегося проема появились чьи-то головы. Оказывается, отважные поклонники Партра забрались на крышу и успешно провели задуманную операцию. Но на этих смельчаков наседали сзади такие же смельчаки, и, чтобы удержаться, первым смельчакам пришлось изо всех сил вцепиться в края рамы.

— Их можно понять, — сказал Шик. — Лекция совершенно выдающаяся.

Партр вышел из-за стола и продемонстрировал слушателям муляжи различных типов блевотины. Самая прекрасная из них — непереваренное

яблоко в красном вине — имела огромный успех. Шум стоял такой, что даже за занавесом, там, где сидели Ализа, Исида и Шик, стало уже почти невозможно разговаривать.

— Когда же они приезжают? — спросила Исида.

— Завтра или послезавтра, — ответила Ализа.

— Мы их так давно не видели!.. — сказала Исида.

— Да, — подхватила Ализа, — со дня их свадьбы…

— Что и говорить, свадьба удалась на славу! — воскликнула Исида.

— Еще бы! — сказал Шик. — Ведь именно в тот вечер Николя проводил тебя домой…

К счастью, в этот миг весь потолок обрушился, завалив зал, и это избавило Исиду от необходимости что-либо уточнять. Вихрем взметнулась битая штукатурка. Выбеленные известкой фигуры метались, спотыкались и падали среди обвалившихся кусков бетона, задыхаясь в ядовитом тяжелом облаке пыли, нависшем над обломками. Партр перестал читать, он хохотал от души и хлопал себя по ляжкам, радуясь, что столько людей втянуто в это светопреставление. Но все же и он поперхнулся пылью и ужасно

закашлялся.

Шик лихорадочно нажимал на кнопки аппарата. Из фонографа выбился какой-то зеленоватый всполох, шустро пополз по паркету и скрылся в щели. За ним — второй и третий. Шик вырубил ток как раз вовремя, чтобы не успела вылезти омерзительного вида многоножка.

— Что я делаю! — воскликнул Шик. — Он вышел из строя. Микрофон забит пылью.

Адское игрище в зале достигло своего апогея. Партр, дочитав лекцию, стал залпом пить воду прямо из графина. Он явно собрался уходить. Тогда Шик решился.

— Я предложу ему выйти через заднюю дверь, — сказал он. — Уматывайте отсюда, я вас догоню.

XXIX

Николя остановился посреди коридора. Два солнца и в самом деле теперь не заливали его, как прежде. Желтые керамические плитки как-то потускнели, они словно подернулись легкой пеленой, и солнечные лучи, вместо того чтобы, разбиваясь, разлетаться во все стороны брызгами мельчайших металлических шариков, вяло лились на пол и растекались по нему бесформенными лужицами. Стены, изгрызенные солнечными зайчиками, уже не сверкали так ровно, как прежде.

Впрочем, мышки, казалось, не были встревожены этими изменениями, не считая, правда, серой с черными усиками — ее удрученный вид сразу же поразил Николя. Но он подумал, что мышка просто не хотела так быстро возвращаться домой, что она тоскует по новым знакомым, которых приобрела за время путешествия.

— Ты недовольна? — спросил он ее.

Мышка с отвращением указала Николя на стены.

— Да, — согласился Николя. — Что-то здесь

изменилось. Раньше было лучше. Не пойму, в чем тут дело…

Мышка на минуту словно задумалась, потом горестно покачала головой и беспомощно развела лапками.

— Я тоже не понимаю, — сказал Николя. — Даже когда протираешь стекла, ничего не меняется. Видимо, воздух здесь стал едким…

Он еще постоял в задумчивости, покачал, в свою очередь, головой и пошел дальше. Мышка же скрестила лапки на груди и с отсутствующим видом принялась жевать, но тут же сплюнула, почувствовав вкус жевательной резинки для кошек. Продавец, видно, ошибся.

Хлоя и Колен завтракали.

— Ну как? — спросил Николя, заглянув в столовую. — Дело идет на поправку?

— Гляди-ка! — воскликнул Колен. — Наконец-то ты заговорил нормально.

— Я не в форменной обуви, — объяснил Николя.

— Я чувствую себя неплохо, — сказала Хлоя.

Глаза ее блестели, щеки заливал румянец, и по всему было видно, что она счастлива вернуться домой.

— Она съела полпирога с курицей, — сказал

Колен.

— Очень рад. Я его испек, не заглядывая в труды Гуффе.

— Ну, что будем делать, Хлоя? — спросил Колен.

— И когда обедать? — спросил Николя.

— Мне хочется пойти вместе с вами двумя, и с Ализой, и с Исидой на каток, и в магазины, и на вечеринку, — сказала Хлоя. — И еще мне хочется купить зеленое кольцо.

— Ясно, — сказал Николя. — Тогда я, не теряя времени займусь обедом.

— Только, пожалуйста, Николя, не надевай своей шоферской одежды, — попросила Хлоя. — А то с тобой очень утомительно разговаривать. И тебе придется лишний раз переодеваться.

— Я пойду возьму деньги из сейфа, а ты, Хлоя, позвони друзьям. Мы отлично проведем день.

— Иду звонить, — сказала Хлоя.

Она встала из-за стола, побежала к телефону, сняла трубку и пронзительно мяукнула. Это означало, что ее надо соединить с Шиком.

Николя убирал со стола. Он нажал на рычажок, и грязная посуда поползла на кухню, прямо в мойку, по спрятанной под ковром широкой пневматической трубе. Затем он вышел в коридор.

Мышка, стоя на задних лапках, передними скребла одну из потускневших кафельных плиток. Протертый ею уголок сверкал, как прежде.

— Вот это да! — воскликнул Николя. — У тебя получается!.. Невероятно!..

Мышка остановилась и, тяжело дыша, протянула Николя свои стертые в кровь лапки.

— О, ты себя изувечила!.. — сказал Николя. — Брось это. В конце концов, здесь и так немало солнца. Пошли, я тебя полечу.

Николя сунул мышку в нагрудный карман, а она, все еще задыхаясь и полузакрыв глаза, выставила наружу свои бедные, израненные лапки.

Колен, напевая, быстро вращал ручки замков своего сейфа. Тревога, которая мучила его все последние дни, отлегла от сердца, и оно, это он чувствовал, обрело теперь форму апельсина. Бело-мраморный сейф с аметистовыми черно-зелеными ручками был украшен инкрустациями из слоновой кости. Шкала указывала на наличие шестидесяти тысяч инфлянков.

Крышка сейфа откинулась, щелкнув, как хорошо смазанный замок, и Колен разом перестал улыбаться: стрелка, освободившись от какой-то помехи, тут же двинулась по шкале и после некоторых колебаний остановилась на уровне

тридцати пяти тысяч инфлянков. Он сунул руку в сейф и судорожно пересчитал деньги, проверяя точность показания. Прикинув в уме свои траты, он убедился, что все сходится. Из своих ста тысяч инфлянков он двадцать пять тысяч отдал Шику, чтобы тот женился на Ализе, пятнадцать тысяч стоила машина, свадьба обошлась в пять тысяч… Остальное разошлось по мелочам. Колен немного успокоился.

— Все нормально, — произнес он вслух, но заметил, что голос его дрогнул.

Он взял сперва столько, сколько хотел, потом заколебался, усталым жестом положил половину назад и захлопнул крышку сейфа. Рукоятки, позвякивая, как бубенчики, быстро завертелись. Он постучал по шкале, чтобы проверить, верно ли она указывает оставшееся количество денег.

Затем он поднялся, застыл на несколько мгновений, пораженный огромностью сумм, которые ему пришлось потратить, чтобы создать Хлое ту жизнь, которой она достойна, и улыбнулся, вспомнив, какой растрепанной Хлоя была утром в постели, и округлости простыни, прикрывавшие ее тело, и янтарный цвет ее кожи, когда он скинул простыню, но он тут же заставил себя снова сосредоточиться на сейфе, потому что сейчас

было не время думать о таких вещах.

Хлоя одевалась.

— Попроси Николя сделать бутерброды, — сказала она. — Нам пора уходить… Я всем назначила свидание у Исиды.

Колен поцеловал ее в плечо, воспользовавшись вырезом платья, и побежал на кухню. Николя все еще возился с мышкой, он мастерил ей костыли из бамбука.

— Вот, — сказал он, — ходи на них до вечера, и все пройдет.

— Что с ней? — спросил Колен, погладив мышку по головке.

— Оттирала кафель в коридоре, — объяснил Николя. — И кусочек очистила, но она, бедняжка, стерла себе лапки.

— Не волнуйся из-за плиток, — сказал Колен мышке, — это само пройдет.

— Не знаю… — сказал Николя. — Как-то странно. Будто плиткам не хватает воздуха.

— Вот увидишь, они снова заблестят, — сказал Колен. — Во всяком случае, я надеюсь… Ты прежде этого никогда не замечал?

— Нет.

Колен постоял немного у кухонного окна.

— Возможно, кафель всегда со временем туск-

неет, — сказал он. — Не заменить ли его?

— Это будет очень дорого стоить.

— Да, — согласился Колен. — Лучше подождем.

— Что ты мне хотел сказать? — спросил Николя.

— Не готовь обеда. Сделай только бутерброды… Мы сейчас все вместе уедем…

— Хорошо, я только оденусь.

Николя опустил мышку на пол, и она засеменила к двери, пошатываясь на маленьких костылях. Даже сзади были видны кончики ее топорщившихся усов.

XXX

Пока Колен и Хлоя путешествовали, вид улицы совершенно переменился. Листья на деревьях стали большими, и зимняя бледность домов сменилась блекло-зеленым цветом, который потом превратится в нежно-бежевый. Мостовая под ногами мягко пружинила, а воздух отдавал малиной.

Было еще прохладно, но голубые оконца в облаках обещали теплую погоду. Вдоль тротуаров росли зеленые и синие цветы, их сок змейками струился по тонким стеблям и уходил в землю с хлюпающим почмокиванием, похожим на поцелуи улитки.

Николя шел первым, на нем был спортивный костюм из ворсистой шерстяной ткани горчичного цвета и свитер с высоким воротом; вывязанный на груди лосось по-шамборски в точности воспроизводил рисунок со страницы шестьсот седьмой поваренной книги Гуффе. Его желтые кожаные ботинки на каучуке не мяли траву, так как он ступал точно по двум колеям, проложенным специально для автомобилей.

Колен и Хлоя шли за ним следом. Хлоя держала Колена за руку и глубоко вдыхала воздух, наслаждаясь его запахами. На ней было простое белое шерстяное платье и накидка из меха леопарда, обработанного бензолом, отчего темные пятна побледнели и расплылись кругами, причудливо наползающими один на другой. Ее легкие вспененные волосы были распущены и источали аромат жасмина и гвоздики.

Полузакрыв глаза, Колен ориентировался по этому запаху, и при каждом вдохе губы его слегка вздрагивали. Фасады домов заметно расслабились, они утратили чопорность своих прямоугольных очертаний, а от этого город стал просто неузнаваем, и Николя, совсем сбитому с толку, то и дело приходилось останавливаться, чтобы прочитать на эмалированных табличках названия улиц.

— Ну, с чего мы начнем? — спросил Колен.

— Сперва пойдем по магазинам, — сказала Хлоя. — У меня нет ни одного нового платья.

— Может, лучше ты их закажешь, как всегда, в ателье сестер Каллотт{45}?

{45} Комментарии: 2.45

Ателье сестер Каллотт. — Возможно, обыгрывается имя известной французской писательницы Сидони Габриэль Колетт (1873–1954), автора многочисленных «дамских» романов.

— Нет, — ответила Хлоя. — Я хочу походить по магазинам, купить несколько платьев и еще всякую всячину.

— Исида будет рада тебя увидеть, Николя, — сказал Колен.

— Почему? — спросил Николя.

— Не знаю…

Они свернули на улицу Сиднея Бечета{46} и оказались как раз у дома, в который шли. Консьержка качалась у ворот в механическом рок-кресле, мотор которого отчаянно громыхал в ритме польки. Это была устаревшая модель.

Исида открыла им дверь. На ней было красное платье, и она улыбнулась Николя. Шик и Ализа их уже ждали. Исида поцеловала Хлою, а потом все стали целовать друг друга, на что ушло несколько минут.

— Ты отлично выглядишь, дорогая, — сказала Исида Хлое. — Я боялась, что ты хвораешь, но твой вид меня успокаивает.

— Мне сейчас лучше. Николя и Колен хорошо за мной ухаживали.

— Как поживают ваши кузины? — спросил

{46} Комментарии: 2.46

Бечет Сидней (1891–1959) — американский кларнетист и саксофонист, руководитель оркестра. «Улица Бечета» — продолжение «музыкальной топографии» романа.

Николя.

Исида покраснела до корней волос.

— Они чуть ли не каждый день справляются, не приехали ли вы.

— Прелестные девочки, — сказал Николя, не глядя на Исиду, — но вы куда решительней.

— Да… — сказала Исида.

— Ну, а ваше путешествие? — спросил Шик.

— Нормально, — ответил Колен. — Сперва, правда, дорога была плохая, но потом все наладилось.

— Кроме снега, — сказала Хлоя и прижала ладонь к груди.

— Куда пойдем? — спросила Ализа.

— Если хотите, я могу вам вкратце пересказать лекцию Партра, — предложил Шик.

— Ты много его книг купил, пока нас не было? — спросил Колен.

— Да нет, — сказал Шик.

— А как твоя работа?

— Нормально. Я нашел парня, который меня замещает, когда мне надо куда-нибудь смотаться.

— Задаром?

— Ну, почти что… Может, сразу пойдем на каток?

— Нет, сперва покупки, — сказала Хлоя. — Но

если мужчины хотят кататься на коньках…

— Это мысль! — воскликнул Колен.

— Я провожу их, мне тоже надо кое-что купить, — сказал Николя.

— Вот и прекрасно! — обрадовалась Исида. — Пошли поскорей, чтобы и мы успели покататься.

XXXI

Колен и Шик катались уже около часа, и народу на льду становилось все больше. Всегда одни и те же лица: те же мальчики, те же девочки, и, как всегда, они то и дело падали, и тут же появлялись уборщики со своими фанерными скребками. Служитель поставил на проигрыватель пластинку, которую завсегдатаи уже несколько недель как выучили наизусть. Потом он перевернул ее на другую сторону, и все наперед знали, что они сейчас услышат, потому что все это давно стало неким ритуалом, но музыка вдруг умолкла, и из всех динамиков, кроме одного непокорного, который по-прежнему транслировал шлягер, раздался глухой, как из подземелья, голос. Голос этот просил господина Колена подойти к контролеру, потому что его вызывают к телефону.

— Кто это может быть? — удивился Колен. Он бросился к выходу.

Шик едва поспевал за ним — выскочил на прорезиненную дорожку, обогнул бар и вбежал в проходную будку, где был микрофон. Дежурный служитель смахивал в это время тростнико-

вой щеточкой заусенцы со звуковых дорожек, которые всегда образуются на заигранных пластинках.

— Алло! — крикнул Колен в трубку. Он молча слушал.

Шик увидел, как Колен, сперва лишь удивленный, вдруг разом побледнел.

— Что случилось? — спросил Шик.

Колен знаком велел ему замолчать.

— Я сейчас, — сказал он в трубку и положил ее на рычаг.

Стены проходной будки так стремительно сдвигались, что он едва успел выбраться наружу, не то его бы расплющило. Он бежал, не сняв коньков, и ноги его вихляли из стороны в сторону. Шик не отставал ни на шаг.

— Откройте мою кабину, — крикнул Колен служителю. — Скорей! Номер триста девять.

— И мою, — добавил Шик. — Номер триста одиннадцать.

Служитель лениво поплелся за ними. Колен обернулся, увидел, что служитель отстал метров на шесть, и, еле сдерживаясь, подождал, пока тот не подойдет поближе. Тогда он, озверев, с размаху нанес ему удар коньком в подбородок, и голова служителя, оторвавшись, угодила прямо в возду-

хозаборное отверстие вентиляционной системы, обслуживающей холодильную установку. Колен выхватил ключи, которые покойник с отсутствующим лицом все еще сжимал в руке, открыл первую попавшуюся кабину, затащил туда труп, плюнул на него и опрометью кинулся к номеру триста девять. Шик затворил дверь кабины, которую Колен даже не потрудился прикрыть.

— Что случилось? — спросил он, едва переводя дух.

Колен уже успел снять коньки и надеть ботинки.

— Хлоя… — сказал Колен, — заболела.

— Серьезно?

— Не знаю. У нее был обморок. — Колен оделся и побежал.

— Ты куда? — крикнул ему вслед Шик.

— Домой! — крикнул в ответ Колен и застучал каблуками по гулкой бетонной лестнице.

На другом конце катка рабочие холодильной установки, задыхаясь, с трудом выползали на свежий воздух: вентиляция вышла из строя, и они, обессилев, падали, как подкошенные, вокруг ледяного поля.

Шик застыл в оцепенении, сжимая в руке конек, и глядел в ту сторону, где только что исчез

Колен. Из-под двери кабины номер сто двадцать восемь медленно сочилась тоненькая струйка пенистой крови, и этот красный сироп стекал на лед тяжелыми дымящимися каплями.

XXXII

Он бежал что было духу, и люди перед его глазами медленно наклонялись, словно подбитые кегли, и с сухим звуком валились на мостовую.

Колен бежал, бежал, а острый угол горизонта в просвете между домами летел ему навстречу. Под ногами у него была темень, бесформенная куча черной ваты, и небо, лишенное цвета, косо давило сверху, еще один острый угол, потолок, а не небо, он бежал к вершине пирамиды, к ней притягивало его сердце менее темные участки ночи, но ему оставалось пробежать еще три улицы.

Хлоя, спокойная, даже какая-то просветленная, лежала на их огромной кровати. Глаза ее были открыты, только дышала она затрудненно. Ализа сидела возле нее, Исида на кухне помогала Николя готовить подкрепляющий напиток по рецепту Гуффе, а мышка своими острыми зубками измельчала семена трав для отвара.

Но Колен не знал всего этого, он бежал, ему было страшно, неужели мало того, думал он, что мы всегда вместе, неужели еще надо, чтобы душа замирала от страха, быть может, несчастный слу-

чай, она попала под машину и лежит теперь на кровати, а я не смогу ее увидеть, меня не пустят к ней, неужели вы думаете, что я боюсь увидеть мою Хлою, вам все равно меня не удержать: нет, Колен, не входи. А может быть, это только ушиб, и все обойдется, а завтра мы вместе пойдем в Булонский лес, к той скамейке, я держал ее руку в своей, и ее волосы касались моих волос, ее подушка благоухает… Я всегда хочу лечь на ее подушку, сегодня вечером мы снова из-за нее подеремся, моя кажется ей слишком жесткой, она даже не проминается под ее головкой, и потом я все-таки ложусь на свою подушку, и она источает аромат ее волос. Никогда больше я не буду его вдыхать…

Тротуар вздыбился перед Коленом. Он одолел его гигантским прыжком, одним духом взбегая на второй этаж, открыл дверь, все было тихо и спокойно, он не увидел ни незнакомых людей в черном, ни священника, мир и покой исходили от серо-голубого рисунка ковра. Николя сказал: «Это пустяки», — а Хлоя улыбнулась: она была счастлива увидеть его вновь.

XXXIII

Теплая рука Хлои доверчиво лежала в руке Колена. Хлоя смотрела на него, и ее светлые, чуть удивленные глаза вселяли спокойствие. А вокруг антресолей, на полу их комнаты столпились заботы, остервенело пытаясь задушить друг друга. Хлоя ощущала в своем теле, в своей грудной клетке какую-то неведомую ей злую силу, чье-то недоброе присутствие и не знала, как ей с этим совладать, она время от времени кашляла, чтобы хоть немного потеснить противника, вцепившегося в ее плоть. Хлое казалось, что каждым глубоким вздохом она живьем отдает себя во власть коварного, полного глухой ярости врага. Грудь Хлои едва вздымалась, прикосновение гладких простынь к ее длинным голым ногам почему-то успокаивало. Сгорбившись, Колен сидел рядом и глядел на нее. Темнело, сумерки сгущались концентрическими кругами вокруг светящегося венчика лампы, вмонтированной в стену у изголовья кровати и прикрытой круглым плафоном из матового хрусталя.

— Давай послушаем музыку, Колен, — сказала

Хлоя. — Поставь одну из твоих любимых пластинок.

— Это утомит тебя, — ответил Колен, словно издалека.

Он плохо выглядел. Сердце заполонило всю его грудь, только сейчас он это заметил.

— Ну, пожалуйста, прошу тебя, — сказала Хлоя.

Колен встал, спустился по маленькой дубовой лесенке и зарядил проигрыватель пластинками. Динамики были во всех комнатах. Он включил тот, который висел в спальне.

— Ты что поставил? — спросила Хлоя.

Она улыбнулась. Она сама знала.

— Помнишь? — спросил Колен.

— Помню…

— Тебе больно?

— Не очень…

При впадении реки в море всегда есть порог, который трудно преодолеть, где кипит вода и в пене кружатся обломки затонувших кораблей. Воспоминания нахлынули из темноты, натолкнулись на барьер между ночью за окном и светом лампы и то погружались в глубину, то выныривали на поверхность, оборачиваясь либо белесым брюшком, либо серебристой спинкой. Хлоя слегка приподнялась.

— Сядь ко мне…

Колен подошел к ней и лег поперек кровати, так, что Хлоя могла положить голову на сгиб его левого локтя. Кружева тонкой ночной рубашки рисовали причудливые узоры на ее золотистой коже, трогательно набухшей у основания грудей, Хлоя пальцами стиснула плечо Колена.

— Ты не сердишься?..

— На что?

— На то, что у тебя такая глупая жена…

Колен поцеловал Хлою в ямочку ее доверчивого плеча.

— Спрячь руку, моя милая Хлоя, ты простынешь.

— Мне не холодно. Слушай пластинку.

В игре Джонни Ходжеса было что-то возвышенное, необъяснимое и абсолютно чувственное. Чувственность, так сказать, в чистом виде, освобожденная от всего телесного.

Под воздействием музыки все углы комнаты округлились. Колен и Хлоя лежали теперь в центре некоей сферы.

— Что это? — спросила Хлоя.

— The Mood to be Wooed{47}, — ответил Колен.

{47} Комментарии: 2.47

«The Mood to be Wooed» — «Желание быть любимой», композиция Дюка Эллингтона (1944).

— Я это почувствовала, — сказала Хлоя. — А как доктор войдет в комнату такой формы?

XXXIV

Николя открыл дверь. На пороге стоял доктор.

— Я доктор, — сказал он.

— Не угодно ли вам последовать за мной? — И Николя повел доктора по коридору.

— Вот, — произнес Николя, когда они оказались на кухне, — отведайте и скажите свое мнение.

В большом сосуде из остекленевшего кремнесодо-кальциевого соединения отстаивалось варево весьма своеобразного цвета: оно отливало как пурпуром Кассиуса, так и зеленью рыбьего пузыря, но при этом со слабым оттенком синеватого хрома.

— Что это такое? — спросил доктор.

— Отвар, — объяснил Николя.

— Это я вижу, но для чего он?

— Для бодрости.

Доктор поднес сосуд к носу, осторожно понюхал, воодушевился, снова понюхал, но уже со смаком, попробовал, потом залпом выпил и схватился обеими руками за живот, уронив при этом саквояж с инструментами для врачевания.

— Ну как, действует? — поинтересовался Ни-

коля.

— Ух! — крякнул доктор. — Это вещь!.. Сдохнешь!.. Вы ветеринар?

— Нет, — сказал Николя, — повар. Одним словом, сработало?

— В некотором роде. Я чувствую такой прилив сил…

— Теперь пройдите, пожалуйста, к больной. Вы продезинфицированы!

Доктор двинулся, но почему-то в обратном направлении. Судя по всему, ноги перестали его слушаться.

— О! — воскликнул Николя. — Гляди-ка!.. А вы в состоянии осмотреть больную?

— Видите ли, мне хотелось узнать мнение своего коллеги, поэтому я попросил прийти профессора д'Эрьмо{48}.

— Все ясно. Тогда, пожалуйста, пройдите вот сюда. — И Николя отворил дверь черного хода. — Вы спуститесь тремя этажами ниже, поверните направо, и окажетесь там, где нужно.

{48} Комментарии: 2.48

Д'Эрьмо. — В оригинале имя профессора — Манжеманш (буквально: «скушай-ручку», чем и объясняется вывеска на его доме). Имя это образовано по аналогии с именем «доктора Хаккенбуша» (по-немецки буквально: «руби куст»), персонажа фильма братьев Маркс (популярных в 30-е гг. комических актеров) «Однажды на скачках», которое, изменив его на французский лад, Виан избрал одним из своих многочисленных псевдонимов.

— Понятно, — сказал доктор и стал спускаться, но вдруг обернулся и спросил: — А где я, собственно говоря, нахожусь?

— Тут, а где же еще? — ответил Николя.

— А-а-а, понятно!.. — сказал доктор.

Не успел Николя захлопнуть за ним дверь, как Колен заглянул на кухню.

— Кто это приходил? — спросил он.

— Доктор. Но у него был такой идиотский вид, что я решил от него избавиться.

— Но нам ведь так нужен врач, — сказал Колен.

— Конечно, — сказал Николя. — Сейчас придет д'Эрьмо.

— Тогда порядок.

Снова зазвенел звонок.

— Не бегай, я сам отворю, — сказал Колен.

В коридоре мышка стала взбираться по ноге Колена и в конце концов пристроилась на его правом плече. Колен прибавил шагу и открыл дверь профессору.

— Здравствуйте, — сказал тот.

На профессоре были черный костюм и ярко-

желтая сорочка{49}.

— Физиологически, — заявил он, — черное на желтом фоне являет собой максимальный цветовой контраст. Добавлю, что данное сочетание не утомляет глаз и предупреждает несчастные случаи на улице.

— Наверно, — согласился Колен.

Профессору д'Эрьмо было лет сорок. Их ему и давали. А больше он бы все равно не взял. Щеки его были лишены растительности, однако он носил маленькую остроконечную бородку и невыразительные очки.

— Не угодно ли вам пройти за мной? — сказал Колен.

— Не знаю, — сказал профессор, — я колеблюсь...

В конце концов он все же решился.

— Кто болен? — спросил он.

— Хлоя, — ответил Колен.

— А, припоминаю мелодию...

— Да, — сказал Колен, — эта самая.

— Хорошо, — решился д'Эрьмо, — пошли. Вы

{49} Комментарии: 2.49

На профессоре были черный костюм и ярко-желтая сорочка. — Сочетание черного и желтого цветов — одно из самых любимых Вианом. Характерно, что именно желто-черной обложкой Виан склонен был объяснять успех детективных романов т. н. «Черной серии».

должны были сказать мне это раньше. Что с ней?

— Я не знаю.

— Я тоже, — признался профессор. — Теперь я могу вам в этом признаться.

— Но вы разберетесь? — с тревогой спросил Колен.

— Не исключено… — ответил профессор с сомнением в голосе. — Следовало бы ее посмотреть…

— Так пошли!

— Да, конечно…

Колен повел было его в спальню, но вдруг спохватился.

— Только имейте в виду, она округлилась, будьте осторожны, — предупредил он.

— Я к этому привык, — сказал д'Эрьмо. — Она беременна?

— Да нет! — воскликнул Колен. — Что за глупость… Комната круглая!

— Совсем круглая? — спросил профессор. — Вы что, ставили пластинку Эллингтона?

— Да, — сказал Колен.

— У меня тоже есть его пластинки, — сказал

д'Эрьмо. — Вы знаете Slap Happy{50}?

— Я больше люблю… — начал было Колен, но, вспомнив, что Хлоя ждет, втолкнул профессора в комнату.

— Здравствуйте, — сказал профессор. Он поднялся по лесенке к кровати.

— Здравствуйте, — ответила Хлоя. — Как поживаете?

— Не важно! — воскликнул профессор. — Вот печень часто пошаливает. Вы знаете, что это такое?

— Нет.

— Еще бы, откуда вам знать, у вас-то печень здоровая. — Он подошел к Хлое и взял ее за руку. — Горячая, не правда ли?

— Я не чувствую, — ответила Хлоя.

— Конечно, — сказал профессор. — Это меня и беспокоит. — Он присел на кровать.

— Я вас послушаю, если не возражаете.

— Пожалуйста.

Профессор вынул из своего саквояжа стетоскоп с усилителем и приложил мембрану к спине Хлои.

— Считайте, — попросил он.

{50} Комментарии: 2.50

«Slap Happy». — «Шальной от счастья», композиция Дюка Эллингтона (1938).

Хлоя стала считать.

— Плохо считаете. После двадцати шести идет двадцать семь.

— Да, — согласилась Хлоя. — Извините меня.

— Впрочем, достаточно. Вы кашляете?

— Да, — сказала Хлоя и закашлялась.

— Что у нее, доктор? — спросил Колен. — Это серьезно?

— М-м-м, — ответил профессор. — У нее что-то в правом легком. Но я не знаю, что это…

— Как же быть? — спросил Колен.

— Ей придется приехать ко мне, чтобы я мог ее всесторонне обследовать у себя в кабинете, — сказал профессор.

— Мне не хотелось бы, чтобы она вставала, — сказал Колен. — Вдруг ей опять станет плохо, как сегодня?

— Этого бояться нечего. Я дам вам назначение, но его надо выполнять.

— Конечно, доктор, — сказала Хлоя. Она поднесла руку ко рту и закашлялась.

— Не кашляйте, — сказал д'Эрьмо.

— Не кашляй, дорогая, — сказал Колен.

— Я не могу удержаться, — сказала Хлоя прерывающимся голосом.

— Я слышу какую-то странную музыку в ее

легком, — сказал профессор. Вид у него был расстроенный.

— Так бывает, доктор? — спросил Колен.

— Да как вам сказать... — ответил профессор. Он потянул себя за бородку, и она с сухим щелчком вернулась на свое место.

— Когда к вам прийти, доктор? — спросил Колен.

— Через три дня. Мне надо привести в порядок свою аппаратуру.

— А обычно вы ею не пользуетесь? — удивилась Хлоя.

— Нет, — сказал профессор. — Я предпочитаю заниматься авиамоделизмом. А ко мне без конца пристают с консультациями. Вот уже год, как я все вожусь с одной моделью, и у меня не хватает времени довести ее до конца. Я просто прихожу в отчаяние!..

— Конечно, — согласился Колен.

— Это настоящие акулы! — воскликнул профессор. — Я всегда сравниваю себя с беднягой, потерпевшим кораблекрушение, которого со всех сторон окружили эти прожорливые хищники и ждут, когда он задремлет, чтобы опрокинуть его утлый челн.

— Какой красивый образ, — сказала Хлоя и

засмеялась, но тихонько, чтобы снова не закашляться.

— Не будьте так доверчивы, милая, — сказал профессор д'Эрьмо и положил ей руку на плечо. — Это совершенно дурацкий образ, поскольку по справочнику, изданному пятнадцатого октября тысяча девятьсот сорок четвертого года, из тридцати пяти известных видов акул только три или четыре являются людоедами, но и они реже нападают на человека, чем человек на них…

— Как интересно вы рассказываете, доктор! — сказала Хлоя с восхищением.

Доктор ей явно нравился.

— Это не я, это справочник. На этом я вас покину. — Он громко чмокнул Хлою в правую щеку, похлопал ее по плечу и стал спускаться с антресолей. Правой ногой он зацепил левую, а левая зацепилась за последнюю ступеньку лесенки, и он грохнулся на пол.

— У вас тут весьма оригинальная конструкция, — заметил он Колену, энергично растирая себе поясницу.

— Извините меня, — сказал Колен.

— И кроме того, — добавил профессор, — эта сферическая комната действует угнетающе. Поставьте пластинку Slap Happy, быть может, она

примет прежний вид. А если нет, то вам придется ее обтесать.

— Договорились, — сказал Колен. — Могу ли я предложить вам аперитив?

— Вполне, — сказал профессор. И, прежде чем выйти из спальни, крикнул Хлое: — До свидания, детка!

Хлоя все еще смеялась. Она сидела в своей широкой кровати на антресолях, подсвеченная сбоку лампочкой, а снизу казалось, что она находится на ярко освещенной эстраде. Свет лампы играл в ее волосах, как солнце в молодых травах, и после соприкосновения с ее кожей золотил все предметы вокруг.

— У вас красивая жена, — сказал профессор д'Эрьмо Колену, когда они вышли в прихожую.

— Ага, — сказал Колен и вдруг заплакал, потому что знал, что Хлоя страдает.

— Ну, полноте, — сказал профессор, — вы ставите меня в затруднительное положение… И мне придется вас утешать… Минуточку…

Он пошарил во внутреннем кармане пиджака и вытащил оттуда маленькую записную книжечку в красном сафьяновом переплете.

— А это моя… вот, поглядите.

— Ваша? — спросил Колен, стараясь успоко-

иться.

— Ну да, моя жена, — объяснил профессор д'Эрьмо.

Колен машинально раскрыл книжечку и расхохотался.

— Так и есть, — сказал профессор, — это действует безотказно. Все всегда смеются. Но скажите… что же в ней уж такого смешного?

— Я… Я не знаю, — с трудом пробормотал Колен и рухнул в приступе неудержимого хохота.

Профессор д'Эрьмо спрятал свою записную книжечку.

— Ах, все вы одинаковы, — сказал он. — Вы все считаете, что женщина непременно должна быть красивой… Ну-с, так где же ваш аперитив?..

XXXV

Колен и Шик толкнули входную дверь аптеки. Раздалось громкое «дзын-н-нь!», и дверное стекло упало на сложную композицию из колб и иных предметов лабораторного оборудования. Тут же вышел аптекарь, оповещенный этим шумом. Он был высокий, старый и худой, седые патлы султаном торчали на его голове. Он кинулся к своей конторке, схватил телефонную трубку и набрал номер с быстротой, свидетельствующей о многолетнем навыке.

— Алло!

Голос аптекаря был подобен гуденью сигнального рожка в тумане. И пол под его плоскостопными огромными черными ногами раскачивался вперед-назад, вперед-назад, а мельчайшие брызги долетали до прилавка.

— Алло!.. Это мастерская Гершвина{51}?.. Я прошу вас снова вставить у меня стекло во входную дверь… Через пятнадцать минут?.. Поторопитесь,

---

{51} Комментарии: 2.51

Мастерская Гершвина. — Владельцем мастерской Виан делает Джорджа Гершвина (1898–1937), известного американского композитора, подготовившего возникновение симфонического джаза.

пожалуйста, а то может прийти новый клиент… Хорошо… — Он бросил трубку, которая тут же повисла на рычаге. — Чем могу служить, господа?

— Пожалуйста, изготовьте этот препарат, — сказал Колен.

— Изготовить препарат значит препарировать, а препарируют трупы, поэтому сначала изготовим труп.

Аптекарь взял рецепт, сложил его пополам, так что получилась длинная узкая полоска, и отправил его в настольную гильотину.

— Сказано, сделано! — И он нажал на красную кнопку.

Нож гильотины ударил по рецепту, он вздрогнул и затих.

— Заходите часов в шесть вечера, лекарство будет готово, — сказал аптекарь.

— Дело в том, — сказал Колен, — что это срочно.

— Нельзя ли его сейчас получить? — добавил Шик.

— Хорошо. Тогда подождите немного, я тут же этим займусь.

Колен и Шик сели напротив конторки на скамейку, обтянутую пурпурным бархатом, и стали ждать. А аптекарь согнулся в три погибели и

почти без шума пополз через потайной ход в лабораторию. Звук скольжения его тела по паркету становился все тише, а потом и совсем замер.

Колен и Шик обвели взглядом стены. На покрытых паутиной медных полках рядами стояли банки с простыми химическими веществами и с готовыми сильнодействующими препаратами. Последняя банка в каждом ряду флюоресцировала. В большой конической колбе из толстого корродированного стекла раздутые головастики штопором ввинчивались в воду, но, едва достигнув дна, стрелой взмывали вверх, чтобы снова начать свое винтовое движение, оставляя за собой белесый след взвихренной воды. В стоящем рядом аквариуме длиною в несколько метров аптекарь устроил испытательный полигон для реактивных лягушек, и там же валялись те, что не выдержали перегрузок, однако и у них еще слабо бились четыре сердца.

Всю стену за скамейкой, на которой сидели Шик и Колен, занимала фреска, изображавшая самого аптекаря (в костюме Цезаря Борджа{52} на

{52} Комментарии: 2.52

Аптекарь в костюме Цезаря Борджа… — На картине аптекарь, человек самой гуманной профессии, предстает неким символом зла: римский род Борджа прославился своими злодеяниями. Цезарь Борджа (1476–1507) — герцог Романьи, совершил множество убийств, избавляясь от своих врагов; у Виана он, кроме того, приобретает черты царя Эдипа.

колеснице), предающегося весьма сомнительным забавам со своей матерью. На столах стояло множество автоматов для изготовления пилюль, и некоторые из них работали, хотя и не в полную мощь.

Пилюли, выкатывавшиеся из патрубков голубого стекла, тут же подхватывались восковыми руками, которые расфасовывали их по пакетикам из гофрированной бумаги.

Колен встал со скамейки, чтобы получше рассмотреть ближайший аппарат, и снял заржавевший кожух, который прикрывал механизм. Внутри оказалось некое составное животное, наполовину из плоти, наполовину из металла: оно без устали заглатывало лекарственное сырье и тут же извергало шарики правильной формы.

— Гляди-ка, Шик, — сказал Колен.

— Что там? — спросил Шик.

— Поразительно! — воскликнул Колен.

Шик посмотрел. У животного были удлиненные челюсти, которые быстро двигались из стороны в сторону. Сквозь прозрачную кожу можно было хорошо разглядеть трубчатые ребра из тонкой стали и вяло сокращающийся пищеварительный тракт.

— Обыкновенный усовершенствованный кро-

лик, — объяснил Шик.

— Ты думаешь?

— Это широко применяется. У животного сохраняют только ту функцию, которая нужна. В данном случае этому кролику сохранили деятельность пищевода, но, конечно, без химических процессов. Это куда проще, чем изготовлять пилюли обычным способом.

— А чем он питается? — спросил Колен.

— Хромированными морковками. Их производили на том заводе, где я работал по совместительству. А кроме морковок ему дают химические ингредиенты, необходимые для производства пилюль…

— Отличная выдумка, — сказал Колен. — И пилюли получаются первоклассные.

— Да, — согласился Шик, — очень круглые.

— Послушай… — начал Колен, снова садясь.

— Что?

— Сколько у тебя осталось от тех двадцати пяти тысяч инфлянков, которые я тебе дал перед нашим отъездом?

— Гм…

— Тебе давно пора жениться на Ализе. Так длиться не может, ей, должно быть, очень обидно…

— Да...

— Ну, двадцать тысяч инфлянков у тебя, надеюсь, еще есть... Как-никак... Этих денег хватит для женитьбы...

— Дело в том, что... — Шик запнулся и замолчал, так как сказать это было трудно.

— В чем же все-таки дело? — настаивал Колен. — Не у тебя одного денежные затруднения...

— Знаю, знаю, — сказал Шик.

— Так что же?

— А то, что у меня осталось всего три тысячи двести инфлянков.

Колен разом почувствовал себя очень усталым. В голове с шумом морского прибоя вращались разные колючие и тусклые предметы. Он с трудом собрался с силами.

— Это неправда, — проговорил он наконец.

Он был измотан, так измотан, словно только что прошел трассу стипль-чеза со стеком.

— Это неправда, — повторил Колен. — Ты шутишь!..

— Нет, — сказал Шик.

Шик ковырял пальцем угол стола, возле которого стоял. Пилюли вкатывались в стеклянные патрубки с легким постукиванием, напоминающим тихую барабанную дробь да еще шорох

гофрированной бумаги в восковых руках, — эти звуки создавали атмосферу восточного ресторана.

— Куда ты их дел? — спросил Колен.

— Я покупал Партра. — Шик сунул руку в карман. — Вот взгляни на этот экземпляр. Я вчера его раздобыл. Разве не чудо?

Это было издание «Мертвецов без потребления» в сафьяновом переплете, отделанном жемчугом, с комментариями Кьеркегора{53}.

Колен взял книжку, уставился на нее, полистал, но видел не страницы, а глаза Ализы во время его свадьбы, ее восхищенно-печальный взгляд, которым она окинула подвенечное платье Хлои. Но Шик не мог этого понять: он не глядел выше книжного прилавка.

— Что я могу тебе сказать?.. — пробормотал Колен. — Значит, ты все истратил?..

— На той неделе мне удалось перехватить две его рукописи, — сказал Шик, и голос его задрожал от сдерживаемого волнения. — А кроме того, я

{53} Комментарии: 2.53

«Мертвецы без потребления» с комментариями Кьеркегора. — Пародируется название пьесы Ж.-П. Сартра «Мертвые без погребения» (1946). Датский теолог и философ Сёрен Кьеркегор (1813–1855), чьи труды оказали большое влияние на философию экзистенциализма, естественно, не мог комментировать произведения Сартра: пример излюбленного Вианом анахронизма.

записал на фонограф семь его лекций…

— Да… — вздохнул Колен.

— И вообще, почему ты меня об этом спрашиваешь? Для Ализы не имеет значения, поженимся мы или нет, она и так счастлива. И кроме того, Ализа и сама необычайно увлечена Партром!

Один из пилюльных автоматов как будто забарахлил. Пилюли хлынули из него сплошным потоком, и, когда они сыпались в гофрированные пакетики, вспыхивали лиловые искры.

— Что там происходит? — спросил Колен. — Это опасно?

— Вряд ли, — ответил Шик. — Но все-таки нам лучше отойти подальше.

Они услышали, как где-то вдалеке хлопнула дверь, и аптекарь вдруг вынырнул из-за прилавка.

— Я заставил вас ждать, — сказал он.

— Это не имеет значения, — заверил его Колен.

— Нет, имеет, но я это сделал нарочно, чтобы придать себе весу.

— Один из ваших аппаратов, похоже, сломался. — И Колен указал на тот, что извергал пилюли потоком.

— А! — воскликнул аптекарь.

Он нагнулся, вытащил из-под прилавка кара-

бин, прицелился и выстрелил. Автомат подскочил на месте и, содрогаясь, повалился набок.

— Пустяки, — сказал аптекарь. — Время от времени кролик берет верх над сталью, и тогда его приходится убивать.

Он приподнял автомат, нажал на нижний рычажок, чтобы выпустить мочу, и повесил его на гвоздь.

— Вот ваше лекарство, — сказал он, вытаскивая коробку из кармана. — Только будьте очень внимательны, это весьма сильное средство. Строго придерживайтесь указанной дозировки.

— Понял, — сказал Колен. — А как по-вашему, это лекарство против чего?

— Трудно сказать. — Он засунул в свою седую шевелюру длинные пальцы с завитыми ногтями. — Это средство применяется в разных случаях, но вот растение от него очень скоро погибло бы.

— Так, — сказал Колен. — Сколько я вам должен?

— О, это стоит очень дорого. Вам следовало бы меня оглушить и смыться, не заплатив.

— Ну, для этого я слишком устал…

— Тогда с вас два инфлянка.

Колен вытащил бумажник.

— Да это же просто грабеж! — сказал аптекарь.

— Мне все равно, — сказал Колеи упавшим голосом. Он заплатил и двинулся к выходу. Шик — за ним.

— Вы оба просто идиоты, — сказал аптекарь, провожая их к двери. — Я стар и не смог бы оказать сопротивления.

— Мне некогда, — пробормотал Колен.

— Это неправда, — сказал аптекарь. — А то вы не стали бы так долго ждать.

— Теперь у меня уже есть лекарство, — сказал Колен. — До свидания, месье. — Он шел по улице, срезая углы, чтобы не расходовать сил понапрасну.

— Знаешь, — снова начал Шик, — даже если я не женюсь на Ализе, это вовсе не значит, что я с ней расстанусь.

— Мне нечего тебе сказать, — ответил Колен. — В конце концов, это твое дело.

— Такова жизнь, — заключил Шик.

— Нет, — сказал Колен.

XXXVI

Ветер прокладывал себе путь сквозь кроны деревьев и вырывался на простор, пропитанный запахами лопающихся почек и цветов. Прохожие выше подняли головы и дышали глубже, потому что воздуха было хоть отбавляй. Солнце медленно разворачивало лучи и, изгибая их дугой, осторожно направляло в те места, куда само не могло проникнуть. Однако, падая на темные стороны вещей, оно, словно спрут, верным точным движением отдергивало свои золотые щупальца. Его огромный пылающий каркас неторопливо приближался к зениту, потом замер в неподвижности, выпаривая континентальные водоемы, а башенные и стенные часы города пробили три раза.

Колен читал Хлое роман. Это был роман о любви со счастливым концом. Он как раз дошел до того места, где герой и героиня стали писать друг другу письма.

— Какая длинная история, — сказала Хлоя. — В жизни все происходит куда быстрее…

— А у тебя большой опыт в таких делах?

Колен больно ущипнул кончик солнечного луча, который так и норовил угодить Хлое в глаз. Луч вяло съежился и заскользил по мебели.

Хлоя покраснела.

— Нет, никакого опыта у меня нет… — сказала она застенчиво, — но так мне кажется…

Колен захлопнул книгу.

— Ты права, Хлоя. — Он встал и подошел к кровати. — Сейчас надо принять лекарство.

Хлоя вздрогнула.

— Так не хочется… Это обязательно?

— По-моему, да. Сегодня вечером ты пойдешь к доктору, и мы наконец узнаем, что у тебя. А сейчас прими пилюлю. Потом он, может быть, назначит тебе что-нибудь другое…

— Ты не знаешь, до чего это ужасно, — сказала Хлоя.

— Будь умницей!

— Когда я проглатываю эту пилюлю, у меня в груди будто два зверя рвут друг друга на части. А потом неправда, что всегда надо быть умницей.

— Конечно, не всегда, но иногда надо. — Колен открыл маленькую коробочку.

— Какой у них противный цвет! — воскликнула Хлоя. — И они так дурно пахнут!..

— Они какие-то странные, не спорю, но прини-

мать их необходимо.

— Погляди-ка! Они сами двигаются, и эта их полупрозрачная оболочка… они, наверное, живые.

— Ты их запьешь водой, так что долго они не проживут!

— Глупости! А может, они рыбы?

Колен рассмеялся.

— Вот ты заодно и позавтракаешь. — Он наклонился к ней и поцеловал ее. — Ну, пожалуйста, прошу тебя!

— Хорошо. Но за это ты меня поцелуешь.

— Конечно, — сказал Колен, — если тебе не противно целоваться с таким уродом, как я.

— Ты, правда, не очень-то красивый, — поддразнила его Хлоя.

— Я не виноват. — Колен опустил голову. — Я недосыпаю.

— Поцелуй меня, Колен. Я очень злая. Давай я приму за это две пилюли.

— С ума сошла! — воскликнул Колен. — Только одну. Ну, глотай!

Хлоя зажмурилась, побледнела и прижала руку к груди.

— Готово, — произнесла она с трудом. — Сейчас начнется.

У корней ее шелковистых волос выступила

испарина.

Колен сел рядом с ней и обнял ее за плечи. Хлоя обеими руками стиснула его руку и застонала.

— Успокойся, ну, пожалуйста, — сказал Колен. — У нас нет другого выхода.

— Мне больно… — прошептала Хлоя.

Из-под ее век выкатились две слезы, такие же огромные, как глаза, и, упав, оставили холодный след на ее округлых, нежных щеках.

XXXVII

— Совсем нет сил… — прошептала Хлоя. Она опустила ноги на пол и попробовала встать. — Ничего не получается, я вся какая-то ватная.

Колен подошел к ней и приподнял ее. Она обхватила его за плечи.

— Держи меня, Колен, я сейчас упаду…

— Ты устала от лежания, — сказал Колен.

— Нет, это из-за пилюль твоего старого аптекаря.

Она снова попыталась стать на ноги, но пошатнулась. Колен поддержал ее, но она, падая, увлекла его за собой на кровать.

— Мне так хорошо… — сказала Хлоя. — Обними меня. Мы очень давно не были вместе!..

— Не надо, — сказал Колен.

— Нет, надо! Поцелуй меня. Я жена твоя или нет?

— Жена, — подтвердил Колен. — Но ты не здорова.

— Я в этом не виновата, — сказала Хлоя, и губы ее дрогнули, словно она вот-вот заплачет.

Колен наклонился к ней и стал целовать ее так

бережно, как целовал бы цветок.

— Еще, — сказала Хлоя, — и не только лицо… Выходит, ты меня больше не любишь? Ты больше не хочешь меня любить, как жену?

Он крепко прижал ее к себе. Она была теплой и благоухающей. Флакон духов, вынутый из коробки, обтянутой белым шелком.

— Да, — сказала Хлоя, вытянувшись, — еще…

XXXVIII

— Мы опоздаем, — предупредил Колен.

— Не важно, — сказала Хлоя. — Переставь часы.

— Ты правда не хочешь поехать на машине?

— Правда. Я хочу пройтись с тобой по улицам.

— Но это далеко!

— Не важно, — сказала Хлоя. — Когда ты меня… целовал, ко мне вернулись силы. Мне хочется идти пешком.

— Тогда я попрошу Николя заехать за нами. Ладно? — предложил Колен.

— Ну, если хочешь…

Чтобы пойти к доктору, Хлоя надела нежно-голубое платье с очень глубоким остроконечным вырезом, а поверх накидку из рыси и шапочку из того же меха. Туфли из крашеной змеиной кожи завершали ансамбль.

— Пошли, кошка, — сказал Колен.

— И вовсе не кошка, а рысь.

— Это слово рычит.

Они вышли из спальни. У окна Хлоя остановилась.

— Что такое? Здесь не так светло, как обычно?..

— Тебе кажется, — сказал Колен. — Смотри, сколько солнца…

— Нет, — настаивала Хлоя. — Я отлично помню, что раньше солнце доходило вот до этого места на ковре, а теперь доходит только досюда…

— Это зависит от часа дня.

— Нет, не зависит, потому что был тот же час!..

— Проверим завтра в это время.

— Нет, ты погляди, оно доходило до седьмой черты, а теперь только до пятой…

— Идем, мы опаздываем.

Проходя мимо большого зеркала в выложенном плитками коридоре, Хлоя улыбнулась своему отражению. Не может быть, чтобы она серьезно заболела. Они теперь часто будут вместе гулять. Он научится экономить. У них пока еще хватит инфлянков, чтобы жить без забот. А потом он пойдет работать…

Звякнул язычок замка, и дверь за ними захлопнулась. Хлоя взяла Колена под руку. Она шла короткими легкими шагами, два ее шага соответствовали одному шагу Колена.

— Как хорошо, — сказала Хлоя. — Солнышко светит, и пахнет деревьями.

— Конечно, — сказал Колен. — Весна!

— Разве? — И Хлоя лукаво улыбнулась.

Они повернули направо и, миновав два длинных строения, вошли в медицинский квартал. Не пройдя и ста метров, они почуяли резкий запах анестезирующих средств. А в ветреные дни он ощущался еще раньше. Тротуар тут стал совсем другим. Он представлял собой уложенную на бетонных опорах решетку из тонких металлических прутьев, тесно приваренных друг к другу. Она прикрывала широкую, но неглубокую канаву, по которой текла смесь спирта с эфиром. Использованные тампоны ваты, перепачканные гноем, сукровицей, а иногда и кровью, неслись в грязном потоке. Сгустки полусвернувшейся крови кое-как подкрашивали эту летучую жижу, которая уносила куски разлагающейся человеческой плоти, вращающиеся вокруг своей оси, как сильно подтаявшие айсберги. Однако эфир забивал все прочие запахи. Под решеткой проплывали и клочья марли, и скомканные бинты, — намокнув, они вяло раскручивали свои уснувшие кольца. Вертикально по фасадам домов в канаву спускались сточные трубы, и достаточно было несколько минут понаблюдать за тем, что из них вываливается, чтобы определить специальность врача, практикующего в этом

доме. Из одного сточного жерла выкатился глаз, завертелся волчком и, прежде чем исчезнуть под большим куском разбрюзгшей красноватой ваты, подобной ядовитой медузе, на мгновение уставился на них.

— Мне тут не нравится, — сказала Хлоя. — Воздух, правда, здесь продезинфицированный, но глядеть на все это не очень-то приятно.

— Конечно.

— Пошли по мостовой.

— Можно, но тогда мы попадем под машину.

— Зря я решила идти пешком. У меня ноги отваливаются.

— Твое счастье, что наш доктор живет далеко от квартала общей хирургии.

— Замолчи! — воскликнула Хлоя. — Мы скоро дойдем?

Она вдруг снова закашлялась, а Колен побледнел как полотно.

— Не кашляй, Хлоя, — взмолился он.

— Не буду, Колен, — сказала Хлоя, силясь сдержать кашель.

— Не кашляй… Мы пришли… Это здесь…

На вывеске профессора д'Эрьмо были нарисованы огромные челюсти, из которых торчала лопата землекопа. Это рассмешило Хлою. Она

смеялась очень осторожно, почти беззвучно, так как боялась снова закашляться. На стене дома были развешены цветные фотографии, свидетельствующие о чудодейственном лечении профессора. Они освещались специальными прожекторами, которые в данный момент не были включены.

— Видишь, какой это крупный специалист, — сказал Колен. — Другие дома украшены не так пышно.

— Это только доказывает, что у него много денег, — сказала Хлоя.

— Либо, что он человек со вкусом, — заметил Колен. — Фасад оформлен очень художественно.

— Ага. Напоминает образцовую мясную лавку, — сказала Хлоя.

Они вошли в подъезд и оказались в большом круглом вестибюле, полностью покрытом белой эмалью. Их встретила медицинская сестра.

— Вы записаны на прием? — спросила она.

— Да, — ответил Колен. — Правда, мы, быть может, немного опоздали.

— Это не имеет значения, — сказала сестра. — Сегодня у профессора больше операций не будет. Прошу вас.

Они послушно двинулись за ней, и их каблу-

ки гулко зацокали по эмалированному полу. В круглой стене было множество дверей, и сестра подвела их к той, на которой была воспроизведена из чеканного золота в миниатюре гигантская эмблема вывески. Сестра отворила дверь и пропустила их вперед. Колен толкнул вторую дверь, массивную и прозрачную, и они оказались в кабинете. Стоя у окна, профессор, вооружившись зубной щеткой, покрывал свою бородку благовонным экстрактом опопанакса. Он обернулся на шум и, протянув руку, двинулся навстречу Хлое.

— Ну, так как же вы себя сегодня чувствуете?

— Эти пилюли ужасны, — сказала Хлоя.

Профессор потемнел в лице и стал похож на мулата.

— Досадно, — пробормотал он. — Впрочем, так я и думал.

С минуту он постоял, размышляя, потом заметил, что все еще держит в руке зубную щетку.

— Возьмите, — сказал он Колену, протянув ему щетку. И добавил, повернувшись к Хлое. — Садитесь, детка.

Д'Эрьмо обошел вокруг своего письменного стола и тоже сел.

— Видите ли, — сказал он ей, — у вас что-то с легким, точнее, в легком. Я надеюсь, что это… —

Он оборвал фразу и резко встал. — Да чего попусту болтать, идемте со мной. А вы, — добавил он, обращаясь к Колену, который решительно не знал, что ему делать с зубной щеткой, — положите ее, куда хотите.

Колен хотел было пойти вслед за Хлоей и профессором, но не смог, пока не отодвинул невидимую, но плотную пелену, которая вдруг оказалась между ними. Он почувствовал странное теснение в груди, и сердце его забилось с перебоями. Он сжал кулаки, силясь прийти в себя. Собрав всю свою волю, он все же ухитрился сделать несколько шагов, и как только он коснулся руки Хлои, все разом прошло.

Профессор вел Хлою за руку. Они вошли в небольшой кабинет с белыми стенами и хромированным потолком. Какой-то приземистый, сверкающий полированным металлом аппарат занимал целиком одну из стен.

— Вам лучше сесть, — сказал профессор. — Это не займет много времени.

Напротив аппарата висел экран из червонного серебра в хрустальной раме, и только одна черная эмалированная ручка посверкивала на цоколе.

— Вы хотите присутствовать? — спросил профессор Колена.

— Да, если можно, — ответил Колен.

Профессор д’Эрьмо повернул ручку. Свет из кабинета убегал ярким потоком в щель под дверью и в вентиляционную решетку над аппаратом, и постепенно экран осветился.

XXXIX

Профессор д'Эрьмо ободряюще похлопывал Колена по спине:

— Да вы не огорчайтесь, старина. Может, обойдется.

Колен стоял, не поднимая глаз, вид у него был раздавленный. Хлоя держала его под руку. Она изо всех сил старалась казаться веселой.

— Ну, конечно, — сказала она. — Должно же это когда-нибудь пройти…

— Наверное, — пробормотал Колен.

— Короче говоря, — заключил профессор, — если она будет точно выполнять мои назначения, то ей, вероятно, станет лучше.

— Вероятно, — повторил Колен.

Они стояли втроем в круглом белом вестибюле, и голос Колена, отражаясь от потолка, звучал словно издалека.

— Как бы то ни было, — добавил д'Эрьмо, — я пошлю вам счет.

— Само собой разумеется, — сказал Колен. — Благодарю вас за ваши хлопоты.

— Если дело не пойдет на поправку, вы снова ко

мне придете. Остается еще возможность оперативного вмешательства, которую мы пока даже не обсуждали…

— Да, конечно, — сказала Хлоя, стиснув локоть Колена, и на этот раз она зарыдала.

Профессор обеими руками подергивал бородку.

— Весьма досадно, — сказал он.

Воцарилась тишина. Сквозь прозрачную дверь они увидели, как появилась медицинская сестра и дважды коротко постучала. В толще двери вспыхнули зеленые буквы указателя: «Войдите».

— Приехал какой-то месье, — доложила она. — Он просит передать, что Николя уже здесь.

— Благодарю вас, Шлюха, — сказал ей профессор. — Вы свободны.

И сестра удалилась.

— Ну, что ж, — пробормотал Колен. — До свидания, профессор д'Эрьмо.

— Несомненно, — сказал профессор. — До свидания, лечитесь… Постарайтесь куда-нибудь уехать…

XL

— Что, плохо? — спросил, не поворачивая головы, Николя, прежде чем машина тронулась с места.

Хлоя все еще рыдала, уткнувшись в белый мех, а Колен выглядел как мертвец. Запах тротуаров заметно усиливался, испарения эфира обволокли всю улицу.

— Поехали, — сказал Колен.

— Что у нее? — снова спросил Николя.

— Самое скверное…

Тут Колен сообразил, что он говорит, и взглянул на Хлою. Он так любил ее в эту минуту, что готов был убить себя за неосторожно вырвавшиеся у него слова. Хлоя, забившись в угол сиденья, кусала себе пальцы. Ее шелковистые волосы упали ей на лицо, а меховая шапочка валялась под ногами. Она вся исходила в плаче, будто грудной младенец, только плач этот был беззвучный.

— Прости меня, Хлоя, я чудовище.

Колен придвинулся к ней и прижал ее к себе. Он целовал ее бедные, обезумевшие глаза и слышал глухие и редкие удары своего сердца.

— Мы тебя вылечим, — сказал он. — Я только хотел сказать, что для меня нет ничего ужаснее, чем видеть тебя больной, какой бы ни была твоя болезнь…

— Мне страшно, — сказала Хлоя. — Он наверняка сделает мне операцию.

— Нет, — сказал Колен. — До этого дело не дойдет, ты вылечишься.

— Что у нее? — снова спросил Николя. — Я могу чем-нибудь помочь?

Он тоже выглядел крайне несчастным. От его обычной самоуверенности не осталось и следа.

— Хлоя, милая моя Хлоя, — умолял Колен, — успокойся!

— Конечно, — сказал Николя, — она очень быстро вылечится.

— Нимфея… — произнес Колен. — Подумать только![54] Где она могла ее схватить?

— У нее нимфея? — с недоверием переспросил Николя.

— Ну да, нимфея, или, если угодно, водяная

{54} Комментарии: 2.54

Нимфея… Подумать только! — Возможно, источником этого образа послужило название второго акта пьесы Тристана Тцара (1896–1963) «Воздушное сердце» (1921) — «Цветок из твоего легкого». Кроме того, описание кувшинки, убивающей Хлою, близко к эпизоду из романа У. Фолкнера «Москиты» (1927), где усталость героини сравнивается с огромным ядовитым цветком, распускающимся в ее теле и душащим ее.

лилия, в правом легком. Профессор сперва думал, что там всего лишь какой-то зверек. Но оказалась нимфея. Мы видели ее на экране. Она уже довольно большая, но в конце концов с ней, наверное, все же удастся справиться.

— Разумеется, — сказал Николя.

— Вы не представляете себе, что это такое, — рыдала Хлоя. — Мне так больно, когда она там колышется!

— Не плачьте, — сказал Николя. — Слезами горю не поможешь, а вы только устанете.

Машина тронулась. Николя медленно вел ее, пробираясь через нагромождения домов. Солнце постепенно исчезало за деревьями, и ветер свежел.

— Доктор советует ей уехать в горы, — сказал Колен. — Он уверяет, что холод убьет эту мерзость.

— Она подцепила ее во время нашего путешествия, — сказал Николя. — На той дороге было полно всякой дряни этого рода.

— А еще он сказал, что вокруг Хлои все время должны быть цветы. Это испугает нимфею.

— А зачем ее пугать? — спросил Николя.

— Чтобы она не зацвела. Не то она даст новые побеги, — ответил Колен. — Но мы этого не до-

пустим.

— В этом и состоит все лечение? — спросил Николя.

— Нет, не все.

— А еще чте?

Колен ответил не сразу. Он чувствовал, как Хлоя плачет, уткнувшись ему в плечо, и ненавидел ту пытку, на которую он вынужден ее обречь.

— Ей нельзя пить, — выговорил он наконец.

— Как?.. Совсем ничего?

— Ничего.

— Ну, не может же быть, чтобы совсем ничего!..

— Две чайные ложечки в день… — прошептал Колен.

— Две чайные ложечки!..

Больше Николя ничего не спрашивал. Он уставился в дорогу перед собой.

XLI

Ализа дважды позвонила и стала ждать. Входная дверь показалась ей как-то у́же, чем обычно, а ковер на лестнице более блеклым и не таким ворсистым. Николя открыл.

— Здравствуй!.. — сказал он. — Ты пришла их навестить?

— Да, — ответила Ализа. — Они дома?

— Входи. Хлоя дома.

Он затворил за Ализой дверь. Она внимательно поглядела на ковер.

— Тут стало значительно темней, чем было раньше, — сказала она. — Как это объяснить?

— Не знаю, — ответил Николя.

— Странно. А разве на этой стене не висела картина?

— Не помню. — И Николя неуверенно провел рукой по волосам. — В самом деле, здесь как будто что-то изменилось в обстановке.

— Вот именно, — сказала Ализа.

На ней был хорошо сшитый коричневый костюм. В руке она держала букет нарциссов.

— А вот ты в отличной форме, — сказал Нико-

ля. — Все в порядке?

— Да… В порядке… Видишь, Шик подарил мне костюм…

— Он тебе очень идет.

— Мне повезло, что герцогиня де Будуар носит тот же размер, что и я. Костюм этот куплен по случаю. Шик захотел получить записку, которая лежала в его кармане, вот ему и пришлось купить весь костюм.

Она поглядела на Николя и добавила:

— А ты неважно выглядишь.

— Не знаю… Мне кажется, я старею…

— Покажи-ка мне твой паспорт, — сказала Ализа.

Николя полез в задний карман брюк.

— Вот, держи.

Ализа раскрыла паспорт и побледнела.

— Сколько тебе лет? — спросила она тихо.

— Двадцать девять.

— Погляди-ка, какой здесь стоит год рождения.

Он посчитал. Получилось, что ему теперь тридцать пять.

— Ничего не понимаю, — пробормотал он.

— Видимо, ошибка, — сказала Ализа. — Тебе и на вид не больше двадцати девяти.

— Но до сих пор мне никто не давал больше

двадцати одного.

— Надеюсь, это как-нибудь обойдется, — сказала Ализа.

— У тебя красивые волосы, — сказал Николя. — Пошли к Хлое.

— Что же здесь все-таки происходит?.. — задумчиво проговорила Ализа.

— О, все дело в этой болезни. Она нас всех потрясла. Как только Хлоя выздоровеет, я снова помолодею.

Хлоя лежала на кровати в лиловой шелковой пижаме и длинном стеганом халате из бежевого атласа с оранжевым отливом. Вокруг стояло много цветов, главным образом орхидей и роз, но были также и гортензии, гвоздики, камелии, длинные ветки цветущих персиков и миндаля и целые охапки жасмина. Грудь ее была открыта, и под правым соском на янтарной коже отчетливо виднелся синий венчик. Скулы ее чуть порозовели, глаза горели сухим блеском, и легкие, шелковые нити волос казались наэлектризованными.

— Укройся, ты простудишься! — воскликнула Ализа.

— Нет, — пробормотала Хлоя. — Так надо. Это лечение.

— Какие красивые цветы! Колен небось разорится на цветах, — пошутила Ализа, чтобы рассмешить Хлою.

— Да, — прошептала Хлоя и жалко улыбнулась. — Он ищет работу, поэтому его сейчас нет дома.

— Почему ты говоришь так тихо? — спросила Ализа.

— Я хочу пить, — беззвучно прошептала Хлоя.

— Ты в самом деле пьешь только две чайные ложки в день?

— Да, — вздохнула Хлоя.

Ализа наклонилась и поцеловала ее.

— Ты скоро поправишься.

— Да. Завтра Николя увозит меня отсюда.

— А Колен? — спросила Ализа.

— Он остается. Ему придется работать. Мой бедный Колен!.. У него нет больше инфлянков…

— Почему?

— Из-за цветов…

— Она растет? — спросила Ализа.

— Нимфея? — совсем тихо переспросила Хлоя. — Нет, мне кажется, она засыхает.

— Значит, все хорошо?

— Да, — сказала Хлоя. — Но мне так хочется пить.

— Почему ты не зажигаешь свет? Здесь очень темно.

— Это длится уже некоторое время. Да, уже некоторое время, и тут ничего не поделаешь. Вот попробуй сама. Зажги…

Ализа повернула выключатель, и вокруг лампы вспыхнул тусклый ореол света.

— Лампы умирают, — сказала Хлоя. — И стены уменьшаются. И вот это окно тоже…

— Правда? — спросила Ализа.

— Погляди.

От огромного окна, занимавшего прежде всю стену, остались всего два узких проема с закругленными углами. А между ними выросло некое подобие стены, преграждавшее путь солнечным лучам. Потолок заметно опустился, а антресоли, на которых стояла кровать Колена и Хлои, теперь едва возвышалась над уровнем пола.

— Что же это происходит? — спросила Ализа.

— Не знаю. Гляди-ка, вот нам и принесли немножко света.

В спальню вбежала мышка с черными усиками и внесла маленький осколок одного из цветных стекол кухонного окна, который излучал яркий свет.

— Как только становится темно, — объяснила

Хлоя, — она мне всегда приносит немного света.

И Хлоя погладила мышку, которая положила свой трофей на столик у изголовья кровати.

— Как мило с твоей стороны, Ализа, что ты пришла меня проведать!

— Ты же знаешь, — сказала Ализа, — я люблю тебя.

— Знаю. А как поживает Шик?

— Нормально. Вот купил мне костюм.

— Красивый, — сказала Хлоя, — и тебе идет. — Она умолкла.

— Тебе больно? — спросила Ализа. — Бедняжка. — Она наклонилась и погладила Хлою по щеке.

— Да, — простонала Хлоя. — Я так хочу пить…

— Понимаю, — сказала Ализа. — Я тебя поцелую, быть может, это хоть немножко утолит твою жажду.

— Да.

Ализа снова наклонилась к ней.

— О, — вздохнула Хлоя, — твои губы такие прохладные…

Ализа улыбнулась, ее глаза были полны слез.

— Куда ты уезжаешь? — спросила она.

— Недалеко, — ответила Хлоя. — В горы. — Она повернулась на левый бок и спросила:

— Ты очень любишь Шика?

— Да, но он любит свои книги больше, чем меня.

— Не знаю. Может, ты и права. Если бы я сама не вышла замуж за Колена, я так хотела бы, чтобы ты была с ним.

Ализа снова поцеловала ее.

XLII

Шик закрыл за собой дверь книжной лавки. Ничего интересного он там для себя не обнаружил. Он шел, пристально разглядывая свои ботинки из коричнево-красной кожи, и с удивлением заметил, что один ботинок тянет его в одну сторону, а другой в противоположную. Он остановился, подумал, потом мысленно вычертил биссектрису этого угла и двинулся по ее направлению. При этом он едва не попал под колеса жирного такси и сохранил свою жизнь только благодаря изящному прыжку, в результате которого сбил с ног прохожего. Ругаясь на чем свет стоит, тот поспешил в клинику, чтобы ему оказали первую помощь.

Шик пошел дальше, придерживаясь того же курса, и попал на улицу Джимми Нуна{55}, где был книжный магазин с вывеской, подражающей

{55} Комментарии: 2.55

Нун Джимми (1895–1944) — американский кларнетист, руководитель джаз-оркестра, ученик С. Бечета [broken link: #bechet]. *«Улица Джимми Нуна»* — еще одна «музыкальная улица» в романе.

«Mahogany Hall de Lulu White»{56}. Он толкнул дверь, которая в ответ грубо толкнула его. И тогда он, решив не настаивать, вошел через витрину.

Владелец магазина покуривал трубку мира, удобно устроившись на полном собрании сочинений Жюля Ромена{57}, который писал свои тома исключительно для этой цели. У него была очень красивая трубка из вересковой глины, и он набивал ее листьями оливкового дерева. Рядом стоял тазик, потому что от курения то и дело возникали позывы рвать когти, влажная салфетка для освежения висков и графинчик с мятной настойкой в подкрепление действия трубки.

Книготорговец упер в Шика безжизненный и дурно пахнущий взгляд.

— Что вам угодно? — спросил он.

— Посмотреть книги… — ответил Шик.

{56} Комментарии: 2.56

«Mahogany Hall de Lulu White». — В начале XX в. — увеселительное заведение в Новом Орлеане, прославившееся своими пианистами и джаз-оркестром.

{57} Комментарии: 2.57

Ромен Жюль (1885–1972) — французский писатель, автор многотомной эпопеи «Люди доброй воли» (1932–1946), на которую и намекает Виан. Появление трубки мира в руках владельца книжного магазина объясняется тем, что название эпопеи ассоциируется с евангельским текстом, который в переводе с французского значит: «мир на земле людям доброй воли» (русский канонический перевод: «…и на земле мир, в человеках благоволение»): Виан снова пародийно обыгрывает Библию.

— Смотрите.

Он резко наклонился над тазиком, но тревога оказалась ложной.

Шик направился в глубь магазина. Вся обстановка предвещала возможность находок. Какие-то насекомые захрустели у него под ногами. Пахло старой кожей и дымом от листьев оливкового дерева, и это сочетание запахов было, честно говоря, тошнотворным.

Книги стояли в алфавитном порядке, но хозяин плохо знал алфавит, и поэтому Шик обнаружил полку Партра между буквами «Б» и «Т». Вооружившись лупой, он принялся изучать переплеты и тотчас обнаружил на одном из экземпляров книги «Он и неон»{58} — знаменитом критическом исследовании светящихся реклам — заинтересовавший его отпечаток пальца. С лихорадочной поспешностью Шик вытащил из кармана маленькую коробочку, в которой кроме кисточки с мягким ворсом находился графитный порошок, и памятку для шпика-любителя, составленную конюнником Вуй. Он очень тщательно обработал этот отпечаток, сличил оттиск с образцом, вынутым из бумажника, и замер, прерывисто

{58} Комментарии: 2.58

«Он и неон». — В оригинале «La Lettre et le Néon», пародируется название книги Ж.-П. Сартра «Бытие и небытие» («L'Etre et le Néant», 1943).

дыша. Оказалось, что это и в самом деле был доподлинный отпечаток указательного пальца левой руки Партра, который до сих пор нигде не удавалось обнаружить, кроме как на чубуках его старых трубок.

Прижимая к сердцу ценную находку, он подошел к книготорговцу.

— Сколько вы хотите за этот томик?

Тот взглянул на книгу и усмехнулся:

— Вы его все-таки нашли.

— А что в нем особенного? — спросил Шик с деланным удивлением.

— Ха! — прыснул книготорговец, роняя трубку, которая упала в тазик и погасла.

Он грубо выругался и потер руки, радуясь, что ему больше не нужно держать в зубах эту пакость.

— Я вас спрашиваю… — настойчиво повторил Шик.

Сердце его готово было выпрыгнуть наружу, оно дико, с перебоями колотилось о ребра.

— Ох-ох-ох! — бормотал книготорговец. Он катался по полу, задыхаясь от смеха. — Ну и комик же вы!..

— Послушайте, — растерянно начал Шик. — Объяснитесь, пожалуйста…

— Чтобы получить этот отпечаток пальца, я должен был несколько раз приглашать его выкурить со мной трубку мира, да еще стать заправским фокусником и изловчиться незаметно подменить трубку книгой…

— Все ясно, — сказал Шик. — Раз так, то скажите, сколько вы хотите за эту книжку.

— Недорого, но у меня есть кое-что и получше.

Владелец магазина встал, исчез за невысокой перегородкой, разделявшей пополам торговое помещение, порылся в каком-то ящике и тут же вернулся.

— Вот, — сказал он, швырнув на прилавок брюки.

— Что это такое? — с тревогой прошептал Шик. Им овладело сладостное возбуждение.

— Брюки Партра, — с гордостью заявил книготорговец.

— Как вам это удалось? — Шик был в экстазе.

— Во время лекции, — объяснил книготорговец. — Он даже не заметил. К тому же они в нескольких местах прожжены трубкой…

— Покупаю, — сказал Шик.

— Что именно? — осведомился владелец магазина, — потому что у меня есть и еще кое-что…

Шик прижал руки к груди. Сердце у него сорва-

лось с цепи — так бешено оно запрыгало.

— Вот, — снова сказал торговец.

Это была трубка, и Шик тут же увидел на ее мундштуке отметину от зубов Партра.

— Сколько? — спросил Шик.

— Вы, конечно, знаете, что в настоящее время он готовит издание двадцатитомной энциклопедии о блевотине со всей иконографией, и у меня будут рукописи отдельных статей…

— У меня не хватит денег, — простонал Шик, сраженный этой перспективой.

— А мне наплевать.

— Сколько вы хотите за эти три предмета? — спросил Шик.

— Тысячу инфлянков, — ответил торговец. — И учтите, это мое последнее слово. Вчера я отказался отдать их за тысячу двести. А вам готов уступить только потому, что вид у вас чокнутый.

Побледнев как полотно, Шик вытащил свой бумажник.

XLIII

— Видишь, — сказал Колен, — мы уже не кладем скатерти.

— Да это не имеет никакого значения, — сказал Шик, — но я все же не понимаю, почему стол такой жирный.

— Не знаю, — рассеянно сказал Колен. — Кажется, его не удается отмыть. Жир все время проступает откуда-то изнутри.

— Скажи, ведь прежде у вас был шерстяной ковер, правда? — спросил Шик. — А этот выглядит хлопчатобумажным.

— Ковер тот же самый. Не думаю, чтобы он изменился.

— Странно, но почему-то мне кажется, что все вокруг как-то уменьшилось и потускнело.

Николя принес жирный суп, в котором плавало что-то вроде гренок. Он налил им по полной тарелке.

— Что это такое, Николя? — спросил Шик.

— Бульон из кубиков, заправленный макаронной мукой, — ответил Николя. — Высший класс!

— А! Вы нашли этот рецепт у Гуффе? — поинте-

ресовался Шик.

— Скажете тоже! Это рецепт де Помиана{59}. Гуффе годится только для снобов, а кроме того, он требует особой кухонной аппаратуры!..

— Но ведь у нас все это есть!

— У нас? — возмутился Николя. — У нас только газ да голодильник, как у всех. Несете черт те что!

— Ну ладно, ладно, — сказал Шик и заерзал на стуле, не зная, как продолжать разговор.

— Хочешь вина? — спросил Колен. — У меня в погребе осталось только вот это. Но оно недурное.

Шик протянул свой стакан.

— Позавчера Ализа приходила навестить Хлою. Я, к сожалению, ее не видел. А вчера Николя отвез Хлою в горы…

— Знаю, Ализа мне говорила, — сказал Шик.

— Я получил счет от профессора д'Эрьмо. На большую сумму. Видимо, это толковый врач.

У Колена болела голова. Ему хотелось, чтобы Шик болтал без умолку, рассказывал какие-ни-

---

{59} Комментарии: 2.59

Помиан Эдуард Позерски де (1875–1964) — французский писатель, гастроном и врач-гастроэнтеролог. Блюда «по Помиану», рассчитанные всего лишь на «удобоваримость» и занявшие место изысканных лакомств «по Гуффе», — еще одно свидетельство трагического разрушения окружающего героев мира.

будь истории, неважно, какие, лишь бы говорил. А Шик сосредоточенно глядел на окно. Вдруг он встал и, вынув из кармана складной метр, пошел мерить раму.

— Мне кажется, здесь что-то изменилось, — сказал он.

— Разве? — равнодушно спросил Колен.

— Окно заметно сузилось, и комната тоже…

— Как это может быть? С точки зрения здравого смысла…

Шик не ответил. Он достал записную книжку и карандаш и записал какие-то цифры.

— Ты нашел работу? — спросил он.

— Нет. Но сегодня после обеда меня ждут в одном месте, а завтра в другом.

— А какого рода работу ты, собственно говоря, ищешь?

— О, какую угодно, лишь бы платили деньги. Цветы стоят очень дорого.

— Да, — сказал Шик.

— Кстати, а как твоя работа?

— Меня заменял один тип, потому что я был занят другими делами…

— Начальство не возражало? — спросил Колен.

— Нет, все шло хорошо, он оказался весьма компетентен.

— Ну и что?

— Когда я решил вновь приступить к работе, они сказали, что мой заместитель их вполне устраивает, ну а мне, если я захочу, они могут предложить другое место. Только вот платят там куда меньше…

— Твой дядя больше не будет давать тебе денег, — сказал Колен.

Он произнес эту фразу не в виде вопроса, а утвердительно, настолько это казалось ему очевидным.

— Я уже не смогу у него ничего попросить, — сказал Шик. — Он умер…

— Ты мне этого не говорил…

— Это неинтересно, — пробормотал Шик.

Николя принес явно давно не чищенную сковородку, на которой метались три черные сосиски.

— Придется их есть в таком виде, — сказал он, — я не могу с ними справиться, у них какая-то немыслимая живучесть. Азотной кислоты плеснул, видите, как они почернели, а все равно не сдохли.

Колену удалось пронзить вилкой, как острогой, одну из сосисок, она изогнулась в агонии и замерла.

— Одна готова, — сказал он. — Теперь валяй

ты, Шик.

— Попробую, но это не легко.

Поединок затянулся, и Шик заляпал жиром весь стол.

— Черт побери!

— Не имеет значения, — сказал Николя, — дереву жир полезен.

В конце концов Шику все же удалось схватить сосиску, а третью Николя унес на кухню.

— Не пойму, в чем тут дело. Но ведь раньше у вас все было не так, как сейчас?

— Нет, — признался Колен. — Все стало другим. И я ничего не могу поделать. Как проказа! Это началось с того дня, как я разменял последний инфлянк…

— Как, у тебя больше ничего нет?

— Почти, — ответил Колен. — Я заплатил вперед за санаторий в горах и за цветы, потому что мне ничего не надо, лишь бы спасти Хлою. Но и без того все идет как-то наперекосяк.

Шик доел сосиску.

— А теперь я тебе покажу наш коридор, — сказал Колен.

По обеим сторонам коридора в окна было видно по тусклому, бледному, испещренному темными пятнами солнцу. Нескольким тощим пучкам

лучей все же удавалось пробиться сквозь стекло, но, касаясь керамических плиток, прежде таких сверкающих, они разжижались и стекали на пол, оставляя за собой длинные влажные следы. От стен несло сыростью. Мышка с черными усиками сделала себе в углу гнездо на сваях. Она уже не могла, как прежде, играть на полу золотыми лучами. Зарывшись в ворох крошечных лоскутков, она вся тряслась, а ее длинные усы слиплись от сырости. Некоторое время ей, правда, удавалось понемногу отскребать керамические плитки, чтобы они сверкали по-прежнему. Но работа эта была чрезмерной для ее маленьких лапок, и она, вконец выбившись из сил и дрожа мелкой дрожью, забилась в свой уголок.

— У вас, что, отопление не работает? — спросил Шик, поднимая воротник пиджака.

— Работает, — ответил Колен, — греет круглые сутки, да что толку. Вот именно тут, в этом коридоре, все и началось…

— Да-а, черт побери! — воскликнул Шик. — Надо пригласить инженера…

— Он был здесь и сразу после этого заболел.

— Ну и ну! Но это как-нибудь наладится.

— Не думаю, — сказал Колен. — Пошли, закончим обед вместе с Николя.

Они пошли на кухню. Она тоже уменьшилась. Николя, сидя за белым лакированным столом, рассеянно ел, читая книгу.

— Послушай, Николя… — начал Колен.

— Да… Я как раз собирался нести вам десерт.

— Не в том дело, — продолжал Колен, — мы его здесь съедим. Речь о другом… Скажи, Николя, ты не хотел бы, чтобы я тебя выгнал?

— Нет!

— А ведь это необходимо. Здесь ты опускаешься. За последнюю неделю ты постарел на десять лет.

— На семь, — уточнил Николя.

— Мне тяжело на тебя смотреть. Ты тут ни при чем, виновата атмосфера дома.

— А на тебя она не действует? — спросил Николя.

— Не сравнивай. Я должен вылечить Хлою, а все остальное мне совершенно безразлично. Кстати, как твой клуб?

— Я больше туда не хожу.

— Нет, так это продолжаться не может, — повторил Колен. — Трюизмы ищут повара. Я рекомендовал тебя. Скажи, ты согласен?

— Нет!

— И тем не менее ты туда поступишь.

— Это свинство с твоей стороны! — крикнул

Николя. — Я не крыса, чтобы бежать с корабля.

— Так надо, Николя, — сказал Колен. — Ты же знаешь, как мне это тяжело…

— Знаю, — сказал Николя. Он захлопнул книгу и уронил голову на сложенные на столе руки.

— Ты не должен на меня сердиться, — сказал Колен.

— А я и не сержусь, — пробурчал Николя и поднял голову. Он беззвучно плакал. — Я просто болван, — сказал он.

— Ты отличный парень, Николя, — сказал Колен.

— Нет, — сказал Николя. — Знаешь, я хотел бы затеряться, как иголка в стоге сена. И пахнет хорошо, и никто меня там не достанет…

XLIV

Колен поднялся по полутемной лестнице — свет едва пробивался сквозь витражи неоткрывающихся окон — и оказался на втором этаже. Прямо перед собой он увидел черную дверь, резко выделявшуюся на холодной, каменной стене. Он вошел, не позвонив, заполнил бланк и передал вахтеру, который, пробежав его трусцой, сделал из нее пыж, сунул в дуло пистолета с уже взведенным курком и тщательно прицелился в окошечко, прорезанное в соседней перегородке. Прикрыв левой рукой правое ухо, он нажал на спусковой крючок. Раздался выстрел. Затем он стал не спеша готовить пистолет для нового посетителя.

Колен стоя ждал, пока не зазвонил звонок, приказывающий вахтеру провести посетителя к директору.

Он шел следом за вахтером по длинному коридору, пол которого на поворотах имел наклоны, как на велосипедном треке. Стены на этих виражах оставались перпендикулярны полу, поэтому они нависали над головой, и Колену приходилось

почти бежать, чтобы не потерять равновесие. Так, не успев опомниться, он оказался перед директором. Он послушно уселся в норовистое кресло, которое взвилось под ним на дыбы и успокоилось только, повинуясь властному жесту хозяина.

— Ну, так что? — спросил директор.

— Вот, я пришел… — сказал Колен.

— Что вы умеете делать? — спросил директор.

— Я кое-чему учился… — сказал Колен.

— Иначе говоря, как вы проводите время? — спросил директор.

— Любимое мое занятие, — сказал Колен, — наводить тень на плетень.

— Почему? — спросил директор, понижая голос.

— Потому, что свет мне мешает.

— Гм… — пробурчал директор. — Знаете ли вы, кто нам нужен?

— Нет, — сказал Колен.

— Я тоже… — сказал директор. — Надо спросить у моего заместителя. Но похоже, что вы не годитесь на эту должность…

— Почему? — в свою очередь, спросил Колен.

— Не знаю, — сказал директор.

Он беспокойно поежился и чуть-чуть отстранился от Колена.

— Не приближайтесь ко мне!.. — поспешно выкрикнул он.

— Но... я же не двинулся с места... — сказал Колен.

— Да-да, — пробормотал директор, — все так говорят... А потом...

Он наклонился к столу, с опаской глядя на Колена, снял телефонную трубку и стал трясти аппарат.

— Алло!.. — закричал он. — Сюда, немедленно!..

Директор положил трубку, не спуская с Колена подозрительного взгляда.

— Сколько вам лет? — спросил он.

— Двадцать один, — сказал Колен.

— Так я и думал, — пробормотал его визави.

Раздался стук в дверь.

— Войдите! — крикнул директор, и лицо его впервые обрело спокойное выражение.

В кабинет вошел человек, насквозь пропитанный бумажной пылью, его вид не оставлял сомнения в том, что бронхи бедняги до самой диафрагмы плотно забиты целлюлозной массой. В руках он вертел ручку.

— Вы сломали кресло? — спросил директор.

— Да, — ответил заместитель и положил ручку

на стол. — Но его можно починить.

Он обернулся к Колену.

— Вы умеете чинить кресла?

— Наверное… — пробормотал Колен, несколько сбитый с толку. — Разве это так трудно?

— Я извел три тюбика канцелярского клея, но ничего не получилось.

— Вы заплатите мне за эти тюбики! — завопил директор. — Я вычту их стоимость из вашего жалованья…

— А я уже распорядился, чтобы эти деньги удержали из жалованья моей секретарши. Так что не волнуйтесь, шеф.

— Значит, — робко начал Колен, — вам нужен человек, чтобы чинить кресла?

— Вполне возможно, — сказал директор.

— Да и у меня что-то вылетело из головы, кто нам нужен, — сказал заместитель. — Но вы все равно не сможете починить кресла…

— Почему? — спросил Колен.

— Не сможете, и все тут, — сказал заместитель.

— Хотелось бы знать, почему вы так решили? — спросил директор у заместителя.

— В частности, потому, что данное кресло починить нельзя, а вообще-то потому, что он решительно не производит впечатление человека,

умеющего чинить кресла.

— Но, скажите, какое отношение имеет починка кресел к канцелярской работе? — спросил Колен.

— А вы что, позвольте вас спросить, на пол садитесь, когда занимаетесь канцелярской работой? — с издевкой спросил директор.

— Видать, усердием вы не грешите, — подлил масла в огонь заместитель.

— Я вам прямо скажу, молодой человек, безо всяких обиняков, — сказал директор, — вы просто лентяй!

— Вот именно… Лентяй… — подтвердил заместитель.

— А лентяя мы ни при каких обстоятельствах на работу не примем! — заключил директор.

— Тем более что у нас для лентяев никакой работы и нет, — сказал заместитель.

— Позвольте, но это же лишено всякой логики, — еще слабо отбивался Колен, хотя понимал, что он уже на крючке у этих крючкотворов.

— Это еще почему? — спросил директор.

— Потому что лентяю где бы ни работать, только не работать.

— Так вы что, намерены заменить здесь директора? — спросил заместитель.

При этом предположении директор громко расхохотался и воскликнул:

— Ну, он силен!..

Потом лицо его вновь помрачнело, и он еще дальше отодвинулся от Колена в своем кресле.

— Уведите его, — приказал он своему заместителю. — Понятно, почему он сюда явился… Ну, живо, живо!.. Проваливай, прощелыга! — вдруг завопил он.

Заместитель кинулся на Колена, но тот схватил ручку, лежавшую на столе.

— Только троньте меня! — сказал он и стал отступать к двери.

— Убирайся, чертово отродье!.. — кричал директор.

— А вы — старый осел!.. — сказал Колен и толкнул дверь.

Он швырнул ручку в сторону директорского стола и опрометью кинулся по коридору. Когда он пробегал мимо вахтера, тот выстрелил ему вслед из пистолета, и бумажная пулька прошибла в филенке входной двери дыру, контуром напоминающую череп.

XLV

— Не спорю, это превосходный предмет, — говорил антиквар, обходя вокруг пианоктейля.

— Он из клена птичий глаз, — сказал Колен.

— Вижу, — сказал антиквар. — Надо полагать, ваш инструмент и работает исправно.

— Я продаю все лучшее, что у меня есть, — сказал Колен.

— Наверно, вас это огорчает, — сказал антиквар и наклонился, чтобы получше разглядеть рисунок древесины.

Он сдул несколько пылинок, которые нарушали ровное сияние полировки.

— А не лучше ли было бы поступить вам на работу, зарабатывать деньги и сохранить эту вещь?

Колен вспомнил кабинет директора, пистолетный выстрел вахтера и ответил, что нет.

— Вы все равно к этому придете, — сказал антиквар, — когда вы все вконец распродадите.

— Если мои расходы перестанут увеличиваться… — начал Колен, подбирая слова, — если мои расходы не будут расти, то я смогу, загоняя вещи,

жить, не работая… Не очень хорошо, но жить.

— Вы не любите работать? — спросил антиквар.

— Работать ужасно, — сказал Колен. — Человек низводится до уровня машины.

— А ваши расходы все продолжают расти?

— Цветы стоят очень дорого. И пансион в горах тоже…

— Но может быть, она все-таки выздоровеет? — спросил антиквар.

— О! — воскликнул Колен, и лицо его осветилось счастливой улыбкой. — Как это было бы чудесно! — прошептал он.

— Но все же это не полностью исключено?

— Нет! Конечно!.. — сказал Колен.

— Это требует времени, — сказал антиквар.

— Да, — сказал Колен. — А солнце все уходит и уходит…

— Оно может вернуться, — сказал антиквар ободряюще.

— Не думаю, — сказал Колен. — Это глубинное явление.

Они помолчали.

— Он заряжен? — спросил антиквар, указывая на пианоктейль.

— Да, — сказал Колен. — Все резервуары за-

полнены.

— Я неплохо играю на рояле, — сказал антиквар. — Мы могли бы сейчас его испытать.

— Если вам угодно, — сказал Колен.

— Тогда я пойду принесу табурет, — сказал антиквар.

Они стояли посреди магазина, куда Колен привез свой пианоктейль. Вокруг них громоздились странные старинные вещи — кресла, стулья, консоли и прочая мебель. В помещении было темновато и пахло индийским воском и заспиртованными младенцами. Антиквар принес табуретку из кованого железного дерева и сел на нее. Потом он вынул из двери ключ, чтобы его журчание им не мешало.

— Вы помните что-нибудь из Дюка Эллингтона?

— Да, — сказал антиквар, — я сыграю вам «Blues of the Vagabond»{60}.

— На какую дозу мне его поставить? — спросил Колен. — Вы выпьете сразу три вариации?

— Выпью, — сказал антиквар.

— Хорошо, — сказал Колен. — В целом это будет около полулитра… Ну, у меня все готово.

{60} Комментарии: 2.60

«Blues of the Vagabond», или «Beggar's Blues» — «Блюз бродяги», композиция Дюка Эллингтона (1929).

— Отлично, — ответил антиквар и ударил по клавишам.

Туше у него было удивительно мягким, и звуки рассыпались в воздухе подобно жемчужинам кларнетного тремоло Барни Бигарда{61} в аранжировке Дюка.

Колен сел на пол, чтобы слушать. Он прислонился к пианоктейлю, и из глаз его покатились огромные дрожащие эллипсовидные слезы, которые, стремительно скользнув по одежде, падали на пыльный пол. Музыка проходила сквозь Колена, как сквозь фильтр, и, очистившись, становилась более похожей на эллингтоновскую «Хлою», нежели на «Блюз бродяги». Антиквар, играя, напевал себе под нос какой-то простой, как пастораль, мотивчик и покачивал из стороны в сторону головой, словно гремучая змея. Он сыграл три вариации и замолк. Колен был счастлив до глубины души, он сидел, не шевелясь, и чувствовал себя как до болезни Хлои.

— А что теперь надо делать? — спросил антиквар.

Колен поднялся, отодвинул шторку пианоктейля, и они взяли каждый по стакану, наполненно-

---

{61} Комментарии: 2.61

Бигард Барни — кларнетист в оркестре Дюка Эллингтона; в 30-е гг. считался лучшим джазовым кларнетистом.

му жидкостью с радужным отливом. Антиквар отпил первым и восхищенно поцокал языком.

— Ни дать ни взять, вкус блюза, — сказал он. — Причем именно этого! Ну, знаете ли, это просто обалденное изобретение!

— Да, — сказал Колен. — Пианоктейль отлично работал.

— Я вам дам хорошие деньги, не сомневайтесь!

— Буду очень рад, — сказал Колен. — А то все у меня сейчас как-то не в дугу.

— Так оно и получается, — сказал антиквар. — Не бывает, чтобы все всегда шло хорошо.

— Но могло бы не всегда быть плохо, — сказал Колен. — Хорошие минуты запоминаются лучше, чем плохие. К чему же тогда плохие?..

— А не сыграть ли «Misty Morning»{62}? — предложил антиквар. — Это вкусно?

— Потрясающе, — ответил Колен. — Перламутрово-серый и мятно-зеленый коктейль с легким привкусом перца и дыма.

Потом антиквар снова сел за пианоктейль и исполнил «Misty Morning». Они выпили его. Тогда

{62} Комментарии: 2.62

«Misty Morning» — «Утренний туман», композиция Дюка Эллингтона (1928); исполнялась с участием Б. Бигарда [broken link: #bigard] и Д. Ходжеса [broken link: #hodges].

он сыграл еще «Blues Bubbles»{63}, но на этом ему пришлось остановиться, потому что он стал одновременно играть два разных мотива, а Колен слышать зараз четыре различные мелодии. И тогда Колен бережно прикрыл крышку пианоктейля.

— Ну, что ж, — сказал антиквар, — перейдем теперь к делу.

— Давайте, — сказал Колен.

— Ваш пианоктейль — грандиозная штука. Я предлагаю за него три тысячи инфлянков.

— Нет, — сказал Колен, — это слишком много.

— А я настаиваю на этой сумме, — сказал антиквар.

— Это же бред собачий!.. Я не согласен. Больше двух тысяч ни за что не возьму.

— Тогда, — сказал антиквар, — увозите его назад.

— Нет, я не стану продавать его вам за три тысячи! — сказал Колен. — Я не хочу вас грабить.

— Грабить! — вскричал антиквар. — Да я могу тут же загнать его за четыре «косых»...

— Вы прекрасно знаете, что не будете его загонять.

{63} Комментарии: 2.63

«Blues Bubbles» — несколько искаженное название композиции Дюка Эллингтона «Голубые пузыри» («Blue bubbles», 1927).

— Само собой, — подтвердил антиквар. — Давайте ни по-вашему, ни по-моему: две с половиной, и по рукам.

— Идет, — сказал Колен.

— Вот, держите, — сказал антиквар.

Колен взял деньги и старательно упрятал их в бумажник. Он слегка пошатывался.

— Что-то я не твердо стою на ногах, — сказал он.

— Естественно, — сказал антиквар. — Заходите ко мне иногда послушать стаканчик-другой.

— Непременно, — сказал Колен. — А теперь мне пора идти, а то Николя будет ругаться.

— Я провожу вас немного, — сказал антиквар. — Мне все равно нужно кое-что купить.

— Вы очень любезны, — сказал Колен.

Они вышли на улицу. Сине-голубое небо почти касалось мостовой, и там, где облака плюхались на землю, оставались большие белые пятна.

— Была гроза, — сказал антиквар.

Они прошли вместе несколько метров, потом спутник Колена остановился перед универсальным магазином.

— Подождите меня минуточку, я сейчас, — сказал он.

Антиквар вошел в магазин. Сквозь ветровое

стекло Колен видел, как он выбрал какую-то штуку и внимательно разглядел ее, прежде чем положить в карман.

— Вот и я, — сказал он, прикрывая за собой дверь магазина.

— Что вы купили? — спросил Колен.

— Ватерпас, — ответил антиквар. — Как только я вернусь домой, я исполню подряд весь свой репертуар, а потом мне все же придется выйти по делам…

XLVI

Николя мрачно глядел на плиту. Он сидел перед ней на табуретке с кочергой и паяльной лампой в руках и обследовал ее нутро. Конфорки постепенно становились какими-то дряблыми, а стенки из листового железа — мягкими, напоминая по плотности тоненькие ломтики швейцарского сыра. Услышав шаги Колена в коридоре, Николя выпрямился. Он чувствовал себя очень усталым. Колен толкнул дверь и вошел в кухню. Вид у него был довольный.

— Ну как, — спросил Николя, — удачно?

— Да, я его продал, — ответил Колен, — за две с половиной тысячи.

— Две с половиной тысячи инфлянков?

— Да.

— Колоссально!..

— Я тоже на это не надеялся. Что, изучаешь плиту?

— Ага. Она на глазах превращается в дровяную печь, и я, черт побери, ума не приложу, чтобы это значило.

— Очень странно, — согласился Колен. — Впро-

чем, не более чем все остальное. Ты заметил, что происходит с коридором?

— Да, кафель там превращается в дерево.

— Повторяю еще раз, — сказал Колен, — я не хочу, чтобы ты оставался здесь.

— Пришло письмо, — сказал Николя.

— От Хлои?

— Да. Оно на столе.

Распечатывая конверт, Колен услышал нежный голос Хлои, и, чтобы прочесть письмо, ему надо было только слушать. Вот что она писала:

«Колен, дорогой мой,

я чувствую себя хорошо. Погода здесь прекрасная. Единственно, что неприятно, это снежные кроты — зверьки, которые живут под снегом. У них рыжий мех, и они громко воют по вечерам. Они нагребают сугробы, о которые то и дело спотыкаешься. Солнце сияет вовсю, и я скоро вернусь».

— Это добрая весть, — сказал Колен. — Да, так вот, ты должен перебраться к Трюизмам.

— Нет, — сказал Николя.

— Не нет, а да. Им нужен повар, а я не хочу, чтобы ты тут оставался. Ты стареешь день ото дня. Повторяю, я подписал за тебя контракт.

— А как же мышка? — спросил Николя. — Кто

будет ее кормить?

— Я займусь ею сам.

— Это невозможно. И я сразу стану чужим для вас.

— Да нет же! Но тебя давит атмосфера нашего дома. Никто, кроме меня, не может ее вынести.

— Ты все твердишь одно и то же, а что толку?

— Не в этом дело.

Николя встал и потянулся. Вид у него был печальный.

— Ты больше не готовишь по рецептам Гуффе, — продолжал Колен. — Ты запустил кухню и на все махнул рукой.

— Ничего подобного, — запротестовал Николя.

— Дай мне договорить. Ты больше не надеваешь выходной костюм по воскресеньям и не бреешься каждое утро.

— Ну, это не преступление.

— Нет, преступление. Я не могу тебе платить столько, сколько ты стоишь. Правда, теперь ты уже и стоишь меньше, и это отчасти по моей вине.

— Чепуха, — сказал Николя. — Ты же не виноват, что у тебя начались неприятности.

— Нет, виноват, — возразил Николя. — Это случилось потому, что я женился, и потому, что…

— Глупости. А кто будет стряпать?

— Я, — сказал Колен.

— Но ты же пойдешь работать!.. У тебя не будет времени.

— Нет, я не пойду работать. Я ведь продал пианоктейль за две с половиной тысячи инфлянков.

— Крупное достижение, — усмехнулся Николя.

— Так или иначе, но ты отправишься к Трюизмам.

— До чего же ты мне надоел! — воскликнул Николя. — Ладно, я уйду, но с твоей стороны это свинство.

— К тебе вернутся хорошие манеры…

— Да ты только и делал, что ругал меня за хорошие манеры!..

— Верно, потому что в моем доме они были ни к чему!

— До чего же ты мне надоел, — сказал Николя. — До смерти надоел!

XLVII

Колен услышал стук и поспешил открыть дверь. На одном его шлепанце зияла здоровенная дыра, поэтому он спрятал ногу под коврик.

— Высоко вы живете, — сказал, входя, профессор д'Эрьмо. Он никак не мог отдышаться.

— Здравствуйте, доктор.

Колен покраснел от смущения, потому что ему пришлось вытащить ногу из-под коврика.

— Вы сменили квартиру? Прежде вы жили куда ближе.

— Нет, это та же квартира.

— Нет, не та же, — сказал профессор. — Шутить, молодой человек, надо с серьезным видом и более остроумно.

— Да? Вероятно.

— Ну, как дела? Как наша больная? — спросил профессор.

— Ей лучше, — ответил Колен. — И выглядит она лучше, и болей больше нет.

— Гм… Это весьма подозрительно.

В сопровождении Колена профессор направился в комнату Хлои. Ему пришлось наклонить

голову, чтобы не стукнуться лбом о притолоку, но как раз в этот момент притолока прогнулась, и профессор громко выругался. Хлоя лежала в постели, она расхохоталась, глядя на эту сцену.

Комната сильно уменьшилась в размерах. Ковер тут, в отличие от ковров в других комнатах, заметно утолщился, и кровать стояла теперь в небольшой нише, обрамленной атласными занавесками. Широкое окно во всю стену было уже окончательно разделено выросшим каменным перекрестьем на четыре квадратных оконца, сквозь которые сочился сероватый, но не тусклый свет. В комнате было тепло.

— Вы все еще будете меня убеждать, что не поменяли квартиру? Да? — спросил д'Эрьмо.

— Клянусь вам, доктор… — начал было Колен, но умолк, потому что поймал на себе встревоженный и подозрительный взгляд профессора.

— …Я пошутил, — закончил он со смехом.

Д'Эрьмо подошел к кровати.

— Что ж, раздевайтесь, я вас послушаю.

Хлоя распахнула пуховую накидку.

— А-а, они вас там соперировали… — произнес д'Эрьмо.

— Да, — ответила Хлоя.

Под правой грудью у нее виднелся аккуратный

круглый шрамик.

— Они извлекли нимфею, когда она завяла? — спросил профессор. — Стебель был длинный?

— Кажется, с метр. И большой цветок двадцати сантиметров в диаметре.

— Препротивная штуковина, — пробормотал профессор. — Вам не повезло. Они редко вырастают до таких размеров.

— Ее убили другие цветы. Особенно подействовал на нее цветок ванили, который они поставили рядом со мной в последние дни.

— Странно, — удивился д'Эрьмо, — никогда бы не подумал, что цветок ванили может оказать такое действие. Я рекомендовал бы скорее можжевельник или акацию. В медицине, знаете ли, сам черт ногу сломит, — заключил он.

— Наверное, — согласилась Хлоя.

Профессор прослушал ее, затем выпрямился и сказал:

— Все в порядке. Конечно, следы остались…

— Да? — переспросила Хлоя.

— Да, — подтвердил профессор. — Одно легкое у вас теперь полностью выключено, или почти полностью.

— Это меня не беспокоит, раз другое работает!

— Если что-нибудь случится с другим легким,

то это будет весьма неприятно для вашего мужа.

— А для меня?

— Для вас уже нет, — ответил профессор и встал. — Я не хочу пугать вас понапрасну, но будьте осторожны.

— Я буду осторожна, — сказала Хлоя.

Зрачки ее расширились, и она растерянно провела ладонью по волосам.

— Но как я могу быть уверенной, что я больше ничего не подхвачу? — спросила Хлоя чуть не плача.

— Да вы, деточка, не волнуйтесь, — успокоил ее профессор. — Ведь нет никаких оснований полагать, что вы что-нибудь подхватите.

Д'Эрьмо огляделся по сторонам.

— Ваша первая квартира мне больше нравилась. В ней царил какой-то более здоровый дух.

— Да, — сказал Колен, — но это не по нашей вине…

— А чем вы вообще-то занимаетесь?

— Учусь жить, — ответил Колен. — И люблю Хлою.

— Значит, вы ничего не зарабатываете?

— Нет. У меня нет работы в обычном смысле этого слова.

— Да, — пробормотал профессор, — работа —

вещь отвратительная, я это отлично знаю, но то, что делаешь для своего удовольствия, не может приносить дохода, поскольку… — Он умолк. — В прошлый раз, — заговорил он снова, — вы продемонстрировали мне аппарат, который составлял удивительные смеси. Надеюсь, он все еще у вас?

— Нет, я его продал. Но угостить вас вином я все же могу.

Д'Эрьмо заложил за воротник своей желтой сорочки пальцы и почесал кадык.

— Следую за вами, — сказал он. — До свиданья, милая дама.

— До свиданья, доктор, — ответила Хлоя.

Она вжалась в постель и натянула одеяло под подбородок. Ее лицо, оттененное простынями цвета лаванды, было светлым и нежным.

XLVIII

Шик прошел через подземную проходную и пробил свою карточку в автоматических табельных часах. Как и всегда, он споткнулся о порог металлической двери коридора, ведущего в цех. Клубы пара и какого-то черного дыма ударили ему в лицо. Различные звуки тут же обрушились на него: глухое гуденье турбогенераторов, скрежет мостовых кранов, катящихся под потолком по перекрестьям рельсов, дребезжание кровельного железа от перемещения воздушных масс в атмосфере. Коридор был темный, освещаемый через каждые шесть метров электрическими лампочками, красноватый свет которых лениво скользил по гладким предметам и застревал на шероховатостях стен и пола. Раскаленный металлический пол у него под ногами был весь во вмятинах, а местами пробит насквозь. В эти дыры виднелись пламенеющие жерла черных каменных печей на нижнем этаже. Над его головой по толстым трубам, выкрашенным в красный и серый цвета, с бульканьем текли какие-то жидкости, и при каждом ударе механического сердца,

давление которого поддерживали специальные операторы, балки, несущие кровлю, с небольшим опозданием прогибались и ощутимо вибрировали. На стенах образовывались капли, и иногда, при самых сильных ударах, они срывались и падали Шику за воротник, отчего он всякий раз вздрагивал. Капли эти были бесцветные и пахли озоном. Коридор в конце концов повернул, и тогда сквозь щели в полу стали видны станки цеха.

Внизу, перед приземистыми автоматами{64}, рабочие выбивались из сил, чтобы вовремя извернуться и не угодить в шестерни зубчатых передач, так и норовящих растерзать их в клочья. На правой ноге каждого на них было надето тяжелое кольцо из кованого железа, и его снимали лишь два раза в день, в обед и вечером. Рабочие эти собирали детали, которые автоматы выбрасывали через узкие отверстия. Если замешкаться хоть на секунду, детали снова падали в разверстые жерла станков, где в глубине вращалось великое множество зубчатых колес.

{64} Комментарии: 2.64

Внизу, перед приземистыми автоматами… — В качестве возможного источника этой сцены называют, в частности, фильмы Чарли Чаплина «Новые времена» (1935) и Фрица Ланга «Метрополис» (1926). В ней нашел отражение и личный опыт Виана, инженера по образованию.

Станки были самых разных калибров, и Шик давно привык к этому зрелищу. Его конторка находилась в глубине цеха, оттуда ему надлежало следить за бесперебойной работой всех механизмов и помогать наладчикам снова пускать в ход автоматы, которые останавливались, если вырывали у рабочих куски мяса.

Для очистки воздуха в производственных помещениях распыляли тонкие струи бензина, которые притягивали к себе пары кипящего масла и мелкую металлическую стружку, вздымавшуюся темными столбами над каждым автоматом. Шик поднял голову, трубы по-прежнему тянулись за ним следом. Он дошел до клети лифта, шагнул на платформу и затворил за собою дверцу. Там он вытащил из кармана томик Партра, нажал кнопку и, пока клеть опускалась, углубился в чтение.

Глухой удар платформы о пружину амортизатора вывел его из забытья. Он вышел и направился в свою конторку — застекленную, слабо освещенную выгородку. Сел, снова раскрыл книжку и снова углубился в чтение, убаюканный равномерным бульканьем жидкостей в трубах и потрескиванием автоматических станков.

Возникшее вдруг изменение в привычном гуле работающего цеха заставило его поднять глаза.

Он обвел взглядом цех. Одна из струй бензина внезапно потеряла упругость и провисла посреди помещения, словно ее рассекли надвое. Станки, которые она перестала обслуживать, тут же затряслись. Шику издали было хорошо видно, как судорожно задергались шестерни и как перед каждым из автоматов медленно оседали фигуры рабочих. Шик отложил книгу и опрометью кинулся из конторки. Он подбежал к пульту управления струями бензина и торопливо дернул за рычаг. Разорванная струя так и осталась неподвижной. Она висела, похожая на полотно косы, а над четырьмя станками клубились черные дымы. Шик помчался к станкам. Они медленно останавливались. Обслуживающие их рабочие валялись на полу. У каждого из них правая нога из-за железного кольца была согнута под странным углом, а кисть правой руки оторвана. Кровь дымилась, капая на раскаленный металл цепи, и в воздухе распространялся чудовищный запах живого обугленного мяса.

Шик разомкнул при помощи своего ключа ножные кольца и разложил искалеченных рабочих на полу, перед станками. Затем он вернулся в конторку, вызвал по телефону дежурных санитаров и снова кинулся к пульту. Он еще раз попытался

пустить струю бензина. Но ничего не получилось. Поначалу струя била в нужном направлении, но, дойдя до четвертого станка, бесследно исчезала, словно ее обрубили топором, и даже был виден срез струи.

С досадой ощупывая в кармане вожделенную книжку Партра, Шик направился в Центральное управление. Выходя из цеха, он прижался к стене, чтобы пропустить санитаров, которые, уложив тела пострадавших на электрокар, везли их в Генеральный коллектор.

Шик шел теперь по другому коридору. Он видел, как умчавшийся далеко вперед санитарный электрокар с тихим урчаньем повернул и как при этом над его задней осью выбилось несколько белых искр. Потолок, низко нависавший над головой, гулко отражал стук его шагов по металлическому полу. Коридор был не горизонтальный, а подымался под небольшим углом вверх. Чтобы попасть в Центральное управление, надо было миновать три других цеха, и Шик шел не спеша, рассеянно поглядывая по сторонам. Наконец он добрался до главного корпуса и поднялся в приемную начальника отдела кадров.

— На номерах семьсот девять, десять, одиннадцать и двенадцать произошла авария, — со-

общил Шик выглянувшей из окошечка секретарше. — Эти четыре машины надо заменить и послать туда четырех новых рабочих. Я могу поговорить с начальником отдела кадров?

Секретарша нажала какие-то пестрые кнопки на полированной панели из красного дерева и сказала:

— Идите, он вас ждет.

Шик вошел в кабинет и сел на стул. Начальник устремил на него вопрошающий взгляд.

— Мне нужно четверо рабочих.

— Хорошо, — сказал начальник отдела кадров. — Завтра вы их получите.

— Одна из очистительных струй отказала, — добавил Шик.

— Это меня не касается. Обратитесь в соседний кабинет.

Шик вышел. И, прежде чем попасть в кабинет начальника материального обеспечения, ему пришлось выполнить те же формальности.

— Одна из очистительных струй семисотого цеха отказала, — доложил он.

— Совсем?

— Струя не доходит до конца, — уточнил Шик.

— И вам не удалось ее наладить?

— Нет, ничего не вышло.

— Я прикажу проинспектировать ваш цех, — произнес начальник материального обеспечения.

— Я не выполню сменного задания. Прошу вас поспешить.

— Это меня не касается, — ответил начальник материального обеспечения. — Обратитесь к начальнику производства.

Шик отправился в соседний корпус и вошел к начальнику производства. Тот сидел за слишком ярко освещенным столом, а позади него, на стене, висел большой экран из матового стекла, по которому медленно, словно гусеница по капустному листу, ползла красная линия; стрелки больших круглых шкал в хромированных ободках, расположенных на этом же экране, перемещались еще медленнее.

— Производительность вашего цеха понизилась на ноль целых семь десятых процента, — сказал начальник производства. — Что случилось?

— Четыре машины вышли из строя, — объяснил Шик.

— При снижении производительности до ноль целых восемь десятых процента вас уволят.

Начальник производства проверил показатель на шкале, сделав пол-оборота на своем вертящем-

ся никелированном кресле.

— У вас уже семьдесят восемь сотых процента, — уточнил он. — На вашем месте я готовился бы к уходу.

— У меня это случается впервые, — сказал Шик.

— Весьма сожалею. Быть может, нам удастся перевести вас…

— Я на этом не настаиваю. Да и вообще я не дорожу работой. Я, видите ли, не люблю работать.

— Никто не имеет права произносить это вслух, — одернул его начальник производства и добавил: — Вы уволены.

— Ведь авария произошла не по моей вине. Где справедливость?

— Понятия не имею, что это такое, — произнес начальник производства. — Извините, но у меня много работы.

Шик вышел из кабинета. Он вернулся к начальнику отдела кадров.

— Я могу получить свою зарплату?

— Ваш номер? — спросил начальник.

— Цех семьсот, инженер.

Начальник отдела кадров обернулся к секретарше и сказал:

— Оформите… Алло!.. — крикнул он в теле-

фонную трубку. — Пришлите одного сменного инженера, специальность пятая, цех семьсот.

— Вот. — Секретарша протянула Шику конверт. — Здесь сто десять инфлянков.

— Спасибо, — сказал Шик и ушел.

По дороге он повстречал инженера, который должен был его сменить, худого молодого блондина с усталым лицом. Шик направился к ближайшему лифту и вошел в кабину.

XLIX

— Войдите! — крикнул звукотокарь. Он поднял глаза на дверь. Там стоял Шик.

— Здравствуйте, — сказал Шик. — Я пришел за теми записями, помните, которые я вам приносил.

— Как же, помню, помню. За тридцать сторон, учитывая изготовление специальных приспособлений и гравирование пантографом двадцати нумерованных экземпляров, с вас причитается сто восемь инфлянков. Но я возьму с вас всего сто пять.

— Хорошо, — сказал Шик. — Вот у меня чек на сто десять инфлянков. Я перепишу его на наше имя, а вы мне вернете пятерку.

— Идет! — сказал звукотокарь. Он выдвинул ящик и протянул Шику новенькую купюру в пять инфлянков.

Глаза Шика погасли.

L

Исида вышла из машины, которую вел Николя. Он посмотрел на часы, а потом проводил взглядом девушку, пока она не исчезла в подъезде дома, где жили Колен и Хлоя. На Николя была новая, с иголочки, форма из белого габардина, а на голове белая кожаная фуражка. Он выглядел помолодевшим, но тревога в глазах выдавала его глубокое душевное смятение.

На этаже, где жил Колен, лестница внезапно становилась настолько узкой, что Исида, хотя она и прижимала руки к телу, касалась одновременно и перил, и холодной стены. От ковра остался лишь легкий пух, едва прикрывающий деревянные ступени. Дойдя до двери, она перевела дух и позвонила.

Никто не открыл. Ни звука не было слышно на лестнице, кроме время от времени тихого поскрипывания дерева да влажного почмокивания распрямляющейся ступени.

Исида снова нажала кнопку звонка. Она почувствовала, как по ту сторону двери вздрогнул стальной молоточек, касаясь металлической

чашечки. Она слегка тронула дверь, и та вдруг распахнулась.

Исида вошла и споткнулась о Колена. Он лежал на боку, уткнувшись лицом в пол и простерев вперед руки. Глаза его были закрыты. В передней было темно. Свет нимбом собрался вокруг окна, но почему-то не проникал в помещение. Колен равномерно дышал. Он спал.

Исида опустилась на колени и погладила его по щеке. Его кожа чуть вздрогнула, а под веками шевельнулись глазные яблоки. Колен взглянул на Исиду и как будто снова погрузился в сон. Исида тронула его за плечо и слегка потрясла. Он сел, провел пальцами по пересохшим губам и сказал:

— Я спал.

— Да. Ты теперь не ложишься в постель? — спросила Исида.

— Нет. Я ждал здесь доктора, чтобы потом сразу же пойти за цветами.

Вид у него был совершенно растерянный.

— Что случилось? — спросила Исида.

— Хлоя… — ответил Колен. — Она снова кашляет.

— Это, наверное, раздражение, которое еще не совсем прошло.

— Нет, — сказал Колен. — Это другое легкое.

Исида вскочила и кинулась в комнату Хлои. Она бежала, разбрызгивая паркет в разные стороны. Комната была неузнаваема. Хлоя лежала на кровати, ее голова утопала в подушке, она кашляла почти беззвучно, но безостановочно. Услышав, что вошла Исида, Хлоя слегка приподнялась и перевела дух. Она слабо улыбнулась, когда Исида села к ней на кровать, и обняла ее так бережно, как больного младенца.

— Не кашляй, Хлоя, милая, — прошептала Исида.

— Какой у тебя красивый цветок, — произнесла Хлоя, жадно вдыхая аромат большой красной гвоздики, вколотой в волосы Исиды. — Сразу стало легче! — добавила она.

— Ты еще больна? — спросила Исида.

— Я думаю, это другое легкое.

— Да что ты! — воскликнула Исида. — Это все то же, просто остался еще небольшой кашель.

— Нет, — сказала Хлоя. — Где Колен? Он пошел за цветами?

— Он скоро придет. Я его встретила. У него есть деньги?

— Еще немного осталось. Да что толку, сделать все равно ничего нельзя!..

— Тебе больно?

— Да. Но не очень… Моя комната изменилась, ты видишь?

— Так мне больше нравится. Прежде она была слишком большой.

— А как выглядят другие комнаты? — спросила Хлоя.

— Ну… Совсем неплохо, — уклончиво ответила Исида.

В ней еще жило жуткое ощущение от прикосновения к паркету, холодному и зыбкому, как болото.

— Меня не трогает, что все вокруг меняется, — сказала Хлоя. — Лишь бы здесь было тепло и удобно…

— Конечно, — подхватила Исида, — маленькая квартира куда уютней.

— Мышка теперь от меня не отходит. Видишь, вон она там в углу. Не знаю, что она тут делает, но в коридор она больше не желает выходить.

— Вот как, — сказала Исида.

— Дай мне еще понюхать твою гвоздику, — сказала Хлоя. — Мне от нее легче.

Исида вынула цветок из волос и протянула его Хлое, которая поднесла гвоздику к лицу, порывисто и глубоко вдыхая ее аромат.

— Как поживает Николя? — спросила она.

— Хорошо, — ответила Исида. — Только он не такой веселый, как прежде. Я принесу тебе еще цветы, когда приду снова.

— Николя мне всегда нравился. Ты не выйдешь за него замуж?

— Не могу, — прошептала Исида. — Я его недостойна.

— Это не имеет значения, — сказала Хлоя. — Если он тебя любит…

— Мои родители не смеют с ним об этом говорить. Ой!..

Гвоздика вдруг поблекла, увяла, засохла на глазах и тонкой пылью осыпалась Хлое на грудь.

— Ой! — вырвалось теперь и у Хлои. — Я сейчас опять начну кашлять… Ты видела!..

Она умолкла, чтобы прикрыть ладонью рот. Тяжелый приступ кашля снова сотрясал ее.

— Это… то, что во мне сидит… убивает цветы… — бормотала она.

— Не говори со мной, — сказала Исида. — И не огорчайся, бог с ней, с этой гвоздикой. Колен принесет сейчас новые цветы.

Воздух в комнате был синий, а по углам зеленоватый. Следов сырости пока еще не замечалось, и ворс у ковра оставался пушистым, но сквозь одно из четырех квадратных окон свет уже почти не

пробивался.

Из прихожей до них донеслись хлюпающие шаги Колена.

— Вот он, — сказала Исида. — Он наверняка принес тебе цветы.

В комнату вошел Колен с большой охапкой сирени.

— Вот, Хлоя, возьми!..

Хлоя протянула руки.

— Какой ты милый, мой дорогой!

Она положила букет на другую подушку и уткнулась лицом в сладчайшие белые грозди.

Исида встала.

— Ты уходишь? — спросил Колен.

— Да, меня ждут. Я скоро еще приду и привесу цветы.

— Было бы хорошо, если бы смогла прийти завтра утром, — попросил Колен. — Я должен искать работу, но мне не хотелось бы оставлять Хлою одну до прихода доктора.

— Договорились, — сказала Исида.

Она слегка наклонилась и осторожно поцеловала Хлою в нежную щеку. Хлоя подняла руку и погладила Исиду по лицу, но головы не повернула. Она жадно вдыхала запах сирени, который в виде облака медленно витал вокруг ее блестящих

волос.

LI

Колен понуро шагал по дороге. Она сворачивала в лощину между увенчанными стеклянными куполами насыпными холмами, тускло поблескивавшими в свете дня.

Время от времени он поднимал голову и читал надписи на указателях, чтобы удостовериться, что не сбился с пути, и тогда видел небо, исчерченное грязно-коричневыми и синими полосами.

Далеко впереди из-за склона поднималась шеренга труб главной теплицы.

В кармине у него лежала газета с объявлением, что требуются мужчины в возрасте от двадцати до тридцати лет для работы на оборону. Колен старался идти как можно быстрее, но ноги его увязали в горячей земле, которая медленно, но неумолимо вновь завладевала территорией, где теперь были воздвигнуты строения и проложены дороги.

Растительности вокруг не было никакой. Куда ни глянь — повсюду чернела земля. Спрессованная в блоки, наспех наваленные вдоль обочин, она образовывала насыпи, которые, однако,

были столь непрочными, что время от времени большие массы земли, вдруг колыхнувшись, медленно оползали, заваливая проезжую часть дороги.

Кое-где высота этих насыпей уменьшалась, и тогда Колен видел купола, сквозь мутные стекла которых различал какие-то темно-синие тени, двигающиеся на более светлом фоне.

Он прибавил ходу, с трудом вырывая ноги из ямок, которые проминал. Но рыхлая земля тут же выравнивалась, словно эластичная мышца, и на поверхности ее оставались лишь едва приметные следы, которые тоже мгновенно исчезали.

Трубы заметно приблизились. Колен чувствовал, что сердце его в грудной клетке бьется, как взбесившийся зверь. Сквозь материю кармана он комкал пальцами сложенную газету.

Он то и дело спотыкался на скользком грунте, но ноги увязали меньше — почва заметно твердела. Наконец он поравнялся с первой трубой, торчащей, как вбитая в землю свая. Черные птицы вились вокруг ее горловины, из которой тянулась тоненькая струйка зеленого дыма. У основания труба, сохраняя круглую форму, сильно расширялась, что обеспечивало ее устойчивость. Чуть поодаль тянулась цепь каких-то строений.

Дверь была одна.

Колен вошел, поскреб подметки о решетку из блестящих острых лезвий и двинулся по низкому коридору, освещенному с двух сторон цепью ламп с пульсирующим светом. Пол и стены коридора были выложены красным кирпичом, а в верхней части стен, равно как и в потолке, были пробиты окошки, прикрытые стеклянными пластинами в несколько сантиметров толщиной, сквозь которые виднелось что-то темное и неподвижное. В конце коридора находилась дверь. На ней табличка с номером, указанным в газете, и Колен вошел, не постучав, как и было оговорено в объявлении.

За письменным столом сидел старик в белом халате и читал учебник. Волосы у старика были всклокочены. На стене висели различные виды оружия, сверкающие бинокли, огнестрельные ружья, смертометы различных калибров и полный набор сердцедеров всех размеров.

— Здравствуйте, месье, — сказал Колен.

— Здравствуйте, месье, — ответил старик.

Голос у него был надтреснутый и хриплый от старости.

— Я пришел по объявлению.

— Вот как! — удивился старик. — Уже целый ме-

сяц как печатают эти объявления, но без всяких результатов. Работа здесь, знаете ли, нелегкая…

— Знаю, — сказал Колен. — Но за нее хорошо платят.

— Бог ты мой! — воскликнул старик. — Наша работа, видите ли, выжмет вас в два счета, и вряд ли эти деньги стоят того… Впрочем, не мне оговаривать нашу администрацию. К тому же я еще жив, как видите…

— А вы давно тут работаете? — спросил Колен.

— Год. Мне двадцать девять лет.

И он провел дрожащей морщинистой рукой по испещренному глубокими складками лбу.

— Теперь, как видите, я уже достиг какого-то положения. Теперь я могу целый день сидеть за столом и читать учебник…

— Мне нужны деньги, — сказал Колен.

— Весьма распространенный случай. Но эта работа настроит вас на философский лад. Месяца через три вам уже меньше будут нужны деньги.

— Мне нужны деньги, чтобы лечить жену.

— Ах, вот что…

— Она больна, — объяснил Колен. — А вообще-то я не люблю работать.

— Сочувствую вам. Когда женщина больна, она уже ни на что не годится.

— Я ее люблю.

— Разумеется, иначе вы не пришли бы сюда наниматься. Сейчас я отведу вас на ваше рабочее место. Это этажом ниже.

Он провел Колена по стерильно-чистым переходам с низкими сводами, потом по лестнице из красного кирпича до одной из дверей в ряду других дверей, отмеченной условным знаком.

— Вот мы и пришли, — сказал он Колену. — Входите, я расскажу вам, в чем будет заключаться ваша работа.

Колен переступил порог. Комната была маленькая, квадратная. Стены и пол были из стекла. На полу лежал спрессованный из земли блок в форме гроба высотой в метр, не меньше. Рядом лежало толстое свернутое грубошерстное одеяло. Никакой мебели там не было. В маленькой нише в стене стоял небольшой сундучок из синего железа. Сопровождающий Колена всклокоченный человек подошел к сундучку, откинул крышку и вынул оттуда двенадцать маленьких отполированных металлических цилиндров с просверленными по центру крошечными отверстиями.

— Эта земля стерильная, — пояснил он. — Сами знаете, что это значит. Для укрепления обороны

страны требуются материалы наивысшего качества. Чтобы стволы винтовок росли правильно, без искривления, им необходимо тепло человеческого тела, это уже давно установлено. Впрочем, это относится вообще к любому виду оружия.

— Ясно, — сказал Колен.

— Вы выкопаете в земле двенадцать лунок. Затем воткнете в каждую по стальному цилиндру, разденетесь догола и ляжете на них ничком, так, чтобы они пришлись вам между сердцем и печенью. Сверху вы накроетесь вот этим шерстяным стерильным одеялом и проследите за тем, чтобы отдавать свое тепло равномерно.

У него вырвался надтреснутый смешок, и он похлопал себя по правому боку.

— Первые двадцать дней каждого месяца я высиживал по четырнадцать стволов. О!.. Я был очень сильный!..

— Ну, а что дальше? — спросил Колен.

— Дальше вы пролежите так двадцать четыре часа, и за это время стволы вырастут. За ними придут. Потом землю польют маслом, и вы начнете все сначала.

— Они растут вниз?

— Да. Снизу их подсвечивают, — объяснил провожатый. — У них положительный фототропизм,

но растут они вниз, а не вверх, потому что намного тяжелее земли. Вот их и подсвечивают снизу, чтобы избежать искривлений.

— А резьба?

— Данный сорт вырастает уже с готовой резьбой. Семена выведены селекционным путем.

— А трубы для чего?

— Для вентиляции и для сохранения стерильности одеял, да и вообще теплиц. Специальных мер предосторожности применять не надо, за этим и так очень бдительно следят.

— А с искусственным прогревом не получается?

— Плохо. Для хорошего роста им необходимо человеческое тепло.

— А женщин вы нанимаете? — поинтересовался Колен.

— Нет, они не пригодны для этой работы, у них недостаточно плоская грудь, чтобы равномерно распределять тепло. Ну, не буду вам больше мешать. Приступайте к работе.

— Я действительно буду получать по десять инфлянков в день?

— Конечно. И сверх того премию, если вам удастся вырастить за раз больше дюжины стволов...

Провожатый вышел из теплицы и затворил за собой дверь. Колен сжимал в горсти двенадцать стальных зерен. Он положил их на пол и начал раздеваться. Глаза у него были закрыты, а губы то и дело вздрагивали.

LII

— Не понимаю, что происходит, — сказал приемщик. — Сперва ведь все было в порядке. Но вашу последнюю продукцию можно будет использовать только для особого вида оружия.

— Но вы мне все же заплатите? — с тревогой спросил Колен.

Он должен был получить семьдесят инфлянков плюс десять инфлянков премиальных. Он старался как мог, но контролер обнаружил в выращенных им стволах явные отклонения от стандарта.

— Поглядите сами, — сказал приемщик, взял один из стволов и показал Колену его деформированный конец.

— Ума не приложу, — сказал Колен. — Мои первые стволы были абсолютно цилиндрическими.

— Конечно, они могут пойти на производство гранатометов, но эта модель была в ходу еще пять войн тому назад, и к тому же у нас ими забит склад. Это очень досадно.

— Я старался, как мог!..

— Не сомневаюсь. Я заплачу вам ваши восемь-

десят инфлянков.

Приемщик вынул из ящика стола запечатанный конверт.

— Я велел принести деньги сюда, чтобы вам не пришлось идти в отдел зарплаты. Там иногда месяцами нельзя добиться расчета, а, судя по вашему виду, вам некогда ждать.

— Большое спасибо, — сказал Колен.

— Я еще не видел вашей вчерашней продукции, ее вот-вот принесут. Может, подождете минутку?

Его дребезжащий сиплый голос терзал слух Колена.

— Хорошо, я подожду.

— Видите ли, мы вынуждены быть очень внимательны к этим деталям, потому что все винтовки должны быть одинаковыми, даже если для них нет патронов…

— Да, — сказал Колен.

— А патронов у нас по большей части нет. С планом по производству патронов у нас получилась неувязка. Дело в том, что скопились большие запасы патронов, но они годятся только для той модели винтовки, которая уже давно снята с производства, а приказа выпускать патроны для винтовок нового типа мы не получали. Так что пользоваться этими винтовками пока невозмож-

но. Впрочем, все это не имеет никакого значения. Ведь не полезешь же с винтовкой против самоходного орудия. А у противника на каждые наши две винтовки приходится по самоходке. Правда, по количеству стволов превосходство остается за нами, но что самоходному орудию винтовка или даже десяток винтовок, особенно если нет патронов?..

— А здесь самоходок не делают? — спросил Колен.

— Делают, но мы еще только-только справляемся с планом, спущенным нам во время последней войны, поэтому наши самоходки не отвечают современным требованиям, и их приходится тут же пускать на металлолом, а сработаны они на совесть, вот на это и уходит время.

В дверь постучали, и на пороге появился заведующий складом. Он толкнул перед собой белую стерильную тележку, на которой лежала, прикрытая белой простыней, продукция Колена за последнюю смену. С одной стороны простыня почему-то приподнималась, а этого не могло бы быть, если бы все стволы имели правильную цилиндрическую форму, и Колен забеспокоился.

Заведующий складом вышел, прикрыв за собой дверь.

— М-да… — сказал приемщик. — Как-то не похоже, что все уладилось.

Он приподнял простыню. На тележке лежали двенадцать синеватых холодных стальных стволов, и из каждого росла прекрасная белая роза, — ее бархатистые лепестки, чуть кремовые в глубине, должно быть, только что раскрылись.

— О, — прошептал Колен, — как они хороши!..

Приемщик ничего не сказал. Он только кашлянул два раза.

— В общем так… — произнес он раздумчиво. — На работу вам завтра, пожалуй, не стоит выходить.

Его пальцы нервно стиснули край тележки.

— Я могу их взять? — спросил Колен. — Для Хлои…

— Они завянут, как только вы их оторвете от стали, — сказал приемщик. — Они, видите ли, тоже стальные…

— Быть этого не может! — воскликнул Колен.

Он бережно коснулся стебелька одной из роз и попытался сломать его, но при этом сделал неловкое движение, и лепесток рассек ему кожу на руке. Рана длиной в несколько сантиметров медленно заполнялась густой кровью, которую он стал машинально слизывать. Он глядел на

белоснежный лепесток, отмеченный кровавым полумесяцем, и приемщик тихонько похлопал его по плечу и подтолкнул к двери.

LIII

Хлоя спала. Днем нимфея одалживала ей свою матовую кремовость, но во время сна она, видно, считала, что стараться незачем, и лихорадочный румянец проступал на щеках больной. Глаза ее гляделись двумя голубыми пятнами подо лбом, и издали нельзя было понять, раскрыты они или нет. Колен сидел на стуле в столовой и ждал. Вокруг Хлои стояло много цветов. Поэтому он мог подождать еще несколько часов, прежде чем идти искать другую работу. Он решил чуть-чуть отдохнуть, чтобы произвести хорошее впечатление и получить прилично оплачиваемое место. В комнате было темно. Окно уже почти целиком заросло, оставалась лишь узкая щель над подоконником, шириной сантиметров в десять, сквозь которую сочился белесый свет и падал полосой на его лоб и глаза. Остальная часть лица была погружена в сумеречную тень. Проигрыватель стал плохо работать, для каждой пластинки приходилось его заново заводить, а это утомляло Колена. Да и пластинки стали такими заигранными, что часто уже трудно было

узнать мелодию. Он подумал о Хлое. Если ей что-нибудь понадобится, то мышка тут же прибежит за ним. Женится ли Николя на Исиде? Интересно, какое у нее будет свадебное платье? Кто это звонит в дверь?

— Здравствуй, Ализа, — сказал Колен. — Ты пришла навестить Хлою?

— Нет, я просто пришла.

Они сидели в столовой, в которой из-за волос Ализы стало теперь куда светлее. И два стула там тоже еще нашлось.

— Ты затосковала, мне это знакомо.

— Шик пришел, он сейчас дома.

— Он послал тебя за чем-нибудь? — спросил Колен.

— Нет, — ответила Ализа. — Он меня просто отослал из дому.

— Понятно. Он решил заняться ремонтом?..

— Нет, — сказала Ализа. — Он собрал наконец все книги Партра, а я ему больше не нужна.

— Ты устроила ему сцену?

— Нет.

— Он, наверное, неправильно тебя понял, а когда он перестанет злиться, ты ему все объяснишь.

— Он мне сказал, что у него осталось ровно

столько инфлянков, сколько нужно, чтобы переплести последнюю книгу Партра в гусиную кожу цвета небытия, и что он не допустит, чтобы я с ним осталась, потому что он не может меня ничем обеспечить, и что я стану совсем некрасивой, и у меня будут красные, безобразные руки.

— Он прав, — сказал Колен. — Работать ты не должна.

— Но я люблю Шика. Я работала бы ради него.

— Это не выход. К тому же ты не можешь работать, ты слишком красивая.

— Почему он меня выгнал? — спросила Ализа. — А я правда была красивая?

— Не знаю, но мне очень нравятся твои волосы и твое лицо.

— Погляди, — сказала Ализа.

Она встала, потянула за колечко молнию, и платье ее упало на пол. Это было платье из светлой шерсти.

— Да… — прошептал Колен.

В комнате стало очень светло, и Колен увидел Ализу всю как есть. Ее груди, казалось, вот-вот вспорхнут и улетят, а продолговатые мышцы ее стройных ног на ощупь были, должно быть, твердыми и горячими.

— Я могу тебя поцеловать? — спросил Колен.

— Да, ты мне нравишься.

— Ты замерзнешь.

Ализа подошла к Колену и села к нему на колени, а из глаз ее тихо потекли слезы.

— Почему он не хочет больше быть со мной?

Колен баюкал ее, как дитя.

— Он ничего не понимает. Но, знаешь, Ализа, он все-таки хороший парень.

— Он очень меня любил. Он думал, что сможет разделить себя между книгами и мной, но книги этого не захотели.

— Ты замерзнешь, — повторил Колен.

Он целовал ее и гладил по волосам.

— Почему я не встретила тебя раньше, чем его? Я так любила бы тебя. Но теперь я не могу. Я его люблю.

— Понимаю, — сказал Колен. — Я теперь тоже больше люблю Хлою. — Он поставил ее на ноги и поднял с пола платье. — Оденься, котенок, ты замерзнешь.

— Нет. И вообще, какая разница.

Она машинально одевалась.

— Я не хочу, чтобы тебе было грустно, — сказал Колен.

— Ты так добр ко мне, но мне очень грустно… Что-то я для Шика, пожалуй, все же сумею сде-

лать.

— Иди к родителям. Они, наверное, хотят тебя видеть… Или к Исиде…

— Там не будет Шика. А мне незачем идти туда, куда он не придет.

— Он придет. Я схожу за ним.

— Нет, — сказала Ализа. — К нему нельзя войти. У него теперь дверь всегда заперта на ключ.

— Уж как-нибудь я к нему попаду. А может, он сам придет ко мне.

— Вряд ли. Он уже не тот Шик, что прежде.

— Да нет. Он тот же самый, — сказал Колен. — Люди не меняются. Меняются только вещи.

— Не знаю…

— Я провожу тебя. Мне все равно надо идти искать работу.

— Мне в другую сторону.

— Я провожу тебя хоть до подъезда.

Они стояли лицом к лицу. Колен положил Ализе руки на плечи. Он ощущал тепло ее шеи, а ее пушистые, вьющиеся волосы почти касались его кожи. Он провел ладонями вдоль ее спины. Она уже не плакала. Она как бы отсутствовала.

— Я не хочу, чтобы ты сделала какую-нибудь глупость, — сказал Колен.

— О, я не сделаю глупости…

— Если затоскуешь, приходи ко мне.

— Быть может, я еще приду.

Ее взор был обращен вовнутрь. Колен взял ее за руку. Они спустились по лестнице. Кое-где они оскальзывались на сырых ступеньках. Перед домом Колен простился с ней. Она стояла и глядела ему вслед.

LIV

Шик только что получил от переплетчика последний том и теперь поглаживал его, прежде чем поставить на место. Книга была переплетена в толстую гусиную кожу цвета небытия с вытесненным на ней именем Партра. Все тома обычного издания стояли на отведенном для них стеллаже, а все варианты рукописей, первые издания, наброски занимали специально для этой цели пробитые в стене ниши.

Шик вздохнул. Этим утром он расстался с Ализой. Он был вынужден ей сказать, чтобы она ушла. У него остался только один инфлянк в кармане, да еще валялся кусок сыра на кухне, к тому же ее платья занимали место в шкафу, где он хранил старую одежду Партра, которую книготорговец чудом ему добывал. Шик уже не помнил, когда он в последний раз целовал Ализу. Он не мог тратить время на поцелуи. Ему надо было срочно починить проигрыватель, чтобы выучить наизусть лекцию Партра. Если вдруг разобьются пластинки, он должен суметь восстановить этот текст от слова до слова.

Здесь были собраны все книги Партра, все, что когда-либо печаталось. Роскошные переплеты, надежно защищенные кожаными футлярами, позолоченные застежки, подарочные издания на голубой бумаге с широкими полями, нумерованные экземпляры, малые тиражи, напечатанные на липучке для мух и на туалетной бумаге верже, — всему этому была отдана целая стенка, разделенная на уютные ячейки, обитые замшей. Каждое сочинение занимало отдельную ячейку. На противоположной стене, сложенные сброшюрованными стопочками, хранились статьи Партра, ревностно вырезанные из газет и журналов, из несметного количества всевозможных периодических изданий, которые он щедро одаривал своим благосклонным сотрудничеством.

Шик провел рукой по лбу. Сколько времени прожила с ним Ализа? Колен дал ему инфлянки, чтобы они поженились, но ведь она на этом не настаивала, была рада тому, что могла его ждать. Она вечно ждала его, делила с ним жизнь и этим вполне довольствовалась. Но разве можно допустить, чтобы женщина оставалась с вами просто потому, что она вас любит? Он тоже ее любил. Поэтому он не мог ей позволить попусту терять время, раз она больше не интересовалась

Партром. Как можно не интересоваться таким человеком, как Партр?.. Человеком, способным написать, что угодно, на какую угодно тему, и притом с такой точностью… Меньше, чем за год, наверное, Партр выпустит в свет свою Энциклопедию блевотины, и герцогиня де Будуар будет участвовать в этой работе, а значит, появятся новые рукописи невероятной ценности. До этого надо еще успеть заработать достаточно инфлянков, чтобы собрать необходимую сумму и вручить ее книготорговцу в виде задатка. Да, Шик не уплатил налогов. Но предназначенные на это деньги ему были куда нужнее для покупки экземпляра «Клоаки Святой голубки». Ализе, конечно, хотелось бы, чтобы Шик прежде всего уплатил налоги, и она даже предложила ради этого продать что-нибудь из своих украшений. Он не стал ее отговаривать и таким образом получил как раз столько инфлянков, сколько стоил переплет «Клоаки Святой голубки». А Ализа прекрасно обходилась и без колье.

Шик не решался выйти из дома: вдруг она стоит за дверью и ждет, когда он повернет ключ. Впрочем, это было маловероятно. Ее каблучки застучали по лестнице, будто молоточки по наковальне, и постепенно затихли. В конце кон-

цов Ализа ведь может вернуться к родителям и продолжать учебу. Не так уж страшно она отстала. Стоит ей только захотеть, и она в два счета наверстает пропущенные лекции. Но Ализа совсем перестала заниматься. Она была слишком поглощена делами Шика, готовила ему еду и гладила его галстуки. Ну, так он в конце концов вообще не уплатит налоги. Нечего бояться, что налоговый инспектор явится на дом взыскивать задолженность. Разве ему могут привести в пример хоть один такой случай? Нет, этого не бывает. На худой конец можно внести какую-то часть, скажем, один инфлянк, и вас оставят в покое на некоторое время… Интересно, платит ли налоги такой человек, как Партр? Вполне вероятно. Но с точки зрения нравственности похвально ли платить налоги и получить за это право быть арестованным потому только, что все безропотно платят налоги, и на эти деньги содержатся полиция и крупные чиновники. Это порочный круг, который надо разорвать. Пусть отныне никто не платит налогов, и тогда все чиновники умрут от дистрофии и войны больше не будет.

Шик снял крышку со своего проигрывателя, у которого было два вертящихся диска, и поставил одновременно две разные пластинки Жан-Соля

Партра. Он хотел их слушать именно вместе, чтобы две старые идеи, столкнувшись, породили новую. Поэтому он поставил себе стул на равном расстоянии от обоих динамиков, голова его оказалась таким образом как раз в точке столкновения старых идей и автоматически обогащалась удивительным результатом этого столкновения.

С легким поскрипыванием корундовые иголки соскользнули с холостых витков на звуковые дорожки, и в ушах Шика зазвучали слова Партра. Он глядел в окно и видел, как над крышами домов, и там, и тут, поднимались огромные волюты синих дымов, чуть подсвеченные снизу красным, словно жгли бумагу. Он машинально отметил про себя, что красный заметно берет верх над синим, а звучащие из динамиков слова, сталкиваясь, вспыхивали ярким светом и убаюкивали его усталое сознание, суля тот полный покой, какой нисходит только на мшистой лужайке в мае.

LV

Сенешаль полиции{65} вынул из кармана свисток и, использовав его в качестве колотушки, ударил им в огромный перуанский гонг, который висел за его креслом. В ответ на всех этажах раздался топот кованых сапог, грохот следующих друг за другом падений, и шестеро лучших сотрудников кувырком влетели к нему в кабинет.

Вскочив на ноги, они похлопали себя по ляжкам, чтобы отрясти пыль, и вытянулись по стойке смирно.

— Дуглас! — выкрикнул сенешаль.

— Есть! — браво ответил первый сотрудник.

— Дуглас! — повторил сенешаль.

— Есть! — ответил второй сотрудник.

Поверка продолжалась. Сенешаль никак не мог запомнить фамилий своих подчиненных,

---

{65} Комментарии: 2.65

Сенешаль полиции… — Сцена смерти Шика выполнена Вианом с использованием элементов поэтики американского боевика (об «американизированности» Шика см. комм. [broken link: #chick]). Полицейские получают типичное американское имя «Дуглас». В названии же их оружия — «уравнители» — содержится аллюзия на рекламу известной американской оружейной фирмы: «Бог создал людей, полковник Кольт сделал их равными». Револьверы марки «кольт» состоят на вооружении американской полиции.

и «Дуглас» стало для всех них нарицательным именем.

— Особое задание! — возвестил сенешаль.

Единообразным движением все шестеро разом схватились правой рукой за задний карман брюк, чтобы продемонстрировать боевую готовность своих двенадцатиствольных уравнителей.

— Руководить буду лично я, — продолжал сенешаль.

Он снова яростно ударил в гонг. Дверь распахнулась, и появился секретарь.

— Я отбываю, — сообщил ему сенешаль. — Особое задание. Блокнотируйте!

Секретарь исправно вытащил блокнот и карандаш и встал в стойку для служебных записей по форме номер шесть.

— Принудительное взыскание налогов у мессера Шика, с предварительной описью принадлежащего ему имущества, — диктовал сенешаль. — Незаконное избиение и публичное шельмование. Полная конфискация или даже частичная с нарушением неприкосновенности жилища.

— Записано, — доложил секретарь.

— Шагом марш, Дугласы! — скомандовал сенешаль.

Он встал и возглавил оперативный отряд. Тяжело ступая, Дугласы двинулись к выходу колонной по одному, похожей на гигантскую многоножку, обутую в сапоги. Все шесть сотрудников были одеты в облегчающие черные кожаные комбинезоны с бронированными накладками на груди и плечах, а их каски из вороненой стали, напоминающие по форме шлемы, низко спускались на затылок и вместе с тем надежно прикрывали виски и лоб. Сапоги у них были тяжелые, кованные железом. Сенешаль носил такой же комбинезон, но только их красной кожи, а на плечах у него блестели две золотые звезды. Задние карманы у его людей раздулись от двенадцатиствольных уравнителей. Сам он держал в руке маленькую золотую дубинку, а на поясе у него висела тяжелая позолоченная граната. Отряд спустился по парадной лестнице, и часовые стали на выутюжку, в то время как сенешаль поднес руку к каске. У подъезда их ждала спецмашина. Сенешаль сел на заднее сиденье и оказался в полном одиночестве, а его команда разместилась на подножках: четверо худых сотрудников с одной стороны, и двое толстых — с другой. Шофер был одет также в черный комбинезон, но каски ему не полагалось. Машина тронулась. Вместо колес у нее

было множество вибрирующих ножек, таким образом не приходилось опасаться, что шальные пули продырявят шины. Автомобильные ножки зашаркали по асфальту мостовой, и водитель круто свернул на первой же развилке. Ехавшим в машине показалось, что они взлетели на гребень волны, которая тут же разбилась.

LVI

Ализа глядела вслед Колену, прощаясь с ним всем сердцем. Он так любит Хлою, ради нее он шел теперь искать работу. Ему нужны деньги, чтобы покупать ей цветы и бороться с этим ужасом, который пожирает ее, угнездившись в ее груди. Широкие плечи Колена слегка поникли, вид у него был очень усталый, его светлые волосы уже не были расчесаны и уложены, как прежде. Шик бывал таким нежным и проникновенным, когда говорил о Партре или толковал какой-нибудь его текст. А ведь он и в самом деле не может обходиться без Партра, ему никогда и в голову не придет искать себе другого кумира. Партр говорит все то, что он, Шик, сам хотел бы сказать. Нельзя допустить, чтобы Партр выпустил в свет свою энциклопедию. Шик погибнет из-за нее, он, чего доброго, начнет красть или даже убьет какого-нибудь книготорговца. Ализа медленно двинулась вниз по улице. Партр все дни напролет проводит

в маленьком кафе{66}, там он пьет и пишет рядом с другими, которые тоже приходят туда пить и писать. Они попивают чаек вприкурку и слабенькие ликеры, благодаря чему им удается не думать о том, что они пишут, да еще люди там то и дело входят и выходят, не кафе, а проходной двор какой-то, а это взбалтывает осевшие в глубине сознания мысли, и тогда легко выудить наугад то одну, то другую, и даже незачем отсекать лишнее, стоит только записать их, а заодно и все лишние тоже, да развести пожиже одно в другом. Такие смеси легче проглатываются публикой, особенно женщинами, которые вообще не терпят ничего в чистом виде. До кафе было рукой подать, и Ализа еще издали увидела, как один из официантов в белой куртке и брюках лимонного цвета подкладывает фаршированную свинью Дону Эвани Марке{67}, знаменитому игроку в сексбол,

---

{66} Комментарии: 2.66

Партр все дни напролет проводит в маленьком кафе… — намек на то, что в послевоенные годы центром времяпрепровождения приверженцев «экзистенциализма» стали бары и кафе в парижском квартале Сен-Жермен-де-Пре; достаточно было стать завсегдатаем одного из них, чтобы прослыть «экзистенциалистом». «Резиденция» самого Ж.-П. Сартра находилась в кафе «Флора» на бульваре Сен-Жермен.

{67} Комментарии: 2.67

Дон Эвани Марке. — Этот «игрок в сексбол» носит, в чуть измененном виде, имя, стоящее в заглавии стихотворения Раймона Кено [broken link: #partre] «Дон Эване Марки» (1943); восемь стихов этого текста содержат в себе анаграмму имени автора.

который не пил, потому что терпеть этого не мог, а поглощал одно за другим острые блюда, чтобы тем самым вызвать жажду у своих соседей. Ализа вошла. Жан-Соль Партр что-то строчил, сидя на своем обычном месте. Все столики вокруг были заняты, в зале струилась многоголосая негромкая беседа. Благодаря обыкновенному чуду, что, впрочем, вполне необыкновенно, Ализа увидела свободный стул как раз рядом с Жан-Солем и села. Свою увесистую сумку она поставила на колени и отстегнула замок. Взглянув через плечо Жан-Соля на лист, лежащий перед ним, она прочитала заглавие: «Энциклопедия. Девятнадцатый том». Ализа робко дотронулась рукой до локтя Жана-Соля, и он перестал писать.

— Вы, оказывается, дошли уже до девятнадцатого тома, — сокрушенно произнесла Ализа.

— Да, — ответил Жан-Соль. — Вы хотите со мной побеседовать?

— Я хочу просить вас не издавать вашу энциклопедию.

— Это затруднительно, — ответил Жан-Соль. — Ее ждут.

Он снял очки, жарко подышал на стекла и снова надел. Глаз его больше не было видно.

— Конечно, — сказала Ализа. — Я просто хочу

сказать, что надо задержать ее выход.

— Что ж, если дело только в этом, то нам можно потолковать.

— Надо бы отложить ее лет на десять.

— Вот как?

— Да. На десять лет. Или, если угодно, еще на больший срок. Видите ли, людям надо дать возможность накопить деньги, чтобы они сумели ее приобрести.

— Это будет довольно скучное чтение, — сказал Жан-Соль Партр. — Потому что даже писать ее мне очень скучно. У меня то и дело сводит судорогой правое запястье.

— Мне вас очень жалко.

— Из-за судороги?

— Нет, — ответила Ализа. — Из-за того, что вы не хотите задержать издание.

— Почему?

— Сейчас вам объясню: Шик тратит все свои деньги на покупку ваших сочинений, а денег у него больше нет.

— Было бы куда разумней тратить их на что-нибудь другое, — сказал Жан-Соль. — Я лично никогда не покупаю своих книг.

— Ему нравится то, что вы пишете.

— Это его право. Он сделал выбор.

— Я нахожу, что он преувеличивает, — сказала Ализа. — Я тоже сделала выбор, но я свободна, потому что он больше не хочет жить со мной, и мне придется вас убить, раз вы отказываетесь задержать издание.

— Вы лишите меня средств к существованию, — сказал Жан-Соль. — Как мне получать авторский гонорар, если я буду мертв?

— Это ваше дело. Я не могу все принимать в расчет, поскольку больше всего на свете я хочу вас убить.

— Но согласитесь, что подобный довод не может быть для меня основательным.

— Соглашаюсь, — сказала Ализа, открыла сумку и вынула оттуда сердцедер Шика, который она уже несколько дней назад взяла у него из ящика стола. — Расстегните, пожалуйста, ворот вашей рубашки.

— Послушайте, — воскликнул Жан-Соль, снимая очки. — Я нахожу, что все это какая-то дурацкая история.

Он расстегнул рубашку. Ализа собралась с силами и решительным движением вонзила сердцедер в грудь Партра. Он вскинул на нее глаза, он умирал быстро, и в его затухающем взгляде промелькнуло удивление, когда он увидел, что

извлеченное сердце имеет форму тетроида. Ализа побледнела как полотно. Жан-Соль был мертв, и чай его остывал. Она схватила рукопись «Энциклопедии» и порвала ее в клочки. На маленьком четырехугольном столике кровь смешивалась с чернилами, вытекшими из самопишущей ручки, и официант подошел, чтобы вытереть всю эту пакость. Ализа расплатилась с официантом, затем раздвинула концы сердцедера, и сердце Партра упало на столик. Сложив никелированный инструмент и сунув его назад в сумку, она вышла на улицу, сжимая в руке спичечный коробок Партра.

LVII

Она обернулась. Густой черный дым заволок витрину, и прохожие начали останавливаться. Ей пришлось зажечь три спички, прежде чем занялось пламя, — книги Партра никак не загорались. Владелец книжной лавки ничком лежал за конторкой, а его сердце, валявшееся рядом, постепенно охватывал огонь — из него вырывались язычки черного пламени и брызгали струи кипящей крови. Две книжные лавки, расположенные метрах в трехстах от этой, уже пылали вовсю, потрескивая и шипя, а хозяева их были мертвы. Всех, кто продавал Шику книги, ожидает такая смерть, а их лавки будут преданы огню. Ализа плакала и торопилась, она ни на миг не могла забыть выражения глаз Жан-Соля Партра, когда он увидел свое сердце. Сперва она не хотела его убивать, она думала только задержать выпуск «Энциклопедии» и тем спасти Шика от гибели, которой он упрямо шел навстречу. Все книгопродавцы были в заговоре против Шика, они хотели вытянуть у него все деньги, используя его страсть к Партру, они всучивали ему старую одежду, не

имевшую никакой цены, и трубки с какими-то там отпечатками, они заслужили свою участь. Вдруг Ализа увидела слева от себя еще одну витрину с выставленными в ней переплетенными томиками. Она остановилась, перевела дух и вошла в лавку. Хозяин тут же подошел к ней.

— Что вам угодно? — спросил он.

— У вас есть Партр?

— Конечно, — ответил он. — Но, к сожалению, в данный момент я не могу предложить вам наиболее редкие издания, потому что все они обещаны моему постоянному покупателю.

— Шику? — спросила Ализа.

— Да, кажется, его зовут именно так.

— Он больше у вас никогда ничего не купит.

Ализа подошла к хозяину лавки и, словно невзначай, уронила платок. И когда тот, кряхтя, нагнулся, чтобы его поднять, она быстрым движением вонзила сердцедер ему в спину. Тут она снова расплакалась и задрожала, а хозяин упал лицом на пол, и она не посмела взять свой платок, потому что он стиснул его застылыми пальцами. Она извлекла сердцедер, между его концами было зажато сердце книготорговца. Ализа раздвинула концы инструмента, и маленькое светло-красное сердце упало на пол и покатилось к своему быв-

шему владельцу. Надо было торопиться. Ализа схватила кипу газет, чиркнула спичкой, сделала факел, швырнула его под прилавок и завалила остальными газетами, потом сняла с ближайшей полки дюжину томиков Николя Каласа{68} и кинула их туда же. Распаляющееся пламя, дрожа и пыша жаром, охватило книги. Прилавок разом занялся и затрещал, магазин наполнился смрадным дымом. Ализа спихнула в огонь еще один ряд книг, ощупью пробралась к двери, сорвала, выбегая, ручку, чтобы никто туда больше не вошел, и помчалась дальше. Глаза у нее щипало, а волосы пропахли дымом, она бежала, не останавливаясь, и слезы уже не текли по ее щекам, потому что ветер их тут же осушал. Она все приближалась к кварталу, где жил Шик, ей оставалось сжечь еще только две или три книжные лавки, остальные не представляли для него опасности. Она огляделась по сторонам, прежде чем войти в очередную. За ее спиной, вдалеке, поднимались к небу широкие столбы густого дыма, и прохожие спешили туда, чтобы полюбоваться на согласную работу сложных механизмов, которыми Бранд—Мей-

{68} Комментарии: 2.68

Дюжина томиков Николя Коласа — т. е. автора единственного и весьма неудачного романа «Очаги пожара» (1938), чье имя возникает в романе, очевидно, благодаря созвучию с именем повара Николя.

стер—Зингер оснастил корпус пожарников. Их большие белые машины промчались по улице как раз в тот момент, когда Ализа торопливо и решительно вошла в книжную лавку и притворила за собою дверь. Она поглядела им вслед сквозь стекло витрины, а хозяин подошел к ней и спросил, что ей угодно.

LVIII

— Вы, — сказал сенешаль, — стойте здесь, справа от двери, а вы, Дуглас, — продолжил он, обернувшись к другому толстому сотруднику, — слева, — никого не впускать!

Оба сотрудника, получившие приказание, вытащили свои двенадцатиствольные уравнители, прижали руку с оружием, согласно уставу, к правому бедру дулом вниз, и затянули ремни на касках так, что они глубоко врезались в их подбородки. Сенешаль вошел в дом вместе с четырьмя худыми сотрудниками. Там он также поставил по часовому с правой и с левой стороны двери, приказав никого не выпускать, а сам направился к лестнице вместе с оставшимися двумя худыми Дугласами, удивительно похожими друг на друга: смуглые лица, черные глаза и тонкие губы.

LIX

Прослушав одновременно обе пластинки до самого конца, Шик остановил проигрыватель, чтобы их сменить. Он взял две новые из другой серии. И увидел под одной фотографию Ализы, которую считал потерянной. Ализа была снята вполоборота, освещенная рассеянным светом, но один юпитер фотограф расположил, видимо, сзади, так что казалось, солнце играет в ее волосах. Не выпуская из рук найденную фотографию, Шик снова включил проигрыватель, поглядел в окно и обратил внимание на то, что новые столбы дыма поднимались теперь уже совсем близко от его дома. Сейчас он дослушает эти две пластинки и спустится вниз, чтобы наведаться в ближайшую книжную лавку. Он сел, и взгляд его упал на фотографию, которую он все еще держал в руке. Если вглядеться повнимательнее, нельзя было не обнаружить сходства между Ализой и Партром; и постепенно образ Партра все больше заслонял собою образ Ализы, это он, а не она улыбается Шику с фотоснимка, и, конечно же, Партр поставит свой автограф на любой из его книг. На

лестнице раздались шаги, Шик прислушался, в его дверь постучали. Он положил фотографию на стол, остановил проигрыватель и пошел открывать. Он увидел перед собой черный кожаный комбинезон одного из сотрудников, рядом стоял второй. Сенешаль появился последним. В полутьме лестничной площадки по его красному комбинезону и черной каске то и дело пробегали какие-то отсветы.

— Ваше имя Шик? — спросил сенешаль.

Шик попятился, лицо его стало белым как мел. Он отступал все дальше от входной двери, пока не уперся спиной в стеллаж, где хранились все его сокровища.

— Что я сделал? — спросил он.

Сенешаль порылся в нагрудном кармане, вынул лист и прочел:

— «Принудительное взыскание налогов у мессера Шика с предварительной описью принадлежащего ему имущества. Полная его конфискация или даже частичная, осложненная нарушением неприкосновенности жилища. Оскорбление действием и публичное шельмование».

— Но… я уплачу налоги, — сказал Шик.

— Несомненно, — сказал сенешаль. — Потом вы их уплатите. Но прежде мы должны нанести

вам оскорбление действием. А действие у нас такое длинное, что антракта вам не дождаться. Мы всегда выражаемся иносказательно, чтобы людей зря не волновать.

— Я сейчас отдам вам все свои деньги, — сказал Шик.

— Это само собой, — сказал сенешаль.

Шик подошел к столу и выдвинул ящик, где у него хранились новый сердцедер лучшей марки и никуда уже не годная полицебойка. Сердцедера на месте не оказалось, но полицебойка лежала как пресс-папье на стопке документов.

— Послушайте, — спросил сенешаль, — вы в самом деле ищете деньги, а не что-нибудь другое?

Сотрудники отошли на несколько шагов друг от друга и вынули свои уравнители. Шик выпрямился, сжимая в руке полицебойку.

— Берегитесь, шеф! — предупредил один из сотрудников.

— Нажимать на спусковой крючок? — спросил другой.

— Так просто я не дамся! — крикнул Шик.

— Хорошо, — сказал сенешаль. — Тогда мы конфискуем ваши книги.

Дуглас схватил с полки первый попавшийся том и грубым движением раскрыл его.

— Там чего-то написано, и только, — доложил он.

— Нарушайте неприкосновенность жилища! — приказал сенешаль.

Дуглас схватил книжку за переплет и стал ее трясти что было сил.

— Не смейте трогать!.. — завопил Шик.

— Послушайте, почему вы не пускаете в ход полицебойку? — спросил сенешаль. — Вы же слышали приказ, там есть пункт: нарушение неприкосновенности жилища.

— Оставьте книги!.. — взвыл Шик и прицелился, но курок дал осечку.

— Нажимать, шеф? — снова спросил сотрудник.

Переплет оторвался, и Шик кинулся к книге, отшвырнув сломанную полицебойку.

— Нажимайте, Дуглас! — приказал сенешаль, отступая к двери.

Оба сотрудника выстрелили одновременно, и Шик рухнул к их ногам.

— Приступать к оскорблению действием, шеф? — спросил второй полицейский.

Шик еще мог немного двигаться.

Он чуть приподнялся, опираясь на руки, и ему даже удалось встать на колени. Он обхватил

живот руками, лицо его подергивалось, а проступивший пот заливал глаза. Глубокая ссадина перерезала лоб.

— Оставьте книги, — прохрипел он. Голос его пресекался.

— Мы их растопчем, — сказал сенешаль. — Я думаю, вы умрете через несколько секунд.

Голова Шика бессильно повисла, он безуспешно попытался оторвать подбородок от груди, но живот болел так нестерпимо, будто у него в кишках поворачивали трехгранные штыки. Наконец ему удалось упереть одну ногу ступней в пол, но другое колено решительно отказывалось разогнуться. Сотрудники подошли к книжным полкам, сенешаль же сделал два шага в сторону Шика.

— Не трогайте эти книги… — простонал Шик.

Кровь булькала у него в гортани, голова склонялась все ниже и ниже. Он уже не стискивал свой живот, а бесцельно взмахнул окровавленными руками, словно пытаясь опереться о воздух, и ничком упал на пол. Сенешаль перевернул его ногой. Шик больше не двигался, и его раскрытые глаза глядели куда-то далеко, за пределы комнаты. Лицо его было разделено пополам струйкой крови, стекавшей со лба.

— Топчите, Дугласы, — приказал сенешаль. — А этим шумофоном займусь я лично.

Проходя мимо окна, он увидел, что из первого этажа соседнего дома валом валят густые клубы дыма и медленно поднимаются к нему в форме гигантского гриба.

— Впрочем, тщательно топтать незачем, — добавил сенешаль. — Соседний дом горит. Не мешкайте, это главное! Следов все равно не останется. Но в отчете я отмечу проделанную вами работу.

Лицо Шика почернело. Лужа крови под ним застывала в форме звезды.

LX

Николя прошел мимо книжной лавки, которую Ализа подожгла предпоследней. Он знал, что его племянница в полном отчаянии, так как повстречал Колена, когда тот ходил наниматься на работу. О смерти Партра он тоже сразу узнал, потому что позвонил в свой клуб, и тут же бросился искать Ализу. Он хотел ее утешить, подбодрить и не отпускать от себя ни на шаг, пока она снова не станет веселой, как прежде. Николя все глядел на дом, в котором жил Шик, и вдруг увидел, как длинный и узкий язык пламени вырвался из витрины соседней книжной лавки, а стекло разбилось вдребезги, словно от удара молотком. Он обратил внимание на то, что у подъезда стоит полицейская машина. Как раз в этот момент шофер немного продвинул ее вперед, чтобы вывести из опасной зоны. Заметил он и черные фигуры сотрудников, застывших по обе стороны входной двери. Вскоре примчались пожарники. Их машина затормозила у книжной лавки с невообразимым скрипом. И Николя тем временем уже яростно сражался с замком. На-

конец ударом ноги ему все же удалось высадить дверь, и он ринулся в лавку. Там все пылало. Тело хозяина было распростерто на полу, и к ногам его уже подобрался огонь. Рядом валялось его сердце, а чуть поодаль Николя нашел и сердцедер Шика.

Шары красного пламени перекатывались по лавке, а длинные огненные языки насквозь прошибали ее толстые стены, и Николя, чтобы сразу же не стать добычей огня, пришлось кинуться на пол и распластаться. Тут он почувствовал, что над ним пронеслась мощная воздушная волна, вызванная напористой струей, бьющей из гасильного аппарата пожарников. Гуденье пламени все нарастало по мере того, как струя била по нему, отсекая от пола; книги горели с сухим треском, пылающие странички пролетали над головой Николя противотоком струи, и, несмотря на разбушевавшийся вверху огонь, лежа на полу еще можно было дышать. Николя подумал, что Ализа вряд ли осталась в этой стихии огня, но он не видел двери, через которую она могла бы отсюда выбраться. А пламя под натиском пожарников тем временем быстро уползало все выше, оставляя внизу выжженное пространство. Среди кучек грязного мокрого пепла что-то сверкало ярче огня.

Дым в лавке очень быстро рассеялся, он весь ушел на верхний этаж. Книги уже не горели, но потолок пылал пуще прежнего. По обугленному полу больше не пробегали язычки пламени, только возле изогнутой огнем железной балки из-под пепла пробивался яркий свет.

Весь в саже с головы до ног, с трудом дыша, Николя пополз в ту сторону. Он слышал, как над ним грохотали сапоги пожарников. Он дополз наконец до этой искореженной железной балки и увидел копну ослепительно белокурых волос. Огонь не смог их пожрать, потому что они сияли ярче огня. Николя спрятал их во внутренний карман пиджака и выбрался на улицу.

Он едва волочил ноги. Пожарники глядели ему вслед. Пламя бушевало теперь на верхних этажах дома, и пожарники собирались оцепить квартал, чтобы там все сгорело дотла, поскольку гасильную жидкость они уже израсходовали.

Николя шел по тротуару. Сунув правую руку в карман, он гладил лежащие там волосы Ализы и прижимал их к своей груди. Он услышал рокот обгоняющей его полицейской машины и заметил красный кожаный комбинезон сенешаля на заднем сиденье. Николя чуть-чуть отогнул борт пиджака, и яркий солнечный свет ударил ему в

лицо, только запавшие глаза остались в тени.

LXI

Колен уже видел впереди тридцатый опорный столб. С раннего утра он совершал обход подвала Золотого фонда. Ему вменялось в обязанность громко кричать при появлении грабителей. Подвал был огромный. Пройти его из конца в конец за день можно было только очень быстрым шагом. В середине подвала находилась бронированная камера, наполненная смертоносными газами, в которой медленно вызревало золото. Работа охранника хорошо оплачивалась, но только если ему удавалось обойти за смену весь подвал. А Колен чувствовал себя неважно, и, кроме того, в подвале было очень темно. Он то и дело невольно оглядывался и тем самим выбивался из графика, но сзади он не видел ничего, кроме крошечной светящейся точки электрической лампочки, которую уже давно миновал, и впереди — медленно увеличивающийся огонек той лампочки, к которой приближался.

Грабители приходили красть золото не каждый день, однако на контрольном пункте охраннику всегда надлежало появляться в точно обуслов-

ленное время, не то из его зарплаты удерживали в виде штрафа значительную сумму. Надо было строго соблюдать график движения по подвалу, чтобы оказаться на месте в случае появления грабителей. Они были весьма педантичными людьми и никогда не отступали от заведенного распорядка.

У Колена ныла правая нога. В подвале, выстроенном из твердого искусственного камня, пол был неровным и выщербленным. Когда Колен пересек восьмую белую черту, он прибавил шагу, чтобы вовремя оказаться у тридцатого столба. Он громко запел, подбадривая себя, но тут же умолк, потому что эхо посылало ему назад угрожающие рваные слова и к тому же на совсем другой мотив.

Ноги у него просто отваливались, но он шел, не останавливаясь, и наконец миновал тридцатый опорный столб. Он машинально обернулся, и ему почудилось что-то за спиной. На этом он потерял пять секунд и тут же сделал несколько торопливых шагов, чтобы их наверстать.

LXII

В гостиную уже нельзя было войти. Потолок опустился почти до пола, и между ними протянулись какие-то полурастительные, полуминеральные стебли, которые бурно разрастались в сыром полумраке. Дверь в коридор больше не открывалась. Оставался только узкий проход, который вел от входной двери прямо в комнату Хлои. Исида прошла первой, Николя двинулся за ней следом. Он был явно не в себе. Что-то распирало внутренний карман его пиджака, и он то и дело прижимал руку к груди.

С порога Исида оглядела комнату. Вокруг кровати по-прежнему стояли цветы. Хлоя с трудом удерживала в руках, бессильно лежащих на одеяле, большую белую орхидею, которая, впрочем, казалась бежевой в сравнении с прозрачной белизной ее кожи. Глаза у Хлои были открыты, но она едва шевельнулась, когда Исида присела возле нее. Николя взглянул на Хлою и отвернулся. А ему так хотелось ей улыбнуться. Он подошел и погладил ей руку. Потом он тоже сел. Хлоя медленно опустила веки и снова подняла их.

Казалось, она была рада приходу друзей.

— Ты спала? — тихо спросила Исида.

Хлоя взглядом ответила, что нет. Исхудалыми пальцами искала она руку Исиды. Под левой ладонью Хлои притаилась мышка и посверкивала оттуда черными живыми глазками. Мышка проворно засеменила по одеялу к Николя. Он осторожно поднял ее, поцеловал в шелковистую мордочку, и мышка вернулась к Хлое. Время от времени дрожь пробегала по цветам, стоящим вокруг кровати, они увядали на глазах, а Хлоя слабела с каждым часом.

— Где Колен? — спросила Исида.

— Работа… — еле слышно выдохнула Хлоя.

— Не разговаривай, — сказала Исида. — Я по-другому буду задавать вопросы.

Она наклонила красивую голову к подушке, коснувшись прядью каштановых волос щеки Хлои, и осторожно поцеловала ее.

— Он работает в банке? — спросила она.

Хлоя опустила веки.

Из прихожей донеслись шаги, и в дверях показался Колен. В руках у него были свежие цветы, однако с работы его уволили. Грабители пришли слишком рано, да и вообще у него уже не было сил шагать. Но он пересиливал себя, старался, как

только мог, и вот он принес домой хоть немного денег и эти цветы.

Хлоя, казалось, теперь успокоилась, она почти улыбалась, и Колен, усевшись на кровать, придвинулся совсем вплотную к ней. Его любовь была ей уже непосильна, и он едва касался ее, боясь причинить ей лишние страдания. Потемневшими от работы пальцами он пригладил ее волосы.

Их теперь было четверо: Николя, Колен, Исида и Хлоя. Николя заплакал, потому что Шик и Ализа уже никогда не придут, и Хлое было так плохо.

LXIII

Колену платили теперь много денег, но это уже ничего не меняло. Он должен был обходить по выданному ему списку многие квартиры и за сутки предупреждать указанных в нем людей о несчастьях, которые их ожидают.

Ежедневно он отправлялся и в бедные квартиры, и в богатые, поднимался по бесчисленным лестницам. Всюду его встречали очень плохо. Ему швыряли в лицо тяжелые, ранящие его предметы и жесткие, колючие слова, а потом выставляли за дверь. За это ему и платили, он добросовестно делал, что положено. Он не бросал своей работы. Ведь это было единственное, что он умел делать, — терпеть, когда его выставляют за дверь.

Усталость снедала его, от нее костенели колени и проваливались щеки. Глаза его видели теперь только людские уродства. Он беспрестанно сообщал о бедах, которые случатся, а его беспрестанно гнали взашей с воплями, слезами, проклятьями.

Колен поднялся по лестнице, прошел по коридору и, постучав в дверь, тут же отступил на шаг. Когда люди видели его черную фуражку,

они сразу же понимали, в чем дело, и в ярости накидывались на него, а он должен был все это молча сносить, за это он и получал деньги. Дверь отворили, он предупредил и поспешил уйти. Вслед ему полетело полено, оно угодило между лопаток. Он посмотрел в списке, кто там стоял следующим, и увидел свое имя. Тогда он кинул наземь свою фуражку и пошел по улице, и сердце его стало свинцовым, потому что он узнал, что завтра Хлоя умрет.

LXIV

Надстоятель разговаривал со Священком, Колен дождался конца их беседы и лишь тогда направился к ним. Он шел, как слепой, и то и дело спотыкался. У него перед глазами была Хлоя, недвижно лежащая на их брачной постели. Он видел ее матовую кожу, темные волосы и прямой нос, ее чуть выпуклый лоб, округлый и мягкий овал лица, ее опущенные веки, которые отторгли ее от этого мира.

— Вы пришли насчет похорон? — спросил Надстоятель.

— Хлоя умерла, — сказал Колен.

И он сам услышал, как говорит «Хлоя умерла», но не поверил этому.

— Я знаю, — сказал Надстоятель. — Сколько денег вы намерены потратить на похороны? Вы, конечно, желаете, чтобы церемония была достойной.

— Да, — сказал Колен.

— Я могу вам предложить весьма пышный обряд, стоимостью, примерно, в две тысячи инфлянков, — сказал Надстоятель. — Впрочем, если

угодно, то можно и еще более дорогой…

— У меня всего лишь двадцать инфлянков, — сказал Колен. — Может быть, мне удастся раздобыть где-нибудь еще тридцать или сорок, но не сразу.

Надстоятель набрал в легкие воздух и выдохнул его с гримасой отвращения.

— Значит, вы рассчитываете на церемонию для бедных.

— Я и есть бедный… — сказал Колен. — И Хлоя умерла…

— Да, — сказал Надстоятель, — но перед смертью каждому человеку следует позаботиться о том, чтобы найти деньги на приличные похороны. Итак, у вас нет даже пятисот инфлянков?

— Нет, — ответил Колен. — Но я, пожалуй, мог бы увеличить сумму до сотни, если бы вы согласились дать мне рассрочку. Да понимаете ли вы, что это значит сказать самому себе «Хлоя умерла»?

— Видите ли, — сказал Надстоятель, — я к таким вещам привык, так что на меня это впечатление не производит. Вообще-то говоря, мне надо было бы посоветовать вам искать утешения у бога, но боюсь, что за такую мизерную плату его беспокоить не положено…

— Я и не буду его беспокоить, — сказал Колен. —

Не думаю, что он мог бы мне чем-нибудь помочь, раз Хлоя умерла…

— Что-то вы зациклились на этой теме, — сказал Надстоятель. — Подумайте о… Ну, я не знаю, о чем… О чем угодно… Допустим о…

— Скажите, а за сто инфлянков будут приличные похороны?

— Я даже не хочу этого обсуждать, — сказал Надстоятель. — Уж на полтораста монет вы, надо думать, все же расщедритесь.

— Мне придется вам их долго выплачивать.

— У вас есть работа… Вы мне напишите расписку…

— Я готов, — сказал Колен.

— В таком случае, — сказал Надстоятель, — вы, может быть, согласитесь на двести инфлянков, и тогда Священок и Пьяномарь будут за вас, а при ста пятидесяти они будут против вас.

— Нет, не смогу, — сказал Колен. — Не думаю, что эта работа будет у меня долго.

— Итак, мы остановились на ста пятидесяти, — подвел итог Надстоятель. — И это весьма прискорбно, потому что церемония и в самом деле будет гнусная. Вы мне отвратительны, молодой человек, вы оказались таким скрягой.

— Прошу прощения, — сказал Колен.

— Ступайте писать расписку, — сказал Надстоятель и грубо его оттолкнул.

Колен налетел на стул. Надстоятель, пришедший в бешенство от этого шума, снова толкнул его в сторону тризницы и ворча пошел за ним следом.

LV

Колен поджидал гробоносцев в прихожей своей квартиры. Оба явились, перепачканные с ног до головы, потому что лестница все больше разрушалась, но они были в такой старой и истлевшей форме, что лишняя дырка там или пятно дела не меняли. Сквозь лохмотья виднелись их нечистые, мосластые, поросшие рыжим волосом ноги. Гробоносцы поздоровались с Коленом, похлопав его по животу, как это предусмотрено в регламенте дешевых похорон. Прихожая напоминала теперь коридор в подвале. Им пришлось пригнуть голову, чтобы добраться до комнаты Хлои. Те, кто доставили гроб, уже ушли. Место Хлои занял теперь старый черный ящик, весь во вмятинах и помеченный порядковым номером. Гробоносцы подхватили его и, используя как таран, вышвырнули в окно. Гробы сносили на руках по лестнице только в тех случаях, когда за похороны платили более пятисот инфлянков.

«Так вот отчего, — подумал Колен, — ящик этот помят». И он заплакал, потому что Хлоя, должно быть, сильно ушиблась, а может, и разбилась от

такого удара.

Потом Колену пришло на ум, что она уже ничего не чувствует, и он заплакал пуще прежнего. Ящик с грохотом упал на булыжник мостовой и раздробил ногу игравшему там ребенку. Пиная гроб ногами, гробоносцы подогнали его к тротуару и лишь тогда подхватили на руки и водрузили на катафалк. Это был очень старый фургон, выкрашенный в красный цвет; один из гробоносцев сел за руль.

За машиной шло очень мало народу: Николя, Исида, Колен да еще два-три незнакомых им человека. Фургон ехал довольно быстро, и им пришлось бежать, чтобы не отстать. Шофер горланил какие-то песни. Он вел машину молча, только если за похороны платили больше двухсот пятидесяти инфлянков.

Перед церковью катафалк остановился, но гроб с него так и не сняли, хотя все провожающие вошли внутрь для отпевания. Надстоятель с хмурым видом повернулся к ним спиной и невнятно начал панихиду. Колен стоял перед алтарем.

Он поднял глаза. Перед ним на стене висел крест с распятым Иисусом. Вид у Иисуса был скучающий, и тогда Колен спросил его;

— Почему Хлоя умерла?

— Мы к этому не имеем никакого отношения, — ответил Иисус. — Не поговорить ли нам о чем-нибудь другом?

— А кто имеет к этому отношение? — спросил Колен.

Они разговаривали тихо, и остальные не слышали их беседы.

— Уж во всяком случае, не мы, — сказал Иисус.

— Я пригласил вас на свою свадьбу, — сказал Колен.

— Она удалась на славу, — сказал Иисус, — и я хорошо повеселился. Почему на этот раз вы дали так мало денег?

— У меня больше нет ни гроша, — сказал Колен, — а потом, это же не свадьба.

— Да, — сказал Иисус.

Казалось, он был смущен.

— Это совсем другое, — сказал Колен. — На этот раз Хлоя умерла… Я не могу подумать об этом черном ящике.

— М-м-м… — промычал Иисус.

Он глядел в сторону и, казалось, скучал. Надстоятель крутил трещотку и выкрикивал латинские стихи.

— Почему вы позволили ей умереть? — спросил Колен.

— О, не упорствуйте! — воскликнул Иисус.

Он чуть пошевелился, пытаясь поудобнее расположиться на кресте.

— Она была такой нежной, — сказал Колен. — Она никогда никому не причиняла зла, ни в помыслах, ни в поступках.

— Религия тут ни при чем, — процедил сквозь зубы Иисус и зевнул.

Он слегка тряхнул головой, чтобы изменить наклон тернового венца на своем челе.

— Я не знаю, в чем мы провинились, — сказал Колен. — Мы этого не заслужили.

Колен опустил глаза, Иисус ему не ответил. Тогда Колен снова посмотрел вверх. Грудь Иисуса мерно и неторопливо вздымалась, лицо дышало покоем, глаза были закрыты. Колен услышал, как из его ноздрей вырывается довольное посапыванье, словно мурлыканье сытого кота. В этот момент Надстоятель подпрыгнул сперва на одной ноге, потом на другой и задудел в трубу. На этом траурная церемония окончилась.

Надстоятель первым покинул алтарь и направился в тризницу, чтобы там переобуться в грубые кованные железом башмаки.

Колен, Исида и Николя вышли из храма и стали за катафалком.

Тут появились Священок и Пьяномарь, облаченные в богатые светлые ризы, и принялись освистывать Колена, и, как дикари, кто во что горазд, плясать вокруг фургона. Колен зажал уши, но протестовать не мог, потому что сам заказал погребенье для бедных. Он даже не шелохнулся, когда в него полетели пригоршни камней.

LVI

Они долго шли по улицам вслед за машиной. Прохожие больше не оборачивались им вслед. Спускались сумерки. Кладбище для бедных находилось очень далеко. Катафалк подпрыгивал на выбоинах мостовой, а мотор громко и весело постреливал, словно выпускал праздничные петарды.

Колен уже ничего не слышал, он жил прошлым, иногда вдруг улыбка освещала его лицо, он вспоминал все. Николя и Исида шагали за ним следом. Исида время от времени касалась рукой плеча Колена.

Шоссе вдруг кончилось, и грузовик остановился. Впереди был водоем. Гробоносцы вытащили из фургона черный ящик. Колен впервые попал на это кладбище, оно было расположено на острове неопределенной формы, меняющейся в зависимости от уровня воды. Он смутно вырисовывался сквозь туман. Дальше катафалк ехать не мог. На остров вела длинная пружинящая серая доска, конец которой терялся в прибрежной дымке. Гробоносцы, ругаясь на чем свет стоит, поволокли

ящик, и первый вступил на доску — она была такой узкой, что пройти по ней мог лишь один человек. Они несли черный ящик на перевязях из колбасомятных ремней, которые они накинули на себя. Заднему гробоносцу ремень так сдавил шею, что он стал задыхаться и посинел. На сером фоне густого тумана это выглядело удручающе. Колен двинулся за ним следом, затем на доску ступили Николя и Исида. Первый гробоносец нарочно топал по доске, сотрясая ее, раскачивал из стороны в сторону. Потом он исчез в испарениях, которые хлопьями поднимались от воды, подобные распущенному сахару в стакане сиропа. Их шаги звучали нисходящей гаммой, а доска все больше прогибалась по мере того, как они удалялись от ее конца. Когда же они добрались до самой ее середины, она стала ритмично касаться поверхности озера, симметричные волночки забурлили с обеих сторон, и темная, прозрачная вода почти ее затопила. Колен наклонился направо и посмотрел в глубину — ему почудилось, что он видит, как что-то белое колышется на дне. Николя и Исида тоже остановились, казалось, что все трое стоят прямо на воде. Гробоносцы продолжали идти вперед. Когда они все прошли две трети пути по доске, она, легонько хлюпнув,

оторвалась от воды, и волночки стали постепенно угасать.

Гробоносцы вдруг припустились бегом, они громыхали башмаками по гулкой доске, а ручки черного ящика стучали о его стенки. Гробоносцы с ящиком оказались на острове намного раньше Колена и его друзей. Никого не дожидаясь, они двинулись по тропинке, с обеих сторон окаймленной живой изгородью из темнолистых кустов. Тропинка изгибалась по унылой равнине причудливыми тоскливыми синусоидами, почва была пористой и рассыпчатой. Постепенно тропинка расширялась, листья кустарника становились все более серыми, и прожилки их бархатистой плоти стали отливать золотом. Высокие, гибкие деревья перекидывали ветви с одной стороны дороги на другую, и свет, пробившийся сквозь этот свод, терял яркость, становился белесым. Дальше дорога разветвлялась на несколько тропинок. Гробоносцы, не колеблясь, свернули направо, Колен, Исида, Николя торопились изо всех сил, стараясь их догнать. Не было слышно в деревьях птичьего щебета, вообще ниоткуда не доносилось никаких звуков, только серые листья иногда отрывались и тяжело шмякались на землю. Дорожка петляла. Гробоносцы злобно лягали

стволы, и их кованые башмаки оставляли на губчатой коре глубокие синеватые рубцы. Кладбище находилось в центре острова. Если взобраться на валун, то за чахлыми деревьями вдалеке, ближе к другому берегу, можно было увидеть небо, перечеркнутое темными полосами, — это планеры медленно пролетали над лугами, поросшими звездчаткой и диким укропом.

Гробоносцы остановились у края глубокой ямы и принялись раскачивать гроб Хлои, распевая во весь голос: «Эй ухнем!..» А потом они нажали на защелку. Крышка гроба откинулась, и что-то с глухим стуком упало в яму. Второй гробоносец при этом рухнул на землю, полузадушенный колбасомятным ремнем, потому что не успел вовремя скинуть петлю с шеи. В этот момент к яме подбежали Колен и Николя. Запыхавшаяся Исида спотыкалась, не поспевая за ними. И тут вдруг из-за холмика вышли Священок и Пьяномарь, оба в замасленных спецовках, и, завыв по-волчьи, принялись кидать землю и камни в могилу.

Колен стоял на коленях. Он закрыл лицо руками. Камни с грохотом сыпались в яму. Священок, Пьяномарь и оба гробоносца схватились за руки и хороводом закружились вокруг нее, а потом ни с того, ни с сего опрометью бросились к дороге и,

отплясывая фарандолу, скрылись из виду. Священник трубил в большой крумгорн, и хриплые звуки долго вибрировали в мертвом воздухе. Земля в могильной яме начала постепенно осыпаться, и через две-три минуты тело Хлои исчезло.

LXVII

Серая мышка с черными усиками, сделав невероятное усилие, успела выскочить из комнаты, прежде чем потолок рухнул на пол. Плотные сгустки какой-то инертной массы винтом вырвались из щелей. Мышка помчалась по темному коридору к передней, стены которой тряслись и сдвигались, и ей удалось юркнуть под входную дверь. Попав на лестницу, она кубарем скатилась по ступеням и только на тротуаре остановилась. На секунду замерла в нерешительности, потом, сообразив куда идти, двинулась в сторону кладбища.

LXVIII

— Нет, — сказала кошка. — В самом деле мне нет никакого резона за это браться.

— А зря, — сказала мышка. — Я еще достаточно молода, и меня всегда хорошо кормили, даже в последние дни.

— Но меня тоже хорошо кормят, — возразила кошка, — и кончать с собой я лично не собираюсь. Одним словом, на меня не рассчитывай.

— Ты так говоришь, потому что его не видела.

— А что он сейчас делает? — спросила кошка.

Впрочем, это, собственно говоря, ее мало интересовало. Было жарко, и шерсть на ней так и лоснилась.

— Он стоит на берегу и ждет, а когда решает, что пора, идет по доске и останавливается на ее середине. Он там что-то высматривает в воде…

— Ну, он мало чего там высмотрит, — сказала кошка. — Вот разве что лилию.

— Да, он ждет, пока лилия не всплывет, чтобы ее убить…

— Просто бред какой-то. Все это не представляет никакого интереса.

— …А когда этот час проходит, он возвращается на берег и все глядит на ее фотографию.

— Он никогда не ест?

— Нет, — ответила мышка. — И слабеет час от часу, я не могу этого пережить. В один из ближайших дней он наверняка оступится на доске.

— А тебе-то что? — спросила кошка. — Выходит, он несчастен?

— Он не несчастен, он страдает. Вот именно этого я и не могу вынести. И он непременно упадет в воду, он слишком низко наклоняется.

— Хорошо, — сказала кошка. — Если так обстоит дело, я готова оказать тебе услугу, но сама не знаю, почему я сказала «если так обстоит дело», я все равно ничего не понимаю.

— Ты очень добра, — сказала мышка.

— Сунь мне голову в пасть и жди.

— Сколько ждать?

— Пока кто-нибудь не наступит мне на хвост, — сказала кошка, — чтобы сработал рефлекс. Но не бойся, поджимать хвост я не буду, так что долго ждать не придется.

Мышка раздвинула кошке челюсти и, засунув ей голову в пасть, подставила свою шею под ее острые зубы. Но тут же выскочила назад.

— Ты что, акулы нажралась, что ли?

— Слушай, если тебе не нравится запах, можешь катиться на все четыре стороны, — сказала кошка. — И вообще мне надоела вся эта история. Устраивайся как хочешь.

— Брось обижаться, — сказала мышка.

Она зажмурила свои маленькие глазки и снова сунула голову и пасть. Кошка осторожно опустила острые резцы на мягкую серую шейку. Ее усы перепутались с усами мышки. Потом она распустила свой мохнатый хвост и вытянула его поперек тротуара.

А по улице, распевая псалом, шли одиннадцать слепых девочек из приюта Юлиана Заступника{69}.

Мемфис, 8 марта 1946 г.
Давенпорт, 10 марта 1946 г.{70}

{69} Комментарии: 2.69

Юлиан Заступник. — Пародируется имя Юлиана Отступника, римского императора IV в., известного своими гонениями на христиан.

{70} Комментарии: 2.70

Мемфис, 8 марта 1946 — Давенпорт, 10 марта 1946. — Датировка книги — обычная для Виана мистификация. Виан никогда не бывал в Америке; «Пена дней» была написана за два месяца (март—май 1946 г.). 10 марта — день рождения Виана. Мемфис — город на юге США, родина Мемфис Слима, видного джазового певца и пианиста; Давенпорт — родина американского трубача Бикса Бейдербека (1903–1931), одного из кумиров Бориса Виана. Упоминая два этих города, автор еще раз подчеркивает «музыкальность» своего романа.

И. Стаф
Комментарий

Написанный за два месяца — с марта по май 1946 года — роман вышел впервые в издательстве «Галлимар» в апреле 1947 года. Однако слава главного и лучшего произведения Виана пришла к нему позже: в те годы газетная и журнальная критика была поглощена скандалом, разразившимся вокруг якобы переведенного «с американского» романа «Я приду плюнуть на ваши могилы». Редкие отклики, появившиеся в печати, касались прежде всего выдвижения «Пены дней» на соискание литературной премии «Плеяды» и, как писал журнал «Спектатёр», «победы аббата над трубачом» (премия была присуждена аббату Грожану, автору сборника поэм на библейские темы «Земля во Времени»).

Настоящее признание роман получил в начале 60-х годов; тогда же началось серьезное изучение и осмысление своеобразной «языковой фантастики», являющейся ключом к «Пене дней» и к «феномену Виана» в целом. «Язык-универсум» — так назвал свое ставшее классическим послесловие к изданию романа 1963 года (в серии «10/18») Жак Бенс. Стихия языковой игры, комически трансформирующая реалии «культурного быта» послевоенной Франции с ее модой на экзистенциализм, начавшимся увлечением Аме-

рикой, с ее кафе и джаз-оркестрами, сплавляющая их в веселый, пародийно-идиллический мирок первых страниц «Пены дней», предстала как главная действующая сила романа, которая определяет и его глубинный конфликт. Дело в том, что всевластие языка, делая мир романа подчеркнуто нереальным и сказочно-условным, не оставляет в нем места и для подлинного героя, личности, способной реализовать себя в значимых поступках. Колен и Хлоя безбедно существуют в нем лишь в качестве марионеток, жизненные проблемы которых лишены минимальной значительности — вскочит ли назавтра прыщик на носу? Когда же деньги в сундуке Колена истощаются и он делает попытку спасти любимую, то есть противопоставить себя распадающемуся миру, фантастическая реальность обнаруживает свою изначальную враждебность персонажам. Фантастика утрачивает свою органичность (ср. эпизод с взбесившимся кроликом-автоматом), приобретая отчетливую мрачно-«сюрреалистическую» окраску; мягкий юмор Виана уступает место сатире и гротеску. Беспомощный, обреченный, но не прекращающийся до последнего вздоха бунт Колена против безликой действительности в защиту своей индивидуальности — именно он

придает роману подлинно трагическое звучание, наполняя драматизмом даже его финальную горько-ироническую сценку.